

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л 76

Художественное оформление Людмилы Ивановой

Лонской В.
Л 76 Ящик факира: Роман / Валерий Лонской. — М. :
ЗАО «Вагриус Плюс», 2007. — 320 с.

ISBN 978-5-98525-036-7

Новый роман Лонского «Ящик факира» о российской действительности: сегодняшней — противоречивой и способной мириться с насилием — и столетней давности, где насилие породилось идеей борьбы за справедливость. Имеет ли человек право быть судьей и палачом другому? Способен ли он к состраданию? Или теперь уже ничто не способно смягчить его ожесточившееся сердце?

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-98525-036-7

© Лонской В., 2007
© Оформление. ЗАО «Вагриус Плюс», 2007

А всякий, кто слушает сии слова Мои
и не исполняет их,
уподобится человеку безрассудному,
который построил свой дом на песке...

Евангелие от Матфея,
гл. 7, ст. 26

Когда нечистый дух выйдет из человека,
то ходит по безводным местам, ища
покоя,
и не находит. Тогда говорит: возвращусь
в дом свой, откуда я вышел. И пришед
находит его незанятым, выметенным и
убранным.
Тогда идет и берет с собою семь других
духов, злейших себя, и вошедши живут
там; и бывает
для человека того последнее хуже
первого.

Евангелие от Матфея,
гл. 12, ст. 43–45

Дмитрий Брянцев любил привлекательных женщин и все сопутствующее им. Любил всем нутром. Как любит, к примеру, моряк море и все связанное с ним: запахи морской воды и судовых машин, вид корабельных деталей и аскетизм морских пейзажей, картины играющих на поверхности волн крупных рыб и чаек, беспорядочно летающих в утреннем небе, появляющихся в далеких водах невесть откуда и напоминающих о суше и родном доме на берегу. С той же страстью и Брянцев любил женщин. Потому и не желал жениться — слишком ценил разнообразие. Дарить себя одной — казалось ему — обкрадывать себя, да и ее тоже, поскольку жизнь человеческая — постоянный опыт, в том числе и опыт сексуальный, и сужать его до одной персоны значило лишиться себя немалых радостей, имеющих место в книге человеческого бытия. Он с недоверием относился к тем семейным парам, которые, сойдясь еще в школьные годы (в возрасте, к примеру, юных веронцев, печальную повесть о которых поведал миру г-н Шекспир), прожили вместе долгую и якобы (а может быть, и не якобы) счастливую жизнь в супружеском союзе, не зная ни одного постороннего персонажа в своих объятиях. Брянцев уважал сей добровольный аскетизм на сексуальном фронте, но не более того. Не раз у него возникало чувство жалости к подобным парам, но он давил его в себе: бог с ними, пусть живут как хотят, это их выбор. Сам же он, думалось ему, повесился бы через полгода, если бы принужден был довольствоваться одной-единственной женщиной, будучи прикован к ней, точно раб к галере.

Природа щедра, и грех не пользоваться этим. Какое разнообразие женских лиц, отражающих самые разные сокровенные желания, открывается перед мужчиной! Какое разнообразие губ, нежных ланит, то бледнеющих, то пылающих от румянца! Какое разнообразие шей, плеч, груди, сосков, венчающих эти груди и воспаляющих мужчин! А какое разнообразие животов, ляжек, ягодиц, икр, лодыжек, пальчиков на руках и ногах! И все это можно целовать, наслаждаясь самому и даря наслаждение той, которую любишь. А уж как чудесны женские лона! Не верьте циникам, утверждающим, что между ними нет никакой разницы, что разнятся только лица прелестниц, как маски на карнавале, не верьте — эти недоразвитые типы не понимают в этом ни черта! И вот, когда столько всего прекрасного, лишиться этих сокровищ во имя одной-единственной женщины? Право же, не стоит! Конечно, всякий раз это должно быть настоящее увлечение, праздник, а не унылое удовлетворение похоти с кем попало, как это бывает у командированного, вырвавшегося на свободу в чужом городе. Только праздник, иначе — тоска. Так рассуждал Брянцев, думая о женщинах и их месте в его жизни.

Однажды Брянцеву приснился жуткий сон, где он по чьей-то злой воле должен был обходиться без женщин и оказался в глухой пещере без воды и пищи с каменным изваянием женского вида наедине. Изваяние сидело в позе лотоса, и между развернутых на стороны ляжек виднелось отверстие каменного лона. Брянцева обуял ужас. Его не смутило отсутствие еды и воды, а смутила перспектива заниматься любовью с этим заменителем живой женской плоти. В эту минуту он даже посочувствовал великому сластолюбцу эпохи социализма Лаврентию Берия, чей донжуанский список был чрезвычайно велик: тот, как известно, провел последние месяцы жизни в одиночной камере и вынужден был, ввиду отсутствия прелестниц, довольствоваться собственной рукой, о чем сохранились свидетельства очевидцев из числа охраны, на-

блюдавших с интересом в дверной глазок за этой сублимацией любви, имевшей место у поверженного политического монстра. Далее в том же сне Брянцев мучительно пытался выбраться из пещеры на свободу, где бродили, ожидая его объятий, многочисленные дамы и девушки, но все безрезультатно. Выход из пещеры все время заваливало сыпавшимся сверху песком. И только когда Брянцев проснулся и в шлейфе ужаса оторвал голову от подушки, усаживаясь на постели, у него отлегло от сердца. Он поднялся, открыл настежь окно, желая освежить застоявшийся в комнате воздух прохладной струей с улицы. И, сделав это, залюбовался какой-то светловолосой девчонкой лет семнадцати, в коротком легком платьице, облежавшем ее юную спортивную фигуру. Девчонка стояла на автобусной остановке и, выгнув спину и отклячив свой упругий зад, читала объявления, расклеенные во множестве тут же на стене (что она в них искала — бог ведает!). Узрев ее соблазнительные формы, Брянцев пришел в возбуждение и, если бы в эту минуту был одет, непременно спустился бы на улицу, чтобы завязать с аппетитной попкой знакомство. Тут подошел автобус, и попка уехала в неизвестном направлении.

Как сочувствуют нездоровым людям, так Брянцев сочувствовал однолюбам. Похожие чувства он испытывал и по отношению к геям. Эти ребята, думал он о них, чего-то, видимо, недопонимают, раз интересуются мужиками. Но, как говорится, каждому свое. Он относился к геям терпимо, хотя бы за то, что они работали с Брянцевым на разных территориях и не являлись ему конкурентами в борьбе за женское внимание.

Лишь одно обстоятельство, случалось, омрачало тягу Брянцева к слабому полу: наличие в большом женском сообществе (которое необходимо было соблазнять, ласкать, оплодотворять) особ из разряда «неупотребляемых», то есть запущенных, нечесаных, дурно пахнущих, скандальных, одним словом, омерзительных, пятнающих общую женскую репутацию, лишенных все-

го того сладкого, что должно быть у чуда природы, именуемого женщиной.

Вспоминая тех женщин, с которыми он был близок, Брянцев удовлетворенно закрывал глаза — все они представлялись ему одной большой семьей, где в качестве главы выступал он, Брянцев, наподобие матерого льва-самца в львином прайде. В эту «семью» он включал и тех женщин, с которыми у него ничего не было, но которых когда-то он сильно желал, начиная от учительницы географии Марии Николаевны Юдиной, томной, соблазнительной особы с удивленными темно-зелеными глазами, с которой у него в силу юного тогда возраста ничего и быть не могло, и кончая дамами, недоступными ему в силу разных обстоятельств, включая таких, как леди Диана, чувственной красотой которых он восхищался. Зато те, которыми он обладал, теснились в его памяти живописной чередой, манкие и соблазнительные, волнуя и сейчас отгремевшей любовной музыкой. В минуты страсти одни из них стонали, другие кричали, третьи выли по-звериному, четвертые учащенно дышали, пятые пели в голос, шестые скрипели зубами, словно пытаясь раскусить орех необыкновенной твердости, седьмые что-то беспрерывно говорили, дополнительно возбуждаясь от разговоров, восьмые тихо смеялись, девятые обливались слезами счастья.

Было еще обстоятельство, омрачавшее общую картину отношений Брянцева с женщинами, — стремление некоторых из них женить его на себе. Только он осознавал, что подобное желание у делящей с ним постель особы набирает обороты, наподобие уходящего от станции поезда, он немедленно прерывал отношения и уезжал куда-нибудь на время, давая прелестнице, жаждавшей завлечь его в брачные сети, возможность исторгнуть из себя необходимое в таких случаях количество слез и брани и примириться с мыслью, что Брянцев не тот персонаж, который необходим для обустройства семейного гнезда.

На повороте к месту работы солнце ударило Брянцеву в глаза, и, ослепнув на мгновение, он вынужден был резко притормозить, дабы не наехать на какое-либо неожиданное препятствие, окажись оно сейчас на дороге. К счастью, на пути помех не оказалось. Прикрывшись от солнца щитком, он вновь устремил взгляд на дорогу.

Проехав еще метров пятьдесят и оказавшись в непосредственной близости от стоматологической клиники, где он работал, Брянцев стал выискивать место для парковки. Свободного места не оказалось. Машины, забравшись передними колесами на тротуар, густо лепились вдоль здания, наподобие порослят, сосущих матку. Отсутствие места не огорчило Брянцева, пребывавшего с утра в хорошем настроении: что поделаешь — машин много, а мест для парковки не хватает. Покачивая плечами в такт музыке, доносившейся из приемника, он проехал дальше, соображая, куда бы приткнуться. Наконец увидел свободное пространство между серебристой «хондой» и темно-зелеными «жигулями» девятой модели. Расстояние между машинами было небольшое, но достаточное, чтобы безболезненно вписаться и открыть свою дверцу. Что он и сделал. Брянцев выключил зажигание — музыка оборвалась на полуфразе, словно ей перерезали ножом горло, — и вылез из машины. Мигнула два раза и пикнула охранная сигнализация.

Идти от места, где он оставил машину, до входа в стоматологию пришлось метров семьдесят. Когда оставалось шагов двадцать до подъезда, он уперся в нечто непонятное, вставшее поначалу у него на пути, а когда он обошел препятствие, — следовавшее за ним, требуя к себе внимания, Брянцев вынужден был обернуться. И увидел бомжа в поношенном, грязном свитере и таких же давно не стиранных спортивных штанах. Приглядевшись, Брянцев сообразил, что перед ним не мужик, а су-

щество женского пола. Да, это была женщина со следами каждодневного пьянства на одутловатой физиономии кирпичного цвета, что делает особ такого сорта похожими друг на друга, наподобие близнецов. Брянцев понял, что это баба, но лица разглядеть не смог, хотя и вглядывался в него некоторое время, мучаясь от запаха, который исходил от той, что была когда-то девицей, — что-то мешало зрению ухватить представшие перед ним черты. Но это Брянцев уяснил уже позднее...

Тем временем некто неизвестный, расположившись у чердачного окна в доме старой постройки напротив здания стоматологии, держал в руках винтовку с оптическим прицелом и ловил в окуляр голову Брянцева. Ловил и не мог поймать — какое-то чучело из рода бомжей было помехой, перекрывая непутевой головой своей нужную злоумышленнику голову. По какой причине неизвестный гражданин, занявший позицию у чердачного окна, готовился вклеить пулю в лоб стоматолога, остается загадкой. Женщина-бомж, задержавшая Брянцева и ставшая помехой, сама того не ведая, сберегла стоматологу жизнь.

А задержала она Брянцева с неожиданной просьбой. — Дай денежку и тяни билетик, — сказала она, протянув ему какую-то коробку. — Авось вытянешь счастливый...

Вела себя «бывшая дама», следует сказать, вовсе не заискивающе, а с каким-то даже достоинством, словно не она нуждалась в деньгах, а Брянцев нуждался в совершении милосердного поступка.

«На выпивку сшибает, — подумал Брянцев. — А ведь была когда-то нормальной девушкой. И может быть, недурной... Жаль беднягу!»

Он вынул из кармана светлого летнего пиджака бумажник, достал оттуда сотенную купюру и протянул бомжихе.

— А ты нежадный, — удивилась та и ощерила свой наполовину беззубый рот, отчего стала походить на чумазого, веселого ребенка. — Пожалел несчастную... Бог тебе воздаст за это. Тяни!

И опять протянула свою коробку, чуть ли не тыкая Брянцеву в живот. Это была небольшая, без верхней крышки, которую, вероятно, оторвали за ненадобностью, картонная коробка в сиренево-зеленых тонах из-под чая «Дилмах», в которых обычно хранятся пакетики с чаем в упаковочных конвертиках.

— Я уже напился чаю за завтраком, — сказал Брянцев, глянув в коробку.

— Тяни, тяни, — велела бомжиха, — непременно счастливый билетик попадетс...

И тут Брянцев заметил, что верхний край у всех конвертиков, находившихся в коробке, аккуратно срезан и внутри каждого лежит белая бумажка.

...А неизвестный гражданин, ловивший голову Брянцева в перекрестье прицела, все никак не мог зафиксироваться в одной точке и спустить курок. Человек-помеха, будучи ростом с Брянцева, с шапкой всклокоченных волос, маячил перед ним, закрывая стоматолога и мешая злоумышленнику осуществить задуманное. Тот видел лишь ухо и плечо Брянцева, а ниже, когда смещал окуляр, — кисть правой руки, пальцы которой шевелились над какой-то коробкой, точно пальцы фокусника, когда он манипулирует с картами, извлекая их из воздуха. «Отойди в сторону, вонючий урод!» — сердясь, скрипнул зубами неизвестный, все еще не разобравшись, что перед ним опустившаяся женщина, а не существо мужского пола. Но «вонючий урод» не отходил.

Брянцев тем временем запустил пальцы в коробку, решив по настоянию бомжихи испытать судьбу, но в последний момент отдернул руку.

— Вытащи сама, — попросил он.

Бомжиха, крутанув грязными пальцами, вытащила наугад один из конвертиков и вручила его Брянцеву. Брянцев достал из него сложенную вдвое бумажку, развернул ее и прочел вслух написанное. А написано там было вот что:

«14.10.02. Париж, рю... отель «Пейрис», 02.11. Откровение».

Брянцев, ожидавший чего-то более ясного, был озадачен и спросил, тупо глядя в бумажку:

— Что это? Ребус какой-то?..

— Соображай, коли неглуп и думать приучен, — последовал ответ.

Брянцев оторвал взгляд от бумажки, намереваясь обратиться к бомжихе за разъяснением, но та исчезла.

Он глянул за фонарный столб, у которого стоял, отыскивая странную гадалку глазами. Не успел он удивиться ее внезапному исчезновению, как услышал какой-то хлопок и что-то ударилось перед ним на уровне глаз в бетонную опору фонаря, брызнув в глаза мелкой каменной крошкой. Одна из крупинок больно царапнула его по лицу. «Так это же стреляют, — мелькнуло у него в голове, — и, видимо, в меня!.. За что?! — была следующая мысль. И третья: — Надо спастись!»

До входа в клинику оставалось не менее двадцати шагов, и этого было достаточно, чтобы на пути к нему угодить под пулю. Выход был один: укрыться за столбом, где Брянцев стоял, примостившись боком, что он и сделал. Это оказалось весьма своевременным. Потому что последовал еще один выстрел, и вновь бетонное основание столба мерзко отрыгнулось каменными брызгами.

В те же минуты, пока напуганный и ничего не понимающий Брянцев укрывался за фонарем, спасаясь от пуль, главный инженер ДЭЗа № 15 Федор Дмитриевич Митрохин и кровельщик того же ДЭЗа Иван Лычкин, гулявший накануне на свадьбе своего племянника и до сей поры не протрезвевший, от перегара которого главного инже-

нера качало из стороны в сторону, словно дерево при сильных порывах ветра, поднимались по лестнице на чердак, чтобы определить будущие кровельные работы на крыше. Думая о вчерашней свадьбе, Лычкин ясно помнил, что невеста в сиреновом платье была хороша, хотя и маленького роста, что было много водки и был салат с майонезом, что было весело, что он плясал с какой-то крупной, жаркой бабой, имевшей серьгу в одном ухе, а потом пошли темные провалы, рваные картины в сознании, и все, что творилось в голове, представлялось кровельщику неким подобием космического пространства, где наряду с яркими планетами запомнившихся сцен имели место и так называемые пульсары (или черные дыры), о которых кровельщик читал в умной книжке, когда бывал трезв и находился под присмотром строгой жены, не всегда умевшей уберечь его от пьянства.

— Как же ты, мать твою... будешь работать на крыше в таком состоянии? Свалишься вниз к чертям собачьим, а мне отвечать... — сокрушался инженер.

— Митрич, Митрич, не гони волну... Я сегодня все прикину, только покажь... А завтра — на трезвую — залатаю, как по нотам... Токмо не бранись... Не бранись, а? Я ведь завсегда готовый для кровельного дела...

— Ты можешь из пяти рабочих дней в неделю не пить хотя бы три? — строго вопрошал инженер. — Не можешь... А два?

...Неизвестный с винтовкой, раздосадованный тем, что не попал в цель, услышав с лестницы на подходе к чердаку голоса инженера и кровельщика, поморщился, понимая, что придется уходить, не доделав дела. Не мешкая, он разобрал винтовку на части, уложил их в спортивную сумку, которая была с ним. Притоптал ногой место, где сидел, чтобы не осталось четких следов, и скользнул в глубь чердака, в полутемье, под стропила, на которых держалась крыша.

Дождавшись, когда инженер и кровельщик прошли мимо и вылезли на крышу через то самое чердачное ок-

но, у которого он караулил жертву, злоумышленник выбрался из укрытия, вышел на лестничный марш в подъезде, спустился своим ходом вниз и удалился через двор в неизвестном направлении.

— Черт возьми! — вскричал Брянцев, вбегая в кабинет, где стояли два зубоврачебных кресла и где он трудился со своим напарником — Мишей Бронштейном, тоже стоматологом-ортопедом. — Меня пытались убить!

Бронштейн был уже на месте, сидел у канцелярского стола и делал какие-то подсчеты на бумажке.

— Ты о чем? — не понял он.

— В меня стреляли...

Брянцев не мог успокоиться и, чувствуя, что у него подкашиваются ноги, присел на короткий диванчик для посетителей у двери.

— Брось, — сказал Бронштейн, продолжая черкать на бумажке. — У тебя мания величия! Кому ты нужен, елки зеленые? Ты что, олигарх? Или кандидат в губернаторы? Или открыл палатку на рынке?

— И все же в меня стреляли...

Следует признать, Брянцев был серьезно напуган, и Бронштейн это почувствовал, лишь только взглянул на него.

— Ну, если это только какой-нибудь отвергнутый ради тебя любовник одной из твоих многочисленных девиц, — высказал он предположение.

— Тебе все шуточки!

Брянцев задумался. Бронштейн хотя и шутил, но предложил верное направление поисков. Брянцев воскресил в памяти свои увлечения за последние полгода. Их было всего два: Тамара и Валерия. У Тамары, с которой он уже расстался, был приятель моряк, служивший в торговом флоте, считавшийся ее женихом. Но тот давно находился в плавании и предъявить Брянцеву свой счет никак не мог. Ну, разве что нанял кого. Но моряку, кроме прочего, вряд ли было известно о коротком романе его невесты со стоматологом. Все произошло уже после то-

го, как моряк отправился на своем судне в далекий Сидней, — страсть, охватившая Брянцева и Тамару, познакомившихся на поминках общего знакомого, погибшего в автокатастрофе, вспыхнула быстро и так же быстро (через месяц) угасла, одарив горячих любовников множеством сладких минут, заставив их заниматься любовью в самых неподходящих местах, начиная от лифта и кончая телефонной будкой... Что же касается Валерии, с которой Брянцев находился в любовных отношениях в настоящее время, то у той имелся муж, но год назад они расстались по обоюдному согласию, и, судя по всему, ему было глубоко безразлично, чем занимается его бывшая жена и кого она нынче ласкает.

Несколько оправившись от пережитого волнения, Брянцев обнаружил бумажку, зажатую в кулаке.

— И вот еще, — сказал он рассеянно, показывая ее Бронштейну. — Встретилась до выстрелов какая-то пьянчужка и предложила вытащить счастливый билетик... Дал ей сотню...

Брянцев перечитал про себя написанное. «14.10.02. Париж, рю... отель «Пейрис», 02.11. Откровение».

— Ничего не понимаю... — сказал он, пытаясь сосредоточиться. — Посмотри, может, ты разберешься.

Бронштейн взял бумажку из рук приятеля, вслух прочел ее содержимое. Мгновение думал и предложил версию. У него всегда на все был готов ответ, чего бы это ни касалось.

— Чего тут непонятного? По-моему, все ясно... Если ты четырнадцатого октября этого года окажешься в Париже и придешь в два часа ночи одиннадцать минут в отель «Пейрис», тебя ожидает какое-то откровение.

— Вот как! — удивился Брянцев. Взял у Бронштейна бумажку, перечитал текст. — Верно, — согласился он. — Как все просто!

— Ум энциклопедиста! — похвалил себя Бронштейн. — Жан-Жак Руссо отдыхает!.. Так что поезжай в Париж осенью... Поймаешь кайф!

— Если бы ты так же смог определить, кто в меня стрелял, я накрыл бы тебе поляну.

— Для этого, друг мой, у меня слишком мало информации. Припомни что-либо... Где и кому ты перешел дорогу? И мы распутаем этот узел.

— Если бы я знал, — вздохнул Брянцев. — Валерия, с которой я сейчас встречаюсь, — уже год как развелась. И бывшему мужу плевать, кто у нее в любовниках. Других у меня сейчас нет. Ты же знаешь, когда я люблю женщину, я интересуюсь лишь ею одной.

— Может быть, это благородный отец Валерии решил отомстить тебе за то, что ты соблазнил его несчастную дочь? — усмехнулся Бронштейн.

Брянцев, не склонный сейчас шутить, отнесся к словам приятеля нервно:

— Что ты болтаешь! Валерия уже два раза побывала замужем. А отец ее умер пять лет назад.

— Печально! — сделал скорбное лицо Бронштейн, словно хорошо знал отца Валерии и был сражен неожиданным сообщением о его смерти. Он прошелся по кабинету, с хрустом потянулся и повернулся к Брянцеву: — Не факт, что причиной покушения является сегодняшняя любовная связь, — высказал он новое предположение. — Припомни остальные... Скольких прелестниц ты, мерзавец, совратил? У тебя опасный промысел — соблазнять женщин...

— Все происходит полюбовно, — признался Брянцев. — Я никого не принуждаю лезть ко мне в постель... Я люблю женщин, и они мне платят взаимностью.

— У некоторых твоих дамочек наверняка были мужики, которых они бросили ради тебя... И, может, один из таких, вынужденный в одиночестве развлекаться со своим осиротевшим саксофоном, решил взяться за оружие и вlepить тебе пулю в лоб.

— За что?

— За то! Не тронь чужих телок. Всегда найдется тот, кому ты перешел дорогу.

— Недовольные обычно заявляют свои претензии, встречаясь с соперником... Но я не припомню, чтобы с подобным обращались ко мне.

— А вдруг этот малый застенчив? — спросил Бронштейн, радуясь собственной шутке.

— Остроумно, — скривил губы Брянцев. — Посмотрел бы я на тебя, на твое остроумие, окажись ты на моем месте!

Бронштейн понял, что хватил лишнего, позволяя себе шутить на подобную тему.

— Может, тебе показалось, что в тебя стреляли?

— Я пока еще в здравом уме! Пуля ударилась в бетонную опору фонаря прямо у меня перед носом... А перед этим я слышал звук выстрела.

— Ну, мало ли... Кто-то решил проверить оружие и случайно выстрелил.

— Нет, я уверен, стреляли в меня.

— И все же, вдруг это случайное стечение обстоятельств? Знаешь, когда сосулька падает сверху? Ты идешь, ничего не подозревая, и вдруг эта гадость вонзается в твою голову. Нелепость, но это так.

— Выстрелов было два... А двух сосулук на одну голову не бывает, — осадил его Брянцев. — Эти пули предназначались мне... Мне!

И, сказав это «мне», прозвучавшее как окончательный диагноз, после чего сомнений в характере болезни быть не должно, Брянцев почувствовал, что страх, наконец, дал задний ход и он почти успокоился.

Он снял пиджак, повесил его в шкаф, а вместо него надел медицинский халат, в котором принимал пациентов.

Лишь только он переоделся, в кабинет влетела, запыхавшись, девушка, порывистая, худенькая, в очочках; ее короткие стриженные светлые волосы стояли дыбом, как колючки у ежа. Это была Мила, медицинская сестра, работавшая с Бронштейном и Брянцевым. «Она у нас одна, общая — как Родина-мать!» — шутил по этому поводу Бронштейн.

— Привет! — поздоровалась девушка, одарив стоматологов улыбкой. И, забросив сумочку в шкаф, стала то-ропливо надевать халат, объясняя при этом причину своей задержки: — В метро на станции «Динамо» да-вка, что-то случилось, и поезда не идут... Пришлось под-ниматься наверх и добираться на автобусе.

— Час от часу не легче, — заметил Бронштейн, сде-лав озабоченное лицо. — Не жизнь, а постоянный на-пряг! В метро — авария, у нас — стрельба... — Он кив-нул на Брянцева и пояснил: — В Дмитрия Павловича стреляли...

— Где? Как? — У Милы испуганно округлились глаза. Она перевела взгляд на Брянцева.

— А вот так, — продолжал Бронштейн. — К нашему общему счастью, пули пролетели мимо...

— Михаил Львович, это шутка? — спросила Мила. Будучи существом инфантильным, она не всегда пони-мала, когда Бронштейн говорит серьезно, а когда валя-ет дурака.

— Какие уж тут шутки!

Мила приблизилась к Брянцеву, зная, что тот сочи-нять не станет:

— Дмитрий Павлович, это правда?

Брянцев болезненно повел головой: ему не хотелось, чтобы утреннее происшествие стало поводом для пере-судов в клинике.

— Ты что, не знаешь Бронштейна? — сказал он. — Сочиняет, как обычно, всякую чушь!

Теперь настало время округлить удивленно глаза Бронштейну.

Но тут в кабинет заглянул первый пациент, один из тех, что уже кучно сидели в коридоре, заняв там все сту-лья и ожидая приема.

— К вам можно? — спросил он.

И разговор пришлось отложить до лучшего момента.

Не раз на протяжении дня, лишь только выдавалась свободная минута, Брянцев возвращался мыслями к утреннему происшествию. Наверное, прав Бронштейн, думал он, необходимо всерьез изучить все обстоятельства и провести расследование. Если его, Брянцева, надумали убить, то за первой попыткой непременно последует вторая. И желательно ее упредить. Или каким-то образом себя обезопасить... Неизвестный злоумышленник стрелял, видимо, из дома напротив. Там, кажется, есть чердачное окно. Почему же он промахнулся? — озадачился Брянцев. Ведь он имел все шансы попасть в него... Брянцев по деталям восстанавливал в памяти утреннюю картину. Делая это в очередной раз, он подумал о бомжихе и ее участии в событии, вспомнил, как та задержала его, заговорив с ним, протягивая свою коробку из-под чайных пакетиков... Из чердачного окна хорошо виден вход в клинику. Злоумышленник, наблюдавший за входом через оптический прицел винтовки и ожидавший появления Брянцева, вероятно, увидел его в тот момент, когда он был остановлен бомжихой. Та нагнала его сбоку и, видимо, перекрыла своим телом. Брянцев и бомжиха примерно одного роста. Она даже чуть выше. Несомненно, ее присутствие в эту минуту помешало злоумышленнику быстро и четко осуществить задуманное. И тот ждал, глядя в свой окуляр, когда она отойдет в сторону, и нервничал... Что, видимо, и отразилось на последующей стрельбе. Брянцев с благодарностью подумал об этой опустившейся женщине, промышлявшей продажей «счастливых» билетиков; она напрямую не вымогала деньги, а пыталась их заработать подобным способом. Брянцев захотел воскресить в памяти ее лицо, но у него не получилось. Как ни старался он уцепиться за ускользающие черты, но так ничего и не вспомнил, кроме кирпичных по цвету одутловатых щек. Это огорчило его. «Спасибо тебе, неизвестная душа!» — подумал он.

Погоревав, что не разглядел должным образом свою спасительницу, Брянцев принялся размышлять над тем, кому же все-таки нужна его смерть. Как бы то ни было, но он не станет играть роль послушного барана, добровольно идущего под нож, и бездейтельно ждать следующей попытки лишить его жизни... Можно, конечно, пойти в милицию и искать защиты там, но это представлялось сегодня пустым занятием. Милиция не поможет. Там шкафы ломаются от нераскрытых дел. А тут еще и дела нет, только факт стрельбы. Брянцев мог почти с абсолютной точностью сказать, что ему ответят в милиции, обратиться он туда: приходите к нам, когда появятся более серьезные основания. Одним словом, ждем вас, когда вам продырявят голову!

В обеденный перерыв Брянцев не стал пить чай и есть пиццу, которую заказал по телефону на всю компанию Бронштейн, а отправился на улицу к фонарю, за которым укрывался, спасаясь от пуль. Детальное обследование места и двух углублений от пуль в бетонной опоре фонаря только укрепило его в мысли, что он не ошибается насчет злого умысла стрелявшего. Брянцев провел на улице добрых полчаса, удивляя своим поведением прохожих (одна любопытная бабка, наблюдая, как он ползает по земле на коленях, чуть не воткнулась в рекламный щит): он скрупулезно сантиметр за сантиметром исследовал асфальтовое покрытие возле столба, стараясь отыскать пулю. И поиски его увенчались успехом. Он нашел маленький сплюснутый кусочек свинца в полутора метрах от фонаря. Пуля, которая могла оборвать его жизнь, валялась возле выброшенного кем-то пустого спичечного коробка и недоеденного «Сникерса» в бумажной мятой обертке. Рассмотрев находку и убедившись, что это именно то, что ему нужно, Брянцев спрятал пулю в карман, завернув ее предварительно в носовой платок.

Когда закончился рабочий день, он, покинув клинику, направился не к своей машине, а к дому напротив, где,

по его убеждению, прятался злоумышленник, надеясь попасть на чердак и осмотреть место возле чердачного окна. Может быть, если повезет, он обнаружит там гильзу. Или еще какую-либо улику.

Из подъезда вышла миловидная дама лет сорока, державшая на поводке черного пуделя. Брянцев галантно улыбнулся ей, вызвав ответную улыбку, и беспрепятственно, не пользуясь домофоном, прошел внутрь, куда она его пропустила, избавив от необходимости изыскивать способ проникновения в подъезд.

Поднявшись на четвертый этаж, он обнаружил решетчатую перегородку с незапертой в ней дверью, а за нею лестничный марш, ведущий на чердак. Брянцев прошел за решетку, поднялся вверх по лестнице и, открыв тяжелую металлическую дверь, противно скрипнувшую ржавыми петлями, вошел в чердачное помещение.

Там его взгляду предстала какая-то мебельная рухлядь, из которой воинственно торчала спинка кресла с разрезанной обивкой и пружиной в ней; пара ржавых ведер с продавленными боками, словно кто-то их специально мял (наверное, дети — кто же еще?), валялись тут же; чуть поодаль высилась груда грязного тряпья, поверх которой лежала, раскинув рукава, словно собравшись для последнего полета, рваная засаленная телогрейка, немало повидавшая на своем веку, спасающая от холода не одно человеческое тело и нашедшая приют здесь, среди пыльного хлама. В нос ударил неприятный запах не только лежалой одежды, но и чего-то еще — каких-то человеческих нечистот, и причем свежих. Брянцев пытался понять, следствием чего является этот запах, но не смог.

Глядя под ноги, он стал пробираться к чердачному окну и вдруг услышал шорох. Он насторожился. Неужели злоумышленник, стрелявший в него, все еще здесь? Это представлялось абсурдным. Почему же злоумышленник в таком случае не стрелял в него, когда он искал под фонарем пулю?.. Тут до Брянцева донесся богатыр-

ский храп. Храп этот был циклическим — громкие рулады его то сотрясали воздух, то вдруг обрывались, и некоторое время на чердаке царила тишина, словно в машине, управлявшей этим храпом, случались перебои. Стараясь ступать бесшумно, что в захламленном старыми вещами пространстве было крайне сложно, Брянцев продолжил путь к окну. Когда он подошел совсем близко, то обнаружил на полу спящего мужика. Тот лежал на спине, раскинув в стороны руки. Судя по опухшему лицу и запаху, исходившему от него, тот был мертвецки пьян. Кроме того, от него пахло мочой. Это был кровельщик Лычкин, успевший таки основательно опохмелиться и привести себя в состояние трупа. Рядом валялась пустая бутылка из-под портвейна. Не требовалось большого ума, чтобы понять, что спящий мужик — лицо случайное и не имеет никакого отношения к утренней стрельбе. Преступник обычно спешит покинуть место преступления, а пьянчуга нередко засыпает там.

Брянцев походил вокруг спящего мужика, внимательно оглядывая пол. В притоптанной пыли угадывались многочисленные следы. Здесь были отпечатки ботинок, что были на спальном, следы чьих-то сапог, в одном месте Брянцев обнаружил четкий фигурный отпечаток кроссовки. Злоумышленник не пойдет на дело в сапогах, подумал он. Неудобная для бегства обувь, тяжелая... к тому же немодная. А кроссовки — самое оно. Удобно и не бросается в глаза: полгорода ходит летом в кроссовках. Были еще следы чьих-то ног, но уж совсем неясные. Брянцев вынул из кармана пиджака записную книжку и зарисовал на чистой странице отпечаток кроссовки. Затем измерил авторучкой длину следа — получилось почти две ручки. У человека, носившего кроссовки, был, вероятно, сорок третий — сорок четвертый размер.

Записав свои соображения в записную книжку, Брянцев продолжил изучение чердачного пола напротив окна, рассчитывая обнаружить какую-либо улику, оставленную злоумышленником. Но на полу, кроме строи-

тельного мусора и древесных стружек, ничего не было. Стрелявший действовал как профессионал, а профессионалы следов не оставляют. Или оставляют что-либо специально, чтобы запутать следствие и направить его по ложному пути. Но убийство не состоялось, рассуждал Брянцев, следовательно, злоумышленнику нечего было опасаться и он, не заботясь о сокрытии следов, мог оставить какую-либо мелочь. На это и рассчитывал Брянцев.

Некоторое время он стоял в раздумье у окна, глядя вниз на вход в стоматологию, где он работал. Место, выбранное для стрельбы, было весьма удачным. Каждый входящий в здание был как на ладони. И удивительно, что злоумышленник промазал.

Неудовлетворенный результатами поисков, Брянцев бросил взгляд на спящего мужика, и у него возникла мысль передвинуть его и посмотреть, нет ли под ним чего-либо. Ведь пьяный, несомненно, пришел сюда позже и, завалившись на пол, мог закрыть своим телом какую-либо важную мелочь. Брянцев крутанул тело кровельщика на бок. Тому подобное пришлось не по вкусу, и он недовольно замычал во сне, точно корова, которую оставили без сена, и дрыгнул ногой, желая ударить обидчика, материализовавшегося в его темном сне в нечто нам неизвестное и уж никак не похожее на Брянцева, которого кровельщик в глаза не видел.

Исследуя место, где только что лежал спящий, Брянцев обнаружил свежий окурок от сигареты с фильтром. Он аккуратно поднял его. На папиросной бумаге хорошо читалось название — «Бонд». Брянцев, точно заправский следователь, вырвал из записной книжки листок и аккуратно упаковал в него окурок. «Бонд», он курит «Бонд»... Тут спящий кровельщик выдал чрезвычайно шумную носовую руладу, завершившуюся чмоканьем, словно подзывал к себе во сне собаку. И Брянцев подумал: а может, окурок принадлежит этому выпивохе? Чтобы удостовериться, так это или не так, Брянцев решил проверить карманы спящего мужика и выяснить,

какие тот курит сигареты. Он перевернул тело кровельщика обратно на спину. Тот замычал, на этот раз более агрессивно, и несколько мгновений отмахивался руками, не давая Брянцеву заняться исследованием его карманов. Когда он успокоился, Брянцев осуществил задуманное и обнаружил в одном из карманов перепачканных в пыли брюк мятую пачку «Примы». Ясно, отметил про себя Брянцев, этот малый курит «Приму». Вполне вероятно, «Бонд» курил тот, кто в него стрелял. По крайней мере, восемь против двух, что это так.

4

По дороге домой, сидя в машине, и уже дома, сделав себе крепкий чай и устроившись с чашкой напротив телевизора, который он смотрел, выключив звук, Брянцев продолжал размышлять об утреннем происшествии. Мысли на прочие темы, залетев в голову, вскоре, невостребованные, покидали ее, и опять он думал о стрелявшем человеке, и как ни старался переключиться на что-либо другое, сделать этого не мог. Кто же этот неизвестный, которому он, по выражению Бронштейна, «перешел дорогу»? Брянцев стал воскрешать в памяти свои ссоры и размолвки с разными людьми, имевшие место за последние год-полтора. Копаться в событиях более поздних не имело смысла. Обиженный в тот период, если таковой имелся, непременно возник бы раньше.

Брянцев был человек решительный, но не скандальный. Более того, он не любил ссор. Поэтому ссорился с окружающими редко. В основном размолвки у него случались с женщинами, с которыми он находился в любовных отношениях и с которыми, охладев к ним со временем, собирался порвать. Когда угасала страсть и Брянцев был вынужден ставить точку в любовных отношениях, без ссор, конечно, не обходилось. Слишком разные

женщины живут на свете: характер характеру — рознь. Одни, как и он, насытившись любовью, спокойно прекращали связь, другие — все еще любившие его и не желавшие разрыва — восставали против его ухода или, во всяком случае, противились этому. И тут уж, конечно, без резких слов и бурных объяснений не обходилось. К счастью, откровенных скандалисток было не так уж много. Гордость многих из его подруг не позволяла им опускаться до низких сцен. Узнав, что их покидают, они, глотая обиду, осыпали остывшего любовника колкостями и уходили, хлопнув предварительно дверь, — в этом они себе не могли отказать; в поступке с хлопающей дверью договаривалось все то, что в силу гордости покинутой не было произнесено в словах.

Одна из бывших подруг Брянцева, Женя Козлова, отличалась особой неуравновешенностью и никак не хотела понять, что ее разлюбили. «Это невозможно!» — негодовала она. Хотя спроси ее, почему такое невозможно, не смогла бы вразумительно ответить. После разрыва отношений Женя продолжала преследовать Брянцева, устраивала скандальные сцены в самых неподходящих местах. Перехватив Брянцева где-либо с новой пассией, она обрушивала на последнюю поток оскорблений, доводя несчастную, не готовую к таким сценам, буквально до слез. У Брянцева не раз возникало желание ударить бывшую любовницу, но сделать этого он не мог: бить женщину — было против его правил. Женя пугала Брянцева, что перережет себе вены или отравится газом, если тот не вернется к ней; угрожала поджечь квартиру стоматолога, а с нею и весь дом; обещала разнести в щепы его кабинет в клинике, а «девку» его облить кислотой...

Ища сейчас обиженных, Брянцев в первую очередь подумал о ней. Может, это Женя решила на подобное? Нашла исполнителя, пообещав ему хорошую плату (красиво звучит — исполнитель! Сонату Листа исполняет...), и тот начал охоту за ним. Поразмыслив подробно

на эту тему, Брянцев пришел к выводу, что все же это не Женина затея. Та хотя и была мстительной истеричкой, но до определенной черты — затеять подобное губительное дело она не могла. Кроме того, с момента их разрыва прошло больше трех лет. Женя давно нашла замену Брянцеву, выйдя замуж за сорокалетнего вдового дипломата, и больше не возникала. Даже неожиданно для Брянцева улыбнулась ему, когда они случайно встретились на выставке автомобилей. Но, кивнув с улыбкой, разговаривать не пожелала (отчего Брянцев, следует сказать, не испытал горьких чувств) и удалась со своим дипломатом, у которого оказалась плешивая голова. Судя по болезненной бледности мужа Жени, Брянцев понял, что тот переживает весьма непростой период в своей жизни, — Женя отличалась повышенной возбудимостью и жаждала заниматься любовью по нескольку раз за ночь, что, согласитесь, не каждому мужчине по силам, и из дипломатического ведомства в том числе. Брянцев помнил, как ему приходилось нелегко. В общем, появление дипломата в Жениной жизни избавило Брянцева от многих проблем. Выйдя замуж, бывшая любовница забыла о нем — и слава богу!

Ломая голову над тем, кто же вознамерился лишить его жизни, Брянцев вдруг вспомнил о поездке двухгодичной давности на машине в компании друзей на родину Есенина в село Константиново под Рязанью. Осмотрев дом поэта, берег Оки, где расположилось село, окрестности, полные неизъяснимого очарования, и пообедав в местном ресторане, компания тронулась в обратный путь. Все, кроме сидевшего за рулем Бронштейна, были навеселе. Стоял яркий солнечный день, было начало лета, кипела яркой зеленью листва на деревьях. Пустынное шоссе, петлявшее среди полей и перелесков, стремительно несло навстречу. Неожиданно на шоссе возник человек в трусах и майке, энергично бежавший на роликовых лыжах. Вероятно, это был спортсмен-лыжник, старавшийся таким образом поддерживать

спортивную форму. Он вспотел, был строг и сосредоточен в своем движении по пустому шоссе, где, кроме него и черной «Волги» с веселой компанией внутри, никого не было. Подгулявшим друзьям Брянцева, да и, что греха таить, ему самому, человек, идущий в разгар летнего дня по асфальту на лыжах, показался анахронизмом, какой-то бредятиной, нелепицей, полной комизма. Один из сидевших в машине, Борис Пальцев, высунулся в окно и, когда «Волга» пронеслась мимо лыжника, бросил тому в лицо короткое «Мудак!», отозвавшееся в машине дружным хохотом. В считанные секунды «Волга» умчалась, скрыв от глаз бегущего по асфальту спортсмена. Вспоминая впоследствии об этом происшествии, Брянцев всякий раз испытывал чувство стыда. И хотя не он выкрикнул обидное слово в лицо лыжнику, стыд мучил его. Что испытал этот человек, думал Брянцев, услышав оскорбление в свой адрес и не имея возможности рассчитаться за нанесенную обиду? Вероятно, он чувствовал нечто подобное тому, что чувствовал сейчас Брянцев, не зная, кто его обидчик и как его достать.

Тем временем на экране телевизора, перед которым сидел Брянцев, беззвучно мелькали кадры новостей. Показывали обломки рухнувшего пассажирского самолета, которые все еще дымились после того, как пожар был потушен, а вокруг суетились люди, растаскивая в стороны куски металла и тела погибших. Вслед за рассказом об авиакатастрофе на экране появился свалившийся в обрыв искореженный автобус, и спасатели, трудившиеся рядом, поднимали со дна оврага на дорогу трупы, упакованные в черные пластиковые мешки. Потом замелькали кадры, где зрителю показывали глубокую воронку посередине широкой грунтовой дороги, у которой лежал на боку обгоревший бронетранспортер; судя по людям в военной форме, которые осматривали место события, а потом с хмурыми лицами что-то говорили в камеру, дело происходило в Чечне, на театре военных действий. Потом на экране возникли картины за-

топленных вследствие наводнения европейских городов: сначала показали залитые водой улицы Праги, лица людей, озадаченных происходящим, плавающие в воде машины и вещи, камера зафиксировала рухнувшее здание, у которого подмыло фундамент. На смену картинам затопленной Праги пришли картины столь же серьезно пострадавшего Дрездена. Жители города переносили в безопасное место ящики с картинами из подвалов Дрезденской галереи, где находились запасники. Тут же показали площадку для транспорта, а на ней — множество машин «скорой помощи», выделенных для перевозки тяжелобольных в самолеты, чтобы отправить их из зоны бедствия в не тронутые стихией города.

Эти кадры и им подобные крутили по много раз каждый день, и Брянцеву было достаточно беглого взгляда, чтобы без пояснения в звуке понять что к чему. Авиакатастрофы, пожары, аварии на дорогах, взрывы газа в домах, диверсии в Чечне — и всюду гибнут люди, много людей. И в этом калейдоскопе событий прошедшего дня где-то незримо присутствовал человек, желавший убить его. Если бы сегодняшняя попытка удалась, список погибших за день граждан России увеличился бы еще на одну фамилию — фамилию Брянцева. Тележурналисты из «Дорожного патруля», случись им побывать на месте убийства, несомненно, показали бы его труп в очередном выпуске программы, объявив, что это обычное заказное убийство (а что они еще могут сказать?); он неоднократно видел подобное — мертвые люди лежат в луже крови, прикрыв или полуприкрыв глаза, в самых разных позах, порою неестественных, не успев додумать и доосознать что-то необычайно важное в жизни, — так, по крайней мере, казалось Брянцеву.

Когда изменилась жизнь в стране и пошла первая волна заказных убийств, жертвы которых бесстрастно фиксировали телекамеры, ощущение от увиденного на экране было необычайно сильным. Поначалу от каждого показанного трупа бросало в оторопь, возникал за-

конный вопрос, таящий негодующую ноту: а куда смотрит милиция? — и, самое главное, сжималось сердце, когда вы лицезрели безвременно погибшего человека, распластанного на земле, наподобие подстреленного на охоте животного. Шло время. Убийств не становилось меньше. Уже ясно было даже наивным людям, что милиция, хоть и трудится в поте лица, справиться с этим не может. Но самое печальное заключалось в другом: мелькающие на экране трупы теперь не вызывали острых прежних эмоций и смотрелись как необходимый элемент сегодняшней городской жизни, без которого эта самая городская жизнь просто немыслима.

Размышляя о мелькающих на экране жертвах криминальной войны, Брянцев неожиданно вернулся к мысли о своих бывших любовницах. Интересно, кто из них придет на его похороны, подумал он. И сколько их будет — десять, пятнадцать, тридцать? Жаль, у него не будет возможности взглянуть со стороны на эту группу скорбящих дам.

К реальности его вернул пронзительный звонок в дверь. В комнате, лишенной звуков, он прозвучал так неожиданно и выпукло, что Брянцев даже вздрогнул.

5

Выйдя в прихожую, он, памятуя о сегодняшнем покушении, на цыпочках приблизился к двери и заглянул в глазок. За дверью стояла Валерия. Брянцев напрочь забыл о том, что еще утром, собираясь на работу, договорился с ней о встрече у себя дома.

Он открыл дверь, впустил Валерию в прихожую. Та тут же впилась Брянцеву в губы, прижимаясь к нему всем телом, рассчитывая, как это бывало обычно, что тот, возбудившись, немедленно потянет ее в спальню, где они, жадно целуясь и освободившись от одежд,

займутся любовью, что являлось ключевой сценой в любовном спектакле, где они играли ведущие роли, а уж потом последуют разговоры, ужин, вновь разговоры и новое совокупление, не столь острое, как первое, но не менее желанное: Валерия и Брянцев переживали пик своей любви... Но Брянцев неожиданно для молодой женщины не поддержал любовную игру. Он сдержал порыв Валерии, отстранив ее от себя, и, ничего не объясняя, удалился в комнату, оставив ее в прихожей наедине со своим удивлением. Пережив столь сдержанный прием, Валерия бросила взгляд в зеркало, поправила прическу и, убедившись, что вид ее неплох, последовала за Брянцевым в комнату.

— Что-то не так? — поинтересовалась она, скинув туфли и усаживаясь с ногами на диван рядом с ним. — Я в чем-то провинилась?

— Нет, нет, — он чмокнул ее по-братски в щеку. — Извини, это мои проблемы. Ты здесь ни при чем... Есть будешь?

— Потом. Что же все-таки произошло, если даже любимая женщина не может высечь из тебя искру?

— Могут быть у человека проблемы? Личного свойства? Жизнь — это не только сексуальные радости...

— Фу, ты начал изрекать банальности. Вместо этого расскажи, что тебя угнетает.

Брянцев не ответил. Мучительно думал над тем, стоит ли рассказать Валерии об утреннем происшествии, после которого он изрядно струхнул и вот уже в течение дня пытается взять себя в руки, или не рассказывать ей об этом, желая сохранить в глазах любимой имидж волевого мужчины, не страшщегося опасностей, что, как известно, женщинам больше по нраву. Впрочем, Валерия не глупа, подумал Брянцев, и то, что он напуган произошедшим, поймет правильно — любой другой на месте Брянцева испытывал бы подобные чувства, даже морально подготовленный боец ОМОНа. И все же что-то удерживало Брянцева от признания. Возможно, ему

не хотелось сочувствия со стороны любимой женщины. Разговоры на эту тему, утешения, совместные поиски выхода из сложившейся ситуации — все это слишком напоминало отношения супругов, находящихся не первый год в браке, чего он старательно избегал, желая сохранять свои отношения с женщиной на уровне праздника, за скобками которого остается быт.

— Что же все-таки произошло, если не я причина твоей сдержанности? — настаивала на ответе Валерия. — Ты лишился работы? Или умер кто-то из близких?

— Да-да, — ухватился за ее слова Брянцев, не желая признаваться, — умер близкий человек...

— Кто?

Брянцев замялся, придумывая, кого он может безболезненно похоронить.

— Друг моего покойного отца.

Валерия взглянула на него с недоверием:

— Друг отца? И ты так расстроен по этому поводу?

— А что? — закипятился Брянцев. — Да, расстроен! Он помогал мне в период учебы в институте, опекал меня... Разве я не могу жалеть о кончине человека?

— Можешь, — согласилась Валерия. И сказала, по мнению Брянцева, циничную фразу: — Но не до такой же степени.

— До такой!

Она опять взглянула на него с недоверием:

— Когда вы виделись последний раз?

— Когда? Не помню... Может, полгода назад или больше...

— Вот видишь, — сказала Валерия удовлетворенно, найдя подтверждение своим мыслям. — Твое лицо не вяжется с потерей...

Брянцев только развел руками.

— Скорбеть будешь в день похорон... Когда они?

Этот вопрос застал Брянцева врасплох.

— Не знаю... Наверное, послезавтра.

— Вот видишь, — опять повторила Валерия.

И тут до Брянцева дошло, что у Валерии образовалась дурная привычка по всякому поводу говорить «вот видишь», и это показалось ему отвратительным. «Неужели я охлаждаю к ней?» — с испугом подумал он. Ему не хотелось этого. Валерия все еще восхищала его и прелестью тела, и парадоксальностью мысли, и лукавым, почти детским смехом, и Брянцеву хотелось, чтобы это длилось как можно дольше. Но только чтобы лодка не вошла в семейную гавань — расставаться со своей свободой, которую он ценил превыше всего, Брянцев не желал. «Может, все-таки рассказать ей правду? — мелькнула у него мысль. Но он тут же остановил себя: — Нет, нет... последует с десяток других вопросов: кто, да что, да почему?» Отвечать на эти вопросы не было ни сил, ни желания. Мысли о предполагаемом убийце настолько измотали его, что говорить на эту тему сейчас не хотелось. Хотелось думать о чем-либо другом, приятном, но предательское сознание возвращало его на ту же дорожку.

— Значит, похороны послезавтра? — Валерия спустила ноги с дивана.

— Ты еще спроси для полноты картины: где?

— Это лишнее... — Она протянула ему руку: — Идем.

— Куда?

— Туда, где нам бывает хорошо... А скорбную мину, причина которой вызывает у меня сомнение, побереги для похорон. Кончилась жизнь у кого-то на стороне, но не у нас с тобой. Почему не воспользоваться тем, что мы пока живы? — легкомысленно заключила она. — Идем.

— Но...

— Идем же.

Брянцев покорно последовал за Валерией и сам же внутренне посмеялся над собой: кто бы мог подумать — не он тянет женщину в спальню, а она его. Бывает же такое! Но в глубине души он был благодарен Валерии за то, что она взяла ситуацию в свои руки и сумела переключить его мысли на другое.

Когда они отзанимались любовью и он, обессиленный и умиротворенный, лежал на спине, откинувшись на подушку и глядя в угол комнаты, где светило в полумраке стекло на портрете его матери, а голова Валерии покоилась у него на груди, изредка легким жарким ветерком дыхания, щекоча кожу на ней, Валерия спросила:

— Что же все-таки произошло? — Она все никак не могла поверить в эту историю со смертью друга отца.

«Рассказать или нет? — размышлял Брянцев, лаская пальцами золотистое от загара плечо Валерии, гладкостью кожи на ощупь напоминавшее отполированный гипс. — Нет, не сегодня, — решил он, закрывая глаза и делая вид, что задремал. — Как-нибудь в другой раз...»

6

После описанных выше событий поведение Брянцева и его жизнь существенно изменились. Из беззаботного, уверенного в себе человека он превратился в нервного господина, то и дело озирающегося по сторонам. «Ну, нельзя же так бояться!» — укорял он себя, страдая от собственной трусости.

Из тех мест, которые он посещал, наиболее опасными ему представлялись клиника, где он работал, и подъезд собственного дома. Именно там, зная его обычный распорядок, мог его караулить злоумышленник. Гостевые походы Брянцева в другие дома, не имевшие определенной системы, преступник отследить не мог. Поэтому, отправляясь к кому-либо в гости или в ресторан поужинать с Валерией, Брянцев чувствовал себя в относительной безопасности. Но как только ему предстоял путь домой или на работу, в душе возникало напряжение. И всякий раз путь этот превращался в нечто, похожее на постепенный захват чужой территории во время

военной операции, когда Брянцев, наподобие солдата, двигался шаг за шагом к точке назначения, оглядывая окна ближайших домов, кусты и дворовые закоулки, где мог укрыться враг. В свой подъезд он заходил, только дождавшись кого-либо из соседей. Затем на лифте поднимался на два этаже выше и оттуда медленно спускался вниз, проверяя, не караулит ли кто его на лестничной площадке. Он чаще стал приглашать к себе в гости приятелей, полюбил приходить домой в окружении веселых компаний, никому ничего при этом не объясняя, — идти в группе из нескольких человек было гораздо надежнее. Не менее осмотрительно он действовал, приходя на работу. Оставив машину на значительном расстоянии, Брянцев шел до клиники пешком. Подходя к зданию, он первым делом пялился на чердачное окно в доме напротив, откуда злоумышленник стрелял в него: нет ли там чего-либо подозрительного; потом зорко оглядывал улицу, припаркованные машины: не сидит ли кто с оружием внутри? — и только после этого направлялся к подъезду, норовя поскорее прошмыгнуть туда. Иногда он обходил здание с торца и заходил в него с черного хода, который после восьми утра всегда был открыт, — часть сотрудников, ходившая дворами от метро, пользовалась им. Возвращаясь вечером к машине, проверял, все ли там в порядке и нет ли под ней взрывного устройства. В общем, Брянцев постоянно соблюдал меры предосторожности. Отныне жизнь его походила на детектив, но только он, в отличие от беззаботного читателя, взирающего с любопытством на происходящее со стороны, был в роли жертвы и мучительно бился над тем, как изменить сложившуюся ситуацию. Он понимал, что бесконечно прятаться не сможет. Когда-нибудь злоумышленник, затеявший охоту и затаившийся до поры, выйдет на боевой рубеж, а он, Брянцев, допустит промашку.

Мозг Брянцева работал с удвоенной силой, пытаюсь воскресить в памяти всевозможные острые моменты,

имевшие место в его жизни, и понять, кому же так необходимо его смерть. Брянцев похудел, осунулся. Стал замечать, что думы о женщинах теперь не волнуют его, как прежде. И всему виною страх. Страх за собственную жизнь. И это при том, что Брянцев был не из робкого десятка и за те тридцать лет, что он прожил, успел побывать в переделках, требовавших от него немалой смелости. Но уж больно не хотелось такой бездарной смерти — свалиться от пули злоумышленника в грязной подворотне или полутемном подъезде, заливая кровью асфальт или ступени лестницы, как это не раз было показано на телеэкране. Было в такой смерти, по его мнению, что-то стыдное, отчего лицо его, когда он думал об этом, заливала краска. Другое дело — смерть с оружием на поле брани или в неравной драке, где приходится защищать честь женщины или обиженного старика; даже смерть в автомобиле на шоссе при столкновении с каким-нибудь пьяным кретином и то была привлекательнее. А вот оказаться подстреленным, напоподобие зайца, — и неважно, произошло это в лесу или в подъезде — этого хотелось меньше всего. «Кому же я так неугоден? — в какой уже раз задавался вопросом Брянцев. — Кто ты, мой необнаруженный враг? Высветись. Выйди из тени памяти на свет, покажи свое лицо и дай тем самым вступить в равный поединок, где противоборствующие стороны знают друг о друге немало». Из кладовой памяти, хранящей в себе прошлое, яркое в отдельных своих частях и менее яркое, выступали зыбкие фигуры, тут же вызывавшие сомнения по поводу их причастности к покушению, хотя степень противостояния между ними и Брянцевым была в свое время достаточно ощутимой.

Среди прочих Брянцеву припомнился Степан Бурлаков, боксер — «полутяж», выступавший за «Динамо», хмурый тип, с покатым лбом и короткой льняной растительностью на голове, взиравший обычно на Брянцева с недобрим прищуром, словно ожидал от последнего со-

вершения какой-либо пакости: либо Брянцев высморкается на пол, либо плюнет неуголному в тарелку с супом. Степан был братом Насти Бурлаковой, белотелой, румяной девицы, одной из тех, чей облик неизменно ассоциируется в глазах иностранцев с традиционным представлением о русских красавицах. С нею у Брянцева, учившегося тогда на последнем курсе стоматологического института, возник роман. Настя училась там же, только двумя курсами ниже. Степан сразу невзлюбил Брянцева и не скрывал этого. Ему все было не по душе: и внешность Брянцева, и его начитанность, и манера независимо вести себя... Но главное, что раздражало Степана, что его сестра — «недоразвитая вертихвостка» — выбрала Брянцева в сожители и спит с ним! Степан, ставший после смерти отца главой семьи, не мог взять своенравную сестру в оборот и порушить ее отношения с будущим стоматологом — серьезной помехой в этом деле была мать, привечавшая возлюбленного дочери и много ей позволявшая. Степан только и ждал, когда Брянцев совершит какой-либо промах, и тогда будут все основания набить ему морду, что Бурлаков умел делать профессионально. «Чего ты прицепился к Настьке, точно клоп? — не раз спрашивал он у Брянцева. — Насосешься и бросишь... А она еще глупа и не ведает, что творит. А ей замуж пора, семью с хорошим мужиком обустраивать». — «Я люблю ее, — отвечал на это Брянцев, — а что будет дальше — посмотрим. Загадывать не хочу...» — «Ишь, загадывать он не хочет! — хмурился Степан. — Учти, если Настька забеременеет и сделает от тебя аборт, ты не жилец... Я тебе яйца отрежу и брошу собакам на съедение! Понял?.. Я про тебя все знаю, наводил справки в институте. Ты же — бабник! Тебе не зубами надо заниматься, а овец осеменять...» Увы, все было. Был у Насти аборт — не убереглась девчонка. Был скандал с дракой. И только вмешательство матери Насти, вставшей на пути обуянного яростью сына, спасло Брянцева от более серьезных последствий. Но в но-

кауте, после бурлаковского удара в челюсть, он побывал. Настя с матерью в течение получаса с помощью на-шатыря и вентилятора приводили поверженного Брянцева в чувство, ругая Степана на чем свет стоит... А завершился роман с Настей весьма прозаично — девушка ушла от Брянцева по собственной воле. К огорчению матери, видевшей в Брянцеве будущего зятя, и к радости брата, который отныне был избавлен от неприятной обязанности видеть ненавистную физиономию стоматолога. Обычно Брянцев оставлял девушек, а тут оставили его. Размышляя о Настинем уходе, Брянцев чувствовал себя уязвленным. Степан вскоре после этого сломал руку, покинул спорт и пошел работать в милицию; через год он погиб в перестрелке с бандитами, напавшими на машину инкассаторов. После смерти Степана мать и дочь остались одни — теперь им не с кем было спорить и доказывать свою правоту. Настя вскоре вышла замуж, но, родив ребенка, разошлась с мужем. Такая вот обычная для нашего времени история... Почему Брянцев, думая о тех, с кем конфликтовал когда-то, в первую очередь вспомнил о Степане, который теперь вспоминался с симпатией и даже с некоторой сентиментальной грустью, он и сам понять не мог...

7

Это случилось в мае. Сестры Смирновы ехали на машине, возвращаясь из гостей. За рулем сидела Екатерина — старшая. Младшая, Елена, сидела спереди рядом.

На светофоре, когда они пережидали красный свет, сзади их ударила «тойота». Управляя «тойотой», как выяснилось позже, нетрезвый господин двадцати пяти лет по фамилии Кармазин. Кармазин, видимо, зазевался, поздно заметил стоявшую на светофоре машину сес-

тер, нажал на тормоз, но расстояния не хватило, и «тойота» резво воткнулась в зад «шкоды». Громыкнуло железо, удар сотряс машину. Девушек бросило вперед, но если на пути у Екатерины был руль, явившийся препятствием, то полету Елены ничто не мешало, и она ударилась лбом о лобовое стекло. Удар был достаточно силен, и Елена на некоторое время потеряла сознание. Когда она очнулась и увидела сестру, потирающую ушибленную грудь, с туманной бессмысленностью взирающую на нее, то поняла, что ее выпадение из реалий жизни длилось совсем недолго.

Не станем описывать события, последовавшие вслед за этим, это не существенно. Отметим лишь одно обстоятельство. Елена быстро пришла в себя. Когда приехала «скорая» и врачи, наложив повязку на ее кровоточащий лоб, предложили девушке поехать в ближайшую больницу — ведь у нее могло быть сотрясение мозга, — она отказалась. Дождавшись окончания разбора аварии, который производили два сотрудника ГИБДД, сестры на той же «шкоде» поехали домой.

Прошло некоторое время. Порез у Елены на лбу зарубцевался и превратился в короткий еле заметный шрам (такие со временем становятся практически совсем незаметными, особенно если на лице есть тонкий слой косметики). Девушка стала забывать об этом происшествии. Лишь изредка с юмором вспоминала она виновника аварии Кармазина, возбужденного, много говорившего, с всклокоченными волосами, лицом похожего на кукольного петрушку, упавшего до приезда гаишников перед сестрами на колени и просившего простить его, непутевого. Он даже предложил Екатерине руку и сердце, что та незамедлительно отвергла, заметив, что хотя и находится в шоке, но не до такой степени, чтобы принять столь безрассудное предложение. Тогда хмельной Кармазин, надеясь все же умилостивить рассерженных сестер, обратился с подобным предложением к Елене. «Вы каждой предлагаете руку и сердце, кого бьете

на светофоре?» — спросила та. «Нет, — ответил Кармазин простодушно. — Это первый случай... Обычно я езжу очень аккуратно». Парень явно лукавил.

Итак, Елена стала забывать об этой истории, которая, как ей казалось, обошлась для нее без последствий, — ведь после удара о лобовое стекло ее не мутило и она не чувствовала головокружения, как обычно случается при сотрясении мозга. Но однажды она вдруг обнаружила некоторую странную особенность. Стоило ей на несколько секунд закрыть левый глаз, а затем открыть его, она оказывалась в другом жизненном пространстве. Чудесным образом менялся облик улиц — дома становились ниже, приземистее, меньше было вывесок, а входы в особняки освещались газовыми фонарями. Менялась одежда на окружающих людях: платья и юбки женщин удлинялись до земли, а мужчины ходили в сюртуках и поддевах. Автомобили заменялись конными экипажами, а музыка, звучащая из радиоприемников, преобразовалась в звуки духовых оркестров. С помощью вот такого нехитрого приема, как закрытый на короткое время, а затем открытый левый глаз, Елена перемещалась в Москву начала двадцатого века. То есть время для нее откручивалось на сто лет назад. Обнаружилось это свойство совершенно случайно: как-то девушка закрыла левый глаз и несколько мгновений терла чесавшееся веко, а когда открыла его, тут все и случилось.

Сделав впервые подобное открытие и испугавшись этого необъяснимого перемещения во времени, Елена от страха потерять свою нынешнюю жизнь резко зажмурила глаза, а когда открыла их спустя несколько секунд, то вновь увидела себя в своей комнате сидящей на диване. Девушка с облегчением перевела дух. Поразмыслив о случившемся, она опять закрыла левый глаз, на этот раз ладонью (видимо, думая, что так будет наверняка), и, когда открыла его, вновь обнаружила себя на московской улице начала двадцатого века. Кажется, это была Пречистенка.

Елена ехала на извозчике, придерживая одной рукою шляпу, чтобы ее не сорвало ветром. Извозчик остановился возле двухэтажного каменного дома, видимо, там, где она просила, и Елена вылезла из коляски. Открыв сумочку, чтобы с ним расплатиться, Елена поняла, сколько должна ему дать. Решение о денежной сумме, необходимой для оплаты проезда, было автоматическим, и Елена пришла к мысли, что обладает необходимым знанием для жизни в этом времени. Получив деньги, извозчик (а это был молодой мужик с черной окладистой бородой и огромными ручищами, благодаря которым он, натянув поводья, единым махом мог остановить своего резвого жеребца) окинул ее веселым взглядом и, бросив короткое «Благодарствую!», умчался, молодецкато выпрямившись на козлах. Ни секунды не пребывая в сомнениях о цели своего путешествия, Елена вошла в большой просторный подъезд и по широкой мраморной лестнице поднялась на второй этаж. Она остановилась у двери, на которой была медная табличка с указанием фамилии хозяина квартиры. «Доктор Ланге Николай Павлович» — значилось на ней. При взгляде на эту фамилию Елена ощутила, как у нее бьется сердце. Окинув коротким взглядом лестничную площадку и убедившись, что за ней никто не наблюдает, она порылась в сумочке, извлекла оттуда небольшое зеркальце в перламутровой оправе, заглянула в него, проверяя, как она выглядит, и только после этого дернула ручку звонка. Дверь ей открыла молоденькая миловидная горничная в белом переднике поверх темного строгого платья. «Здравствуйте, Елена Александровна, — поздоровалась она, пропуская гостью в переднюю. И добавила с лукавым выражением на лице: — Николай Павлович вас заждались...» Елена, не снимая шляпы, устремилась по коридору туда, где находился кабинет доктора. Легко, словно во сне, открыла большую массивную дверь и увидела того, к кому так спешила. Николай Павлович стоял у массивного письменного стола и переби-

рал какие-то бумаги, лежащие на нем. Это был мужчина тридцати шести лет, приятной наружности, со светло-рыжими вьющимися волосами поверх большого открытого лба и с такой же светло-рыжей, аккуратно подстриженной бородкой. Увидев Елену, он устремился ей навстречу: «Что случилось? Почему так долго?» И, не дожидаясь ответа, сжал девушку в объятиях. Ощувив его решительные жадные губы, Елена почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Шляпа упала с ее головы на пол. И если бы не руки Николая Павловича, крепко державшие ее, Елена последовала бы за своей шляпой на ковер. «Как же я ждал тебя!» — успел обронить он в короткий миг между поцелуями. Сердце Елены учащенно билось в предвкушении того главного, что должно последовать за прелюдией, состоящей из жаркого хаотичного касания губ. Николай Павлович увлек ее к кушетке, стоящей в глубине комнаты за ширмой, где он осматривал больных. Когда они опустились на нее и решительная рука Николая Павловича с длинными белыми пальцами взялась за подол Елениного платья, подавая девушке сигнал, что прелюдия окончена, Елена неожиданно отстранилась от него. Вглядываясь, точно пьяная, в лицо Николая Павловича, измененное гримасой страсти, она вдруг со смутным чувством вспомнила о своей другой жизни, которая, несомненно, была главной, и о том, что здесь, в кабинете, оказалась в результате странной случайности. Вспомнила и испугалась происходящего. «Подожди», — остановила она Николая Павловича. И когда тот послушно отодвинул голову, давая ей короткую передышку, зажмурила, испуганно, по-ребячьи, на некоторое время глаза...

И когда вновь открыла их, увидела, что находится в кафе «Пушкин», что на Тверском бульваре, куда она явилась полчаса назад, если верить часам, в сопровождении бывшего возлюбленного своей сестры, Дмитрия Брянцева, а сам Брянцев сидит напротив. Они случайно встретились у магазина «Армения», куда тот заходил

купить немного бастурмы. Брянцев предложил ей зайти в «Пушкин» и выпить там кофе. Сейчас он с некоторым удивлением смотрел на Елену. «У меня такое ощущение, что ты меня не слушаешь», — сказал он, уловив отголосок испуга в ее глазах и последовавшую за ним мимолетную радость, отчего выражение ее лица перестало быть отсутствующим, как это было несколькими минутами ранее. «Нет, нет, я тебя слушаю», — ответила Елена. «Я же вижу, — печально заметил Брянцев, затративший немало усилий на то, чтобы произвести впечатление на девушку. Он не собирался обольщать ее, он просто терпеть не мог, если приятное существо женского пола, находящееся рядом, оставалось равнодушным к его чарам. — В чем дело? У тебя проблемы?» — «Все в порядке, извини. Просто я задумалась», — ответила Елена, испытывая необыкновенный прилив чувств, связанный с ощущениями, которые ей открывала жизнь в двух разных временах. И опять у нее учащенно забилось сердце, как четверть часа назад, когда она оказалась в объятиях Николая Павловича, который в другом времени был ей близок и дорог, а сейчас представлялся далеким и чужим. И все же заманчивая возможность жить и там и здесь приятно дурманила девушке голову. У нее даже порозовели щеки, придав ее лицу удивительную прелесть. «А ведь она хороша», — подумал в эту минуту Брянцев. А Елена вдруг сказала: «У меня не было случая поговорить с тобой и спросить, но вот теперь... Почему ты оставил мою сестру?» Она умела резко менять тему разговора, чем нередко ставила собеседника в тупик. И Брянцев, не ожидавший подобного вопроса, надо сказать, в первый миг опешил. Зрелой женщине он не простил бы такую бестактность и непременно ответил бы резкостью, но Елене было девятнадцать, и от нее исходило такое очарование молодости, что на нее нельзя было обижаться. «Желание расстаться было обоюдным», — ответил он. И, надо сказать, это было правдой. «Но кто-то же высказал первым эту

мысль вслух», — сказала Елена. Брянцев задумался. Сейчас он уже не помнил, кто первым — он или Катя — заговорил на эту тему, когда обоим стало ясно, что былой страсти уже нет, есть только отголоски последней, и на смену ей все чаще стали приходиться ссоры по всяким бытовым пустякам, от которых становилось кисло обоим. Брянцев так и не вспомнил, кто же первым начал тот разговор. «Может быть, и я заговорил на эту тему первым...» — сказал он. «Вот видишь, — словно обрадовалась Елена. — Ты — жестокий сердцеед... Бросаешь женщин на полпути, не давая им остыть». Брянцев не стал опровергать сказанное и только заметил: «Положим, к твоей сестре это не имеет никакого отношения». А Елена вдруг сделала неожиданное признание: «Ты знаешь, я тогда была ужасно влюблена в тебя... И завидовала Кате». Признание девушки приятно тешило самолюбие Брянцева, и он невинно, как это умел только он, улыбнулся, словно неискушенный юноша. «Что же теперь?» — хотелось спросить ему. Но Елена, опережая его вопрос, сказала: «Теперь все это в прошлом». И тоже улыбнулась, отчего у Брянцева почему-то сжалось сердце. Ему хотелось сказать девушке что-то нежное, ласковое, но в голову ничего не приходило, и тогда он сказал нечто неожиданное для самого себя: «Ты знаешь, а ведь нашей сегодняшней встречи могло и не быть. Я мог быть уже покойником. И мы не сидели бы сейчас в «Пушкине». И, заметив движение ее бровей, выразивших удивление, пояснил: «Совсем недавно в меня стреляли. Возле работы. Хотели убить. К счастью, пули прошли мимо...» И он рассказал, как все было. Елена была вторым, после Миши Бронштейна, человеком, кому он признался в покушении. Даже Валерии Брянцев до сих пор ничего не рассказал. Как ни странно, Елена отреагировала почти так же, как и Бронштейн, когда Брянцев сообщил ему об этом, вбежав в кабинет в то злополучное утро. «Кому нужна твоя смерть? — спросила девушка. — Ты же не олигарх. И не избираешься в

мэры». — «Это так. И тем не менее. Кому-то я, видимо, перешел дорогу». — «Может быть, тебе это показалось... Или кто-то вознамерился подшутить над тобой?» — высказала предположение девушка. Она все никак не хотела поверить в серьезность того, о чем говорил бывший любовник ее сестры. «Не показалось... И на шутку это не похоже», — поморщился Брянцев, уже жалея о том, что рассказал девушке о том, что в него стреляли. Потом вынул из кармана пиджака платок и, развернув его, показал Елене сплюснутый кусочек металла. «Что это?» — спросила та. «Предназначавшаяся мне пуля. Она ударилась в бетонную опору фонаря и отлетела на асфальт», — пояснил он. Елена взяла пулю в руки, некоторое время разглядывала ее. «Похоже на использованную жевательную резинку, — сказала она. — Только цвет другой». Брянцев пожал плечами, то ли соглашаясь с этим, то ли нет. «Ты сообщил об этом в милицию?» — спросила Елена. «Это бессмысленно... — ответил Брянцев. — Я цел и невредим, и мне скажут, что у меня богатое воображение». — «Действительно», — согласилась с ним Елена, кинув взгляд в полупустой зал. Через два столика от Елены и Брянцева сидела веселая компания. Там пили водку, ели блины с икрой и беззаботно смеялись. Один из сидевших там, молодой человек с неулыбчивым лицом, в серо-голубом костюме и галстуке цвета старого золота, бросал на Елену долгие взгляды, явно очарованный ею. Он просто смотрел на Елену, не делая никаких попыток привлечь ее внимание. И все же она заметила, что за ней наблюдают. Елена слишком часто ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин и относилась к этому как к чему-то привычному, поэтому неулыбчивый молодой человек, наблюдавший за ней, не вызвал в ней никаких эмоций. Брянцев тем временем рассказал ей о покушении все, что знал: откуда стрелял неизвестный злоумышленник, в какое время дня это произошло, сколько было выстрелов. Рассказал он и о бомжихе, которая, по его мнению, невольно

помешала злодею сделать свое дело. Потом рассказал о том, как ходил на чердак, где снайпер сидел в засаде. Рассказал о спящем пьяном кровельщике, которого обнаружил на чердаке, и об окурке сигареты «Бонд», найденном под ним и ему не принадлежащем. «У тебя есть какие-либо соображения, кто бы это мог быть? — спросила Елена. И когда Брянцев отрицательно покачал головой, заявила, высказав не лишнее смысла предположение: — Восемь из десяти, что это ревнивый приятель одной из твоих подружек!» Брянцев пожал плечами. «Я думал об этом, но так никого и не вычислил, — сказал он. И вдруг спросил, увидев живой интерес в глазах девушки: — Ты хочешь помочь мне найти эту скотину?» — «Может быть», — сказала Елена. Ей опять попался на глаза молодой человек с улыбочивым лицом, внимательно смотревший на нее. «У тебя есть долги? Быть может, ты задолжал кому-либо крупную сумму и не отдаешь?» — Елена вновь устремила взор на Брянцева. «В денежных делах я чист, — ответил тот. — Долгов у меня нет... Если следовать здравой логике, обычно убирают кредитора, а не должника». — «А сам ты не давал кому-либо в долг?» — спросила Елена. Ей доставляло удовольствие размышлять на эту тему. «Да, да, было дело, — подтвердил после некоторого раздумья Брянцев. — Есть такой человек... Я об этом не подумал». — «Вот видишь, — оживилась Елена. — Кто он?» — «Мой бывший институтский товарищ... Но он человек интеллигентный, мягкий, и на такое вряд ли способен». Елена загадочно улыбнулась. Она вдруг подумала: появись перед ней человек с пистолетом, вознамерившийся ее убить, она закроет левый глаз и сбежит в другое время, где будет недосыгаемой для убийцы. «Ах, Дима! Впечатления порою обманчивы... Взгляни на того парня в сером костюме, — сказала она негромко Брянцеву, кивнув туда, где расположилась веселая компания. — Вон тот... Вполне интеллигентного вида... А у самого под пиджаком — пистолет в кобуре. Интели-

гентный человек оружие не носит». — «С чего ты взяла, что у него пистолет?» — спросил Брянцев и почувствовал некоторое беспокойство: если бы это был тот, кто охотился за ним, ему ничего не стоило подняться, сделать несколько шагов и выстрелить Брянцеву в голову. Елена пояснила, как сделала свое открытие. «Этот парень искал у себя зажигалку, чтобы дать прикурить соседке, и, когда полез в левый карман брюк, пола его пиджака приоткрылась, и на груди в ремнях обозначился пистолет...» — «Надо же, — удивился Брянцев, — как ты это все замечаешь!..»

8

После «Пушкина» Брянцев отвез Елену домой. Девушка жила на Патриарших прудах в большом многоэтажном доме, покрашенном в ядовито-желтый цвет, смотревшем доброй сотней своих окон на небезызвестный пруд в окружении высоких деревьев, описанный Булгаковым в своем знаменитом романе, и Малую Бронную за ним, русло которой в последнее время с трудом вмещало поток машин, кативших в противоположных направлениях.

Брянцев затормозил у подъезда. Прощаясь с девушкой, задержал в своей руке ее прохладную ладонь:

— Звони.

— Зачем? — усмехнулась Елена.

— Ну, мало ли... Вдруг тебе захочется помочь мне найти стрелявшего.

— Дима, ты симпатичный мужик, но не в моем вкусе. К тому же, Катя утверждает, что ты — занудный тип...

— Я? — Брянцев оторопел от столь несправедливого заявления.

— И еще она утверждает, что ты жутко скупой...

Брянцев налился краской, рассердившись на заведомую неправду (уж чего-чего, а скупым он не был), но тут Елена весело, по-детски, рассмеялась.

— Шутка! — успокоила она Брянцева. — Моя сестра не обсуждает своих приятелей, как нынешних, так и бывших... Особенно со мной.

Брянцев вышел из машины, желая проводить девушку до подъезда. На пути у него возник возбужденный парень лет двадцати, стриженный наголо, худощавый, большегубый, в потертой джинсовой курке, нервно переступающий с ноги на ногу. Под мышкой он держал футляр для гитары.

— Командир! Отвези на Сретенку, — попросил он.

— Я не таксист, — отказался Брянцев.

— Срочно надо! Плачу любые бабки!

Брянцев покачал головой:

— Не нужны мне твои бабки! Я же сказал, что извозом не занимаюсь... Ищи другого.

Парень стукнул себя кулаком в грудь:

— Командир! Девчонка ждет! Любовь может накрыться тазом, если вовремя не подъеду!

— Значит, это не любовь, если лишние полчаса могут на нее повлиять...

— Да что ты понимаешь! — страстно воскликнул парень.

Он выскочил на мостовую. Голосуя, попытался остановить одну машину, другую, но все они проезжали мимо, даже не притормаживая. И делали это, как подумалось Брянцеву, с каким-то даже удовольствием, что лишают человека помощи. И если б на улице были лужи, то непременно ехали бы так, чтобы обдать голосующего грязью. Парень от отчаяния готов был броситься под колеса.

Брянцев ощутил жалость к несчастному, ощутил недовольство собой и уже готов был отвезти страдальца на Сретенку, но Елена, стоявшая у машины и наблюдавшая за ним, удержала его. «Помни, в тебя стреляли, —

шепнула она ему с заговорщическим видом. — Не совершай опрометчивых поступков». И легкомысленно засмеялась, увидев, какой у Брянцева растерянный вид. «Ладно, отвези человека, — сказала она. — Это не тот, кто в тебя стрелял... Тот не станет гоняться за тобой по Москве, а будет караулить в одном месте...»

9

После встречи с Еленой и нескольких часов, проведенных с нею, Брянцев почувствовал, что ему неприятен тот образ жизни, который он вел в последнее время. Так повлияли на него молодость девушки, ее свежесть, сияющие глаза, весь ее облик, свидетельствующий о радости бытия. Он даже испытал чувство, близкое к тошноте, воскресив в памяти все свои действия и уловки, связанные с желанием уберечь себя от пули охотившегося за ним неизвестного злоумышленника. Тот, кто охотился за ним, превратил его в трусливое существо, которое не знает ни минуты покоя, опасаясь за собственную жизнь. Даже солдаты в Чечне, подумал Брянцев, находясь постоянно в зоне риска, и те, наверное, так не пекутся о собственной шкуре, а ведут себя, как полагаются нормальным людям: радуются солнцу, поют вечерами под гитару, пьют водку, при okazji бегают на встречи с девушками. Но там война, ответил себе Брянцев, и там противник не ведет охоту за каждым в отдельности. Смерть каждого отдельного солдата в зоне боевых действий есть стечение ряда обстоятельств, а не результат охоты злоумышленника. Кроме того, армейские парни в Чечне подпитывают свое бесстрашие наркотиками. Наверное, и Брянцеву, вколи он себе дозу, тоже стало бы до фени: нашпигуют его свинцом или нет. И все же Брянцев впервые подумал о том, что образ жизни, кото-

рый он вел в последнее время, вынужденный опасливо озираться и просчитывать каждый свой шаг, унижен. Конечно, осторожность в его положении нужна. Но нельзя доходить до крайности и превращать свое существование в трусливое ползание по углам. И тут ему пришла мысль рассказать о своем униженном положении и о том, что явилось этому причиной, своему бывшему пациенту, человеку весьма бывалому, известному кинорежиссеру Николаю Сергеевичу Загорухину. Тот в последние годы занимался еще и политикой, и однажды, во время мастер-класса, проводимого в зале Всероссийского театрального общества, стал мишенью для двух не согласных с его политическими взглядами молодых людей, которые кинули в режиссера несколько куриных яиц, после чего были схвачены поклонниками мастера и с позором изгнаны из зала. Уж кто-кто, а многоопытный в разных делах Загорухин мог подсказать Брянцеву, как ему быть.

Брянцев позвонил режиссеру, и тот назначил ему встречу в Государственной Думе, где он проводил основное время, будучи депутатом.

В назначенный час Брянцев явился в Думу. На входе его уже ожидала помощница Загорухина — деловая дама лет сорока пяти, гладко причесанная, одетая в строгий серый костюм, свидетельствующий о пуританском вкусе последней и ее представлении, как должна одеваться деловая женщина, находящаяся на службе в столь высоком государственном учреждении. Она встретила гостя вежливой улыбкой, от которой ему почему-то стало неуютно, словно за ним подглядывали, когда он мылся в душе. Следуя за ней, Брянцев поднялся на этаж, где находился кабинет его бывшего пациента. Загорухина в кабинете не было, он появился минут через десять, и у Брянцева, расположившегося в кресле, была возможность внимательно осмотреть помещение, где ныне трудился известный киномастер. Все стены кабинета были увешаны живописными полотнами

среднего размера. Все это были работы Загорухина, который в последнее время увлекся живописью и все свободное время, когда не был занят в светских тусовках, проводил, стоя у мольберта, чувствуя себя, по меньшей мере, младшим братом Куинджи. Писал депутат пейзажи. Но то были особенные пейзажи. На каждом из них — был ли это песчаный берег реки или лесная тропинка, или поле с колосьями ржи, или усыпанный полевыми цветами косогор, по верху которого высились старые дубы, — непременно присутствовал подсвеченный изнутри полутораметровый в диаметре глобус. Пейзаж и — творение рук человеческих — глобус в нем. На вопрос: что это значит? — появившийся в кабинете Загорухин только загадочно улыбнулся, явно довольный собой и тем эффектом, который произвели его картины на посетителя, сумевшего оценить достаточно высокий уровень пейзажиста.

Встречавшая Брянцева на входе строгая дама в сером костюме тут же принесла Загорухину какие-то бумаги на подпись. Одновременно с ней в кабинете появилась секретарша депутата, молодая прелестная девица с пухлыми губами, пышной грудью и крепкими ягодичками, обтянутыми короткой юбкой, свидетельствующими о сладком чувстве, которое испытает счастливец, получивший разрешение коснуться их. Так, по крайней мере, подумалось Брянцеву. И еще у него мелькнула мысль, что Загорухин хорошо устроился, окружив себя столь разными особами женского пола, — одну держит для дела, другую для души. Они как бы уравнивают друг друга. Одна олицетворяет серьезность и значительность учреждения, где принимаются законы, другая призвана скрашивать нудность законодательной работы и всякого рода бесконечных совещаний. Интересно, какие у него отношения с этой милашкой? Девица тем временем подкатила к гостю столик на колесиках, где стояла двухлитровая бутылка виски «Джонни Уокер», поставила рядом с бутылкой два чистых стакана и

блюдце с орешками. Затем принесла и положила стопку розовых бумажных салфеток. Все это делала легко, можно даже сказать, весело, с несомненной долей артистизма, получая удовольствие от самой возможности распорядиться в кабинете депутата, где чувствовала себя весьма уверенно. Когда она поворачивалась спиной, Брянцев, помимо своей воли, видел только ее зад, который порхал по комнате, точно птица, в поисках подходящей ветки. Видимо, хозяйка привлекательной задницы в совершенстве владела искусством подавать себя.

Выпив с гостем для порядку немного виски и выслушав его рассказ, Загорухин, предполагавший, что протезист, делавший ему зубы, явился к нему с какой-то материальной просьбой, был в немалой степени удивлен тем, что тот пришел к нему за советом. Подобное обращение, надо сказать, польстило самолюбию Загорухина, относившегося к собственной персоне с чрезвычайной серьезностью. И он задумался, размышляя над услышанным. Наконец, потеряв ладонью сократовский лоб и голову, лишённую растительности, он устремил на Брянцева небольшие темно-серые глазки, взгляд которых напоминал взгляд сытого питона, удачно подзакусившего пару часов назад. «Да, действительно, — сказал он, — зависит от прихоти какого-то ублюдка не радостно... Раньше подобную сволочь проще было выявить, но не сейчас...» Закурив трубку и наткнувшись (а на него трудно было не наткнуться) на зад секретарши, что-то положившей на письменный стол, отчего глаза депутата затуманились, словно он увидел после долгого плавания желанный берег, Загорухин посоветовал Брянцеву временно перестать пользоваться своей машиной, на выходе из которой возле дома его может подловить злоумышленник, чему есть немало примеров; кроме того, сказал он, следует переехать — опять же временно! — из своей квартиры и пожить где-нибудь в другом месте. Хорошо бы взять отпуск — месяца на два, — чтобы не ходить на работу. Тогда желающий его смерти,

лишившись привычных элементов в распорядке дня Брянцева, начнет суетиться, нервничать и, несомненно, как-то себя обозначит. Кроме того, могут возникнуть новые обстоятельства, при которых убийство отодвинется во времени или отпадет необходимость в нем, — да, да, возможно и такое. Главное — чтобы злоумышленник засуетился, занервничал, потеряв на время жертву из виду... «А лучше всего, — сказал в заключение депутат, — доверься Богу». — «Как это? — не понял Брянцев. — В каком смысле?» — «Пусти все на самотек. Живи, как жил до этого, и не мучайся. Если Господь решил, что ты лишний в этой игре, то прячься, не прячься, тебя все равно пристрелят!» — «Порадовал, Николай Сергеевич», — уныло изрек Брянцев, разглядывая гладкое, несмотря на возраст, лицо Загорухина. Тот положил трубку в массивную стеклянную пепельницу и без тени юмора продолжил: «Уйди достойно. Подари детскому дому машину. Или переведи деньги на новую полевую кухню для солдат в Чечне. Или сделай взнос в фонд солдатских матерей». И, увидев опрокинутое лицо гостя, улыбнулся ему, показывая ряд красивых фарфоровых зубов, которые ему сделал Брянцев: «Шучу!» — «Разве нет других вариантов?» — вздохнул Брянцев: он, честно говоря, рассчитывал услышать от депутата другое; его уже не привлекал зад секретарши, в очередной раз проплывший перед глазами. Загорухин наморщил лоб: «Найми телохранителя... Могу дать адрес конторы, где имеются надежные ребята. Но это дело хлопотное и дорогое». — «А если обратиться в следственные органы? На Петровку?» — осторожно поинтересовался Брянцев. И вдруг, вспомнив об уликах, которые принес с собой, выложил из кармана на стол прозрачный полиэтиленовый пакетик, где находились пуля и окурочек сигареты. «Что это?» — спросил брезгливо Загорухин. «Улики, о которых я говорил. Пуля и окурочек сигареты «Бонд». Загорухин покачал головой: «Никто не станет заводить дело без серьезных на то оснований. А таковых нет. Есть

только твои предположения. И вот это, — он указал на пакетик. — Окурок вообще не в счет... А пуля, найденная среди мусора, тоже вещь сомнительная... Поди, разберись, кому она предназначалась: тебе или другому? Слишком все умозрительно. А из воздуха, как говорится, штаны не сошьешь». И он встал, давая понять, что его ждут другие, не менее важные дела. Брянцев сидел понурый, не в силах покинуть свое кресло. Как человек не защищен, с тоскою подумал он, если даже депутат Государственной Думы не может предложить ничего радикального, чтобы изменить ситуацию. Следовательно, охота на Брянцева будет продолжаться и никто не сможет этому помешать. Кровь прилила к лицу Брянцева. Он резко поднялся, и все, что накопилось в душе, выплеснул на Загорухина. «Черт возьми! — горячо воскликнул он. — Что вы здесь в таком случае делаете, если не можете защитить человека?!» Брови Загорухина удивленно поползли вверх — он не ожидал подобного проявления чувств от своего протезиста, которого привык видеть спокойным и уравновешенным. Затем в глазах его промелькнула печаль, словно ему сообщили о неизлечимой болезни знакомого человека, и вслед за этим он тоже возбудился: «Что мы здесь делаем? Боремся за правовое государство! Мы не можем заниматься каждым человеком в отдельности, мы создаем законы, способные оградить отдельного человека от произвола!» — «О-о! — ухватился ернически за щеку Брянцев, словно его пронзила зубная боль. — Когда придет это славное время? Пока вы будете заниматься сочинительством, полстраны перестреляют, если не больше!» Обладательница крепких ягодичек, появившаяся в дверях, привлеченная возбужденными голосами, с интересом взглянула на гостя, к которому до этого отнеслась без особого интереса. Но Брянцев уже угас. «Браво! — усмехнулся он про себя. — Большой успех! Хоть привлек к себе внимание этой сладкой задницы!» А Загорухину сказал: «Ладно, Николай Сергеевич, извините за беспо-

койство! Когда у вас полетят зубы, советую обратиться за помощью не к протезисту, а к Господу Богу!» — «Надеюсь, это произойдет нескоро, — отозвался Загорухин. — Мне зубы делал человек по фамилии Брянцев, а он — мастер своего дела...» Говоря это, Загорухин не лукавил, но, главное, не хотел, чтобы Брянцев ушел от него с тяжелым сердцем, хотя понимал, что не сказал гостю ничего утешительного. А иного он и не мог сказать. Загорухин знал: даже если он позвонит в МУР своему приятелю полковнику Величко и уговорит того завести дело по покушению на Брянцева, у такого дела нет никаких перспектив, а зачем МУРу вешать на себя еще одно нераскрытое дело? А Брянцев, покинув кабинет депутата и спускаясь по широкой мраморной лестнице вниз, подумал: «Не нужно было сюда приходиться».

10

И все же, поразмыслив над словами Загорухина, Брянцев решил последовать его совету и изменить некоторые вещи в привычном образе жизни. Он перестал пользоваться своей машиной, поставив ее на стоянку возле дома. Собрал в чемодан вещи, запер квартиру на два замка и ушел из дома, решив пожить на стороне. Валерия, знавшая о решении Брянцева, предложила ему пожить у нее. Брянцев отказался. Во-первых, Валерия жила слишком далеко от места его работы. Во-вторых, поселившись у нее, Брянцев невольно ступал на почву семейных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями, чего ему не хотелось. В-третьих, Валерия жила не одна — вместе с нею в квартире проживали ее пятилетняя дочь и мать, дама средних лет, человек довольно специфический. Сухощавая, энергичная, с неизменной сигаретой в ярко накрашенных губах,

филолог по образованию, мать Валерии работала заведующей литературной частью в одном из столичных театров и, испытывая потребность в авторском творчестве, постоянно строчила на машинке, сочиняя статьи на всевозможные искусствоведческие темы; она и говорила только об этом, доводя гостей Валерии до головной боли. Вся квартира была буквально завалена ее рукописями, и дочери с внучкой запрещалось что-либо трогать и перекладывать с места на место. Рукописи лежали на письменном столе, на книжных полках, на стульях, на шкафах, валялись на материнской кровати, кое-что даже попадалось среди тарелок в шкафу для посуды (тут уж Валерия, не считаясь с матерью, извлекала их оттуда и устраивала бумаги на полках, с трудом, но все же находя им место). Одним словом, бумажные плоды материнского труда лежали повсюду, готовые поглотить в квартире всё и вся, словно прожорливая саранча, обрушившаяся на цветущее поле. Рукописи лежали даже в туалете в тряпичной сумке для журналов, и всякий любопытствующий мог ознакомиться с ними. Оказавшись однажды в туалете, Брянцев пролистал одну из них. Она называлась «Гитлер как двигатель послевоенной европейской литературы». По мнению автора, она (литература) при всем при том, что осуждала злодеяния нацизма, искала себя в материале и сюжетах, замешанных чаще всего на психологии нацизма и насилии. Обычные люди, по рассуждению пишущей, с обычной психикой и обычными моральными установками, такие как, к примеру, Гуров из чеховской «Дамы с собачкой» или персонажи бунинских «Темных аллея», не могли стать героями произведений европейских литераторов, начиная от Белля и Грасса и кончая Патриком Зюскиндом, сочинителем известного «Парфюмера». В другой раз там же, в туалете, Брянцев обнаружил статью под названием «Постсоветская литература как выгребная яма современности», где мать Валерии ставила нелицеприятный диагноз российскому обществу, которое вместо жанро-

вого многообразия и желаний видеть в литературе зеркало, отражающее жизнь, рухнуло в бездну детективных поделок и бескультурья. Брянцев настолько увлекся чтением этого опуса, что просидел на унитазе слишком долго, и лишь после того, как автор читаемого им опуса стала ломиться внутрь, желая облегчиться, покинул туалетную комнату, преисполненный напряженной работы мысли и ощущения опасности от сожительства в одном помещении со столь уникальной дамой. Статьи матери Валерии нигде не печатали, но это не убавляло ее пыла... И еще была причина, по которой Брянцев не мог принять предложение Валерии и отправиться с чемоданом в дом к любимой. Злоумышленник, немало знающий о Брянцеве (а роль охотника того требовала), знает, вероятно, и о Валерии и, заметив отсутствие Брянцева по адресу, где тот проживает, непременно станет ловить его возле дома любовницы. В этом случае разницы между домом Брянцева и домом Валерии нет никакой, и перемена места жительства теряет смысл. Нет, Брянцеву необходимо было осесть на пару месяцев в таком месте, которое трудно вычислить. Общаться с друзьями и с той же Валерией он сможет по мобильному телефону. Определить же по мобильнику, где проживает Брянцев, невозможно, если только злоумышленник не связан с ФСБ. А это маловероятно. Искавшему жилью Брянцеву неожиданно повезло. Ему представилась возможность пожить уединенно в таком месте, где его никто не знал. Уехал на многомесячные гастроли с цирком его приятель, фокусник Костя Худолеев, гуляка, холостяк, женолюб, и оставил Брянцеву ключи от квартиры, куда тот и прибыл со своим чемоданом.

Перестав пользоваться машиной, поменяв место жительства и вознамерившись взять на работе отпуск, Брянцев вновь почувствовал, как в нем поднялась злость на самого себя, на собственную трусость. Он решил, что не будет отныне осторожничать, как это было до того, и станет вести привычный образ жизни. При

этом у злоумышленника не будет возможности подловить его возле дома, где он имеет квартиру, или у работы, если Брянцев уйдет в отпуск. Пусть мучается, отыскивая место, где Брянцев осел. И, может, действительно как-то обозначит себя. А уж Брянцев сумеет этим воспользоваться и найдет концы.

В первый же вечер в квартире Худолеева, когда Брянцев, переговорив с Валерией по мобильному телефону, смотрел телевизор, устроившись в большом потертом кожаном кресле цвета кофе с молоком, на котором в объятиях любвеобильного фокусника (в этом они были с Брянцевым похожи) перебивало немало разных девиц, раздался звонок в дверь. Не ждавший гостей и вообще никого не ждавший, Брянцев вздрогнул от неожиданности. Сволочь, которая охотилась за ним, не могла его так быстро вычислить, подумал он. И тем не менее, направляясь в прихожую, Брянцев прихватил с собой газовый пистолет хозяина квартиры, который лежал в ящике письменного стола.

Брянцев посмотрел в дверной глазок и увидел молодую женщину, темноволосую, с короткой стрижкой, довольно смазливую и уверенную в себе, которая в ожидании, когда ей откроют, переминалась с ноги на ногу, теребя длинными пальцами с маникюром мочку уха.

— Кто там? — строго спросил Брянцев.

Услышав, что в квартире кто-то есть, женщина ожилилась.

— Открой, это я, — ответила она, и лицо ее приняло игривое выражение.

Оглядев в глазок лестничную площадку и убедившись, что гостя одна, Брянцев открыл дверь. Присмотревшись к ней внимательно, он понял, что та пьяна.

Не удивившись, что дверь открыл незнакомый человек, женщина, не сказав ни слова, отодвинула Брянцева в сторону и решительно прошла в квартиру. Обойдя помещение и не обнаружив там хозяина, была чрезвычайно удивлена.

— Что вы здесь делаете? — спросила она у Брянцева.

— Живу, — ответил тот.

— Ну, вот еще! — не поверила гостья. — Здесь живет Худолеев...

— Увы, — вынужден был огорчить ее Брянцев. — Теперь здесь живу я.

— А где же Худолеев?

— Далеко. С гастрольями цирка на Кипре.

И только тут гостья заметила в руках у Брянцева газовый пистолет.

— Вы с этим вышли встречать меня?

— Ну, в общем... — замялся Брянцев и убрал пистолет в карман.

— Я не опасна, — махнула рукой женщина, затем упала в кресло, в котором до ее прихода пребывал Брянцев, и, взлохматив пальцами свои короткие волосы, то ли желая отрезвить себя подобным действием, то ли стараясь прибавить пушистости прическе, потребовала: — Дайте кофе!

— Здесь не бар, — сухо заметил Брянцев, не зная, как попросить покинуть квартиру женщину, которая, судя по ее поведению, и не думала уходить. — И я никого не обслуживаю.

Это замечание повергло гостью в состояние чрезмерной веселости.

— С чего ты решил, что я подумала, что здесь бар? — громко засмеялась она. — Не бойся, дружок, я тебя не обижу... Я близкая Костина подруга. И мне просто необходимо выпить чашку кофе.

— Если вы, как утверждаете, Костина подруга, — холодно заметил Брянцев, — то странно в таком случае, что не знаете, где он.

— Это долгая песня, дружок...

— Я с вами в дружбе не состою, — поморщился Брянцев и подумал: вот навязалась на мою голову.

— Ты чего такой серьезный? — не унималась та. — К нему случайно залетела приличная женщина, а он улыб-

нуться не может. С таким лицом либо в похоронной процессии участвовать, либо чинить засорившийся унитаз.

— Послушайте... как вас там... — Брянцев еле сдерживался, чтобы не вскипеть.

— Саша... — представилась женщина. — Меня зовут Саша... Скажи, тебе жалко чашки кофе?

— Нет, не жалко... Просто я должен уходить, — соврал он.

— Пошли вместе.

— Мне провожатые не нужны.

— Тогда сделай мне кофе... Что-то я совсем обесси-
лела.

«Еще не хватало, чтобы она здесь отключилась...» — подумал Брянцев, более детально разглядывая гостью. Женщина была одета весьма прилично — на ней было дорогое вечернее платье, темно-синее, на бретельках, шею украшало изысканное колье. И на лицо была мила. На особу легкого поведения она не походила. Хотя вела себя, следует признать, довольно развязно, видимо, хорошохватила лишнего. «В конце концов, сделаю ей кофе и тогда уже выставлю за дверь», — подумал Брянцев и отправился на кухню. Но, придя туда и включив электрочайник, некоторое время наблюдал через открытую дверь за гостьей, сидевшей к нему боком, — что та станет делать, оставшись одна. Та ничего не стала делать — сидела, равнодушная к окружающей обстановке, думая о чем-то своем и мурлыкая какой-то мотивчик. Затем резко вскинула вверх руки, точно загорающий на пляже, подставляющий себя солнечным лучам. И, рассмеявшись чему-то, опустила их.

Когда Брянцев принес ей чашку с растворимым кофе, она несколько мгновений вглядывалась в его лицо, словно пыталась сообразить, кто это такой и как он здесь оказался.

— Благодарствую, — жеманно сказала она, принимая от Брянцева чашку.

Пока она пила, смакуя каждый глоток, Брянцев стоял напротив, скрестив на груди руки, намеренно не желая присесть на соседний стул, чтобы гостья не решила, что может рассиживаться здесь и дальше.

— А позвольте вас спросить: в каких вы отношениях с Костей? — вдруг поинтересовался он. — Что-то я о вас ничего не слышал...

— А ты любопытный, — улыбнулась женщина. — Мы с Худолеевым иногда спим... А теперь вот я жду от него ребенка.

Брянцев бросил взгляд на живот женщины. Тот был весьма невелик. «Наверное, она шутит», — подумал он.

Гостья перехватила его взгляд.

— Не смотри... Восемь недель, еще не заметно. Но скоро, скоро, очень скоро! — игриво продолжила она.

— А Худолеев знает об этом? — поинтересовался Брянцев.

— Я готовлю ему сюрприз.

«Бедный Константин!» — подумал Брянцев, а вслух сказал:

— Думается, вам пора...

— А мне что-то спать захотелось... — женщина сладко потянулась. — Ноги совсем не слушаются... — Она вытянула ноги и взглянула на мыски своих элегантных остроносых туфель.

— Я не могу вас оставить, — вновь обеспокоился Брянцев — ночевать наедине с неизвестной особой в одной квартире не входило в его планы. — Это было бы двусмысленно, — пояснил он.

— Дружок, я не собираюсь с тобой спать... Мне нужно только выспаться.

— Я думаю, вы чудесно выспитесь дома. — Брянцев был непримирим. Ему уже стало казаться, что эту дамочку к нему специально подослали, чтобы здесь-то как раз его и шлепнуть, — уж больно та была настойчива.

— Не знала, что у Худолеева такие негостеприимные друзья...

Брянцев решил применить силу. Он крепко взял гостью за локоть и решительно повел ее к выходу. Женщина шла не сопротивляясь. Лишь с любопытством глядела на него снизу вверх. На миг что-то в ее лице показалось Брянцеву знакомым, словно он уже видел где-то эти серо-зеленые глаза, тонкий, чуть удлинненный нос, пухлые губы.

Уже в дверях женщина сказала:

— Мне негде ночевать...

— Это ваши проблемы, — отозвался Брянцев.

— Неужели ты выставишь женщину за дверь, на ночь глядя? К тому же беременную женщину... Ты выгоняешь двоих!

Брянцев поморщился, испытывая некоторую неловкость от своего поступка, но выхода не было.

— Но вы же не с Марса прилетели, а откуда-то пришли... И к тому же с кем-то выпивали. Вот и идите туда.

Женщина все еще стояла на пороге, но грубо вытолкнуть ее за дверь Брянцев не решался.

— Если б я была злой колдуньей, — сказала женщина, — я сделала бы так, чтобы у тебя удлинился нос и выросли ослиные уши. Замечательный получился бы портрет! — Она засмеялась и вышла за дверь трезвой походкой, повесив на плечо сумочку на длинном ремешке.

Остановилась у лифта.

— Ты, кажется, собираешься в Париж? — спросила она, не поворачивая головы. — До встречи в отеле «Пейрис»...

Но Брянцев уже захлопнул дверь и закрыл ее на щеколду.

И только когда направился в комнату, сообразил, что сказала женщина напоследок. Отель «Пейрис»... Брянцев замер. В тот день, когда в него стреляли, он вытащил билетик из коробки бомжихи, где говорилось про Париж и про отель «Пейрис», в котором его ожидает откровение, если он там окажется. Нежданная гостья упо-

мянула название того же отеля — «Пейрис». Было что-то странное в этом. Странное и пугающее. Откуда этой подгулявшей особе известно про отель «Пейрис»?

Взволнованный Брянцев бросился обратно в прихожую. Открыл замок, распахнул дверь... На лестничной площадке возле лифта никого не было. «Наверное, села в лифт», — подумал Брянцев. Он прислушался, но в шахте лифта было тихо — кабина стояла на одном месте. Брянцев шагнул к лестнице, ведущей вниз. Здесь тоже не было никаких звуков. Если бы женщина спускалась вниз, он бы слышал ее шаги. Поздняя гостья словно испарилась. Только внизу лестничного пролета плавала еле заметная дымка, точно кто-то совсем недавно, сидя на ступенях, раскуривал здесь трубку.

Озадаченный Брянцев вернулся в квартиру. Несколько мгновений стоял возле кресла, где еще десять минут назад сидела гостья, не решаясь опуститься в него, тупо взирая на экран телевизора. Перед глазами мелькала реклама, какие-то лица что-то предлагали приобрести, выбрасывая в воздух словесные глупости, не доходившие до сознания... Потом, очнувшись, Брянцев начал судорожно искать свою записную книжку, где был записан номер мобильного телефона Худолеева. «В случае чего звони!» — сказал тот перед отъездом. Отыскав номер телефона приятеля, Брянцев в течение часа пытался до него дозвониться. И всякий раз противный до мерзости механический женский голос в трубке сообщал ему, что телефон абонента отключен или временно недоступен. Отложив трубку, Брянцев на некоторое время затихал, устроившись на диване в горизонтальном положении, глядя на посеревший от времени потолок (квартира давно нуждалась в ремонте). Потом, посчитав, что времени прошло достаточно, вскакивал и снова хватался за телефон.

В начале второго ночи Брянцеву наконец удалось дозвониться. «Кто это?» — не узнал его Худолеев, видимо, пьяный. Рядом смеялись женские голоса. «Тише вы, профурсетки!» — пытался урезонить их фокусник. «Это

Дима», — сказал Брянцев. «Какой Дима? Брянец, ты, что ли?! — наконец сообразил Худолеев. — Ты чего прорезался? Случилось что?» — «Да, в общем, ничего особенного... Просто хотел тебя проинформировать... Тут одна дамочка приходила, представилась твоей близкой подругой. И сказала, что ждет от тебя ребенка...» Худолеев озадачился: «Какая дамочка?» И прикрикнул на своих собутыльниц: «Да тише вы, лошади, дайте поговорить!» — «Дамочка смазливая... Лет двадцати восьми... — стал объяснять Брянцев. — Назвалась Сашей...» Худолеев несколько секунд молчал, видимо, прокручивал в голове образы своих многочисленных приятельниц, пытаясь сообразить, какая же из них заявила в его отсутствие. «Саша, говоришь... Рыжая? — поинтересовался он. — С длинными волосами... Глаза чуть навывкате?» — «Нет. Эта черненькая, с короткой стрижкой...» — «Картавит?» — мучился Худолеев. «Нет», — сказал Брянцев. «Не знаю, — ответил Худолеев. — Такой не знаю... А вообще гони их всех к черту! С детьми и без!.. Сам-то ты как?» — «Я нормально, — отозвался Брянцев. Ответ приятеля его не удовлетворил. — Может, все же вспомнишь, кто это... — и, чтобы скрыть свой интерес, добавил, присочинив: — Она какой-то сверток забыла, надо бы ей вернуть». «Убей Бог, не знаю, кто такая, — заявил Худолеев. — Поверь, уж я-то своих баб помню... И беременных в том числе... Может, заезжая аферистка по квартирам рыщет?.. А сверток проверь. Если там нет тротила, а лишь женские трусишки, выброси в мусоропровод и забудь! Береги себя!» — пожелал он на прощание и отключил трубку.

Разговор с Худолеевым не принес ясности и озадачил Брянцева еще больше. Если Костя не знает, кто эта женщина, есть отчего прийти в волнение. «Да, но она произнесла фамилию Худолеева несколько раз, — вспомнил Брянцев. — Одно из двух: или Костя, будучи нетрезвым, забыл о существовании этой особы, или тут действительно кроется какая-то загадка».

Куда же подевался тот, кто затеял охоту на Брянцева? — впору задать вопрос, читатель. И почему он столько времени не давал о себе знать? Или вдруг, обратившись памятью к христианским заповедям, «охотник» ощутил угрызения совести и решил отказаться от своего черного дела? Увы, нет. Все объяснялось просто. В один из погожих субботних дней, играя на пляже с отдыхающими в футбол, «охотник» неудачно упал и сломал ногу и вынужден был некоторое время провести дома, поскольку ногу его упаковали в гипс, лишив возможности легко передвигаться. А затевать охоту с ногой, отяжеленной парой лишних килограммов, было, по меньшей мере, неразумно, чего «охотник», как человек весьма осмотрительный, позволить себе не мог. Пришлось ждать, пока срастется кость и нога обретет былую подвижность. Но вот неприятности позади. И можно вернуться к незавершенному делу.

Вновь «охотник» решил ловить Брянцева возле его работы. Только здесь появление и уход стоматолога проходили строго по часам, сопрягаясь с началом и окончанием рабочего времени; конечно, Брянцев мог задержаться на несколько минут, но не более того. Здесь «охотнику» не придется выстаивать долгими часами в ожидании жертвы, как это может быть у подъезда, где жил Брянцев. Правда, на этот раз «охотник» решил, что не полезет на чердак (место уже засвеченное) и не станет убивать протезиста у входа в здание. Он дождется, когда Брянцев сядет в машину, поедет следом, а потом, поравнявшись с ним, выстрелит в него несколько раз на ходу из пистолета с глушителем где-нибудь в удобном переулке, откуда в считанные секунды можно уехать. Продумав тщательно детали повторной операции, «охотник» приступил к ее выполнению.

В один из душных августовских дней, когда город плавал в желтоватом тумане, рожденном пожарами ок-

рестных лесов, и блеклое солнце, похожее на лик обескровленного больного, с трудом просвечивало сквозь плотный его слой, а горожане, мучаясь и задыхаясь от нехватки воздуха, точно астматики, спешили туда, где имелись кондиционеры и где можно было перевести дух, «охотник», одетый в зеленую полинялую майку и поношенные джинсы, подъехал на выдавшем виды «опеле» к зданию, где находилась стоматологическая клиника. Припарковавшись на свободном месте поблизости от входа, он выключил зажигание и стал ждать. Ему необходимо было убедиться, выйдет ли сегодня на работу Брянцев. Если выйдет, то он, «охотник», приедет сюда к концу рабочего дня, дождется Брянцева и поедет за ним и уже в дороге проделает то, что не сумел сделать ранее. Для этой цели все было готово. Пистолет с глушителем и две обоймы с патронами лежали в кожаной папке для бумаг, которую «охотник» держал под своим сиденьем. Мучаясь от безделья и не теряя из виду вход в здание, «охотник» оглядел стоявшие поблизости машины, потом окинул ленивым взглядом салон своего автомобиля и заметил на заднем сиденье в самом углу какую-то книжонку в темной обложке. Удивился ее нахождению здесь. Дотянулся до книжонки рукой. Это оказались «Бесы» Достоевского, которых он не читал. Но знал, что это не сказки, если судить по названию, а книга серьезная. «Кто же ее мог оставить?» — задумался «охотник», перебирая в памяти девиц, которых возил в последнее время.

Брянцев появился минут за пять до начала рабочего дня, появился как-то неожиданно, в компании нескольких сослуживцев, мужчин и женщин, — «охотник» не сразу его признал, а когда признал, впился в него глазами, — и вся группа, что-то оживленно обсуждавшая, полетному пестрая, мелькая открытыми руками и ногами, вкатилась в дверь.

«Охотник» достал из бардачка пачку сигарет «Бонд», закурил. «Он что, сегодня без машины? Добирался сво-

им ходом?» — подумал он о Брянцеве. Это простое обстоятельство усложняло задачу. «Но не поедет же он домой на метро», — была следующая мысль. Люди, подобные Брянцеву, слишком любят себя, чтобы в такую духоту лезть под землю. Бабки есть, непременно возьмет такси или частного. А если он все же поедет на метро? Тогда придется отложить устранение до другого раза. «Охотник», затеяв убийство Брянцева и обдумывая детали, никогда прежде — даже в мыслях — не употреблял слово «убить», только «устранить». Слово «убить» было ему не по вкусу и, как казалось, относилось его к числу заурядных мокрушников, а он себя таковым не считал.

«Охотник» посидел еще некоторое время в салоне, поглядывая на входную дверь, куда продолжали входить люди — теперь это были в основном пациенты, — и вылез из машины. Бросив под ноги окурок, он оглядел стоящие у здания и дальше вдоль улицы автомобили — действительно, серо-зеленой «нексии», принадлежавшей Брянцеву, нигде не было. Это укрепило его в мысли, что Брянцев приехал на работу своим ходом. Думая о дальнейших действиях, «охотник» решил оставить свой «опель» на стоянке — точки для наблюдения лучше той, где стоит его машина, не сыскать, уедешь, так удачно в конце дня уже не припаркуешься, все будет занято, а караулить Брянцева, стоя на улице и мозоля глаза окружающим, крайне нежелательно. «Охотник» захлопнул дверцу, включил сигнализацию и ушел. Пистолет остался внутри, но это не смущало его: машина стоит, как положено, и сотрудники ГИБДД, появившись они здесь, вряд ли проявят к ней интерес, да и профессиональные угонщики не заинтересуются ею — не тот товар: угоняют обычно дорогие иномарки или новые «вазовские» машины — на запчасти.

«Охотник» поймал частного и поехал в центр. Он с утра ничего не ел и решил первым делом перекусить.

Желтоватая дымка, покрывавшая город последние две недели, с приближением полудня не становилась

меньше, и казалось, что теперь она будет всегда, как неизлечимая болезнь, — редким обессиленным ветрам не по силам было продуть московские улицы и вернуть горьковатому воздуху былую прозрачность. «Охотник» воспринимал нынешнюю напасть, вызванную долгой жарой и пожарами в подмосковных лесах и на торфяниках, философски. Если суждено окрестным лесам гореть, а жителям города подохнуть от недостатка кислорода, так тому и быть, рассуждал он. Но вот водитель старой потрепанной «волги», подвозивший «охотника», сорокалетний мужик с черным от загара лицом, думал иначе. «Нельзя же безвольно сидеть и ждать, когда мы все задохнемся! — в сердцах воскликнул он, ища сочувствия у пассажира. — Надо же что-то делать! Армию бросить на тушение лесов... Вертолеты! Я бы власть городскую передудил за бездействие... Всю!» «Охотник» не спешил втягиваться в разговор. Говоруны за рулем, цепляющие пассажиров своими речами, словно вы с ними давно знакомы, были ему не по душе; гораздо приятнее было ездить в обществе молчунов, но такие среди тех, кто занимался извозом, попадались значительно реже. А мужик за рулем не мог остановиться. Он даже не нуждался в ответных репликах собеседника, хотя и поглядывал на него, — ему вполне хватало собственных речей. У «охотника» возникло желание сказать что-либо вопреки. «Ничего, — проговорил он, хмуро глядя по сторонам, — наш народ живучий... Держали его в говне — не подох. Выдержит и это. А нет — туда ему и дорога! Места в земле всем хватит!» — «Чего?» — оторопел водитель «волги». «Места в земле, говорю, всем хватит...» — сухо повторил «охотник», не желая комментировать свои слова. Водитель на некоторое время умолк, долго не мог сообразить, как ему реагировать на сказанное пассажиром: то ли сказать тому, что он идиот, то ли согласиться с ним; в конечном итоге хмурый пассажир сказал верную вещь — российский народ бесконечно терпелив, и с этим трудно было не согласиться. С другой стороны,

слушать про свой народ, что он безвольная дрянь, было обидно. И тогда водитель «волги» резко прибавил скорость. Там, где позволяла транспортная ситуация, ехал быстро и так же быстро перестраивался из ряда в ряд, находя свободные участки, словно хотел скоростной ездой при частом лихом торможении компенсировать отсутствие отваги у народа, к которому он и пассажир относились. Когда мужик, управлявший «волгой», совершил очередной лихой вираж, завершившийся резким торможением, и «охотнику» показалось, что они непременно врежутся в идущую впереди машину, но, к счастью, обошлось, он спросил: «Куда ты гонишь? Трюкач!» — «Струхнул?» — недобро усмехнулся мужик, довольный тем, что зацепил пассажира за живое. «Мудила! — отозвался «охотник». — Мне башку разбивать не к спеху. Есть на земле еще кое-какие дела, которые следует уладить...»

«Охотник» вышел в центре у дома, где снимал однокомнатную квартиру. Но домой не пошел, а направился в ближайшее кафе, куда иногда захаживал перекусить.

Официантка порекомендовала ему куриные котлеты, и он их взял. Попросил еще и чай с лимоном. Этого, он решил, будет достаточно — и голод собьет, и не переест, что крайне важно в преддверии предстоящих событий; к концу дня он будет в нужной форме. Чего бы «охотник» ни затевал, в момент действия он старался быть полуголодным — в таком состоянии и голова работает лучше, и тело приобретает дополнительную ловкость.

Когда он поедал две небольшие котлетки и гарнир, состоящий из риса и тушеных овощей, то почему-то вспомнил о своей первой любви. Ей было пятнадцать, ему на год больше. Она жила на той же улице, что и он. Он ходил за ней по пятам около года. Ему стоило немалых усилий уговорить ее прийти к нему домой в отсутствие матери и отца, поехавших на пару дней к родне. Он и она немного выпили, совсем чуть-чуть. Долго гово-

рили на разные темы. Но ложиться с ним в постель она никак не хотела. А у него все горело внутри от любви и желания. И тогда он взял ее силой. Та, которую он так страстно желал, когда все было кончено, сидела расхристанная на диване, на котором это произошло, и плакала, размазывая крупные слезы по лицу, словно грабители, встретившиеся с нею ночью, отняли у нее последнее. Она никому не рассказала о том, что он изнасиловал ее. К счастью, для девушки обошлось без последствий — она не забеременела. Но больше не пожелала его видеть — никогда. Она даже закрывала лицо руками, когда они случайно встречались на сельской улице или у клуба, и спешила поскорее пройти мимо, словно боялась подхватить от него заразную болезнь. А он, понимая свою вину, страдал, не зная, как вернуть ее расположение... Каждый раз воспоминание об этой любви, завершившейся так нелепо, доставляло «охотнику» мучения.

Когда он закончил есть, то вдруг сообразил, что котлетки, которые он только что ел, лишены какого бы то ни было вкуса. Ему это показалось странным. И даже неприятным. Неужели официантка, рекомендуя ему эти котлетки, обманула его? На тарелке еще оставалось немного риса с овощами. Он ковырнул остатки вилкой, положил немного в рот, желая проверить свои ощущения, и тщательно прожевал. И опять не ощутил вкуса пищи. Таким же безвкусным оказался и чай, на поверхности которого плавал кружок золотистого лимона. Уж лимонто, имеющий кислоту, никак не может быть безвкусным, подумал «охотник». Он подцепил кружок лимона ложечкой, вынул из чашки. Положил в рот и принялся жевать, стараясь уловить желанную кислинку. И опять ничего не ощутил. Словно его небо и язык утратили свойства, дарованные природой. Он вспомнил: такое уже было однажды, когда он на некоторое время лишился вкусовых ощущений и, принимая пищу, испытывал чувство, словно его кормят стерильной ватой без

признаков вкуса и запаха. Случилось это после пьяной драки, в которой он участвовал и выбил одному из противников два передних верхних зуба. Он не жалел об этом. Таковы законы драки. Если ты ввязываешься в нее, то должен понимать, что это может иметь роковые последствия в виде выбитых зубов, или поломанных конечностей, или рваных ран на лице, которые впоследствии превращаются в шрамы, производящие впечатление на окружающих. Как уже было сказано, «охотник» не жалел, что улыбка пострадавшего утратила свою привлекательность. И не видел никакой связи между той жестокостью, с какою был наказан противник, и тем, что он в течение некоторого времени был лишен вкусовых ощущений. Но ему навсегда запомнилось, с каким отвращением запикивал он тогда в рот пищу, в одночасье переставшую доставлять наслаждение. С не меньшими муками глотал он водку, когда становился участником застолий. Правда, водка, в отличие от съеденной пищи, с утратой вкусовых качеств не потеряла все же своей силы, оказывающей воздействие на организм, и это как-то смягчало потерю вкусовых ощущений. И вот история повторяется. Это огорчило «охотника», но ненадолго — есть вещи куда более неприятные. И, выйдя на улицу, он вскоре забыл об этом.

После короткого раздумья «охотник» решил пойти домой и переодеть майку. Та, что была на нем, казалось ему, источает запах пота. Пару раз он поймал себя на том, что ловит ноздрями этот неприятный запах. Другому мужику он мог бы простить подобную несвежесть, только не себе, потому и мылся под душем через день, и белье дольше двух дней не носил. «Охотник» поднялся к себе в квартиру. На ходу снял майку и бросил ее в ванной комнате в коробку с грязным бельем. Намочил полотенце, обтер им грудь и подмышки. Нашел в комнате в шкафу новую майку серого цвета, надел ее. Новая майка была намного приличнее старой, но такой же неброской, и это удовлетворило его.

Неожиданно зазвонил телефон, но он не стал снимать трубку, не желая ввязываться в ненужные разговоры и дела, и поспешил покинуть квартиру.

Несмотря на нездоровую желтизну воздуха и пониженное содержание кислорода в нем, людей на улице было много, и все куда-то спешили. И даже были среди них, если судить по лицам, люди счастливые, которые улыбались и чему-то радовались. «Живуч народец!» — подумал «охотник», вспомнив свой разговор с водителем «волги».

«Охотник» сходил на почту, проверил, нет ли ему писем «до востребования» из дома. Таковых не оказалось. Он прошелся по улице, заглянул в несколько магазинов в поисках подходящего чемодана или дорожной сумки — в скором времени он собирался покинуть Москву и отправиться в путешествие. В одном из них он обнаружил подходящий, среднего размера портплед зеленого цвета, обшитый настоящей кожей, показавшийся ему крайне удобным, и взял его на заметку. Завтра-послезавтра надо будет зайти сюда и приобрести находку. «Охотник» даже заглянул в зеркало и посмотрел, как он смотрится с данным портпледом в руках. Покинув магазин, он некоторое время бесцельно шел по улице, потом взглянул на часы и решил, что пора ехать к месту работы Брянцева. Он поймал машину и, несмотря на пробки, через сорок минут был там, где оставил свой «опель».

Убедившись, что за время его отсутствия с машиной ничего не случилось и, самое главное, кожаная папка на молнии, где хранилось оружие, находится на своем месте под сиденьем, «охотник» отправился в клинику и справился в регистратуре, работает ли сегодня доктор Брянцев. «Да, работает, — ответили ему. — И сейчас на месте». Удовлетворенный ответом, «охотник» покинул здание и занял свое место в машине, откуда удобно было наблюдать за входом, намереваясь теперь уже сидеть до победного. Опять ему на глаза попались «Бесы», валявшиеся сзади. Он хотел было полистать книж-

ку, почитать в ней на выбор отдельные куски, чтобы понять, что же это такое, но решил, что сейчас не время.

«Охотник» просидел в машине около двух часов, упорно глядя на входную дверь. Давно закончился рабочий день. Люди, находившиеся в здании, постепенно покидали его. Выходили по двое, по трое, поодиночке. Прощались у двери, расходились в разные стороны. А Брянцева все не было. «Чего он там застрял? — подумал с неудовольствием «охотник». — Может быть, он и его сослуживцы затеяли пирушку по какому-либо поводу и распивают сейчас водку? Тоже нашли время. Вокруг леса горят, а они...» Прошло еще с полчаса, и «охотнику» стало ясно, что ждать дольше не имеет смысла. Ему вдруг на память пришла нелепая фигура оборванца, возникшая невесть откуда и помешавшая убить Брянцева в тот день, когда он сидел в засаде на чердаке. Не появившись тогда этот урод и не перекрой он стоматолога, дело было бы сделано. Надо было прострелить этому вонючке башку. Все равно от таких пользы никакой, только гадят в подъездах!..

«Охотник» вылез из машины, прошел в здание. Там еще кое-где в двух-трех кабинетах горел свет, и были люди, но коридор был практически пуст, лишь трудилась, протирая пол, уборщица, крепкая круглолицая бабенка лет пятидесяти. «Ты куда?» — остановила она «охотника». «Мне нужен доктор Брянцев», — ответил тот. «Брянцев? — задумалась уборщица. — Так он давно ушел», — вспомнила она. «Как — ушел? — оторопел «охотник». — Я жду его на входе и не видел, чтобы он вышел... — принялся объяснять он, хотя понимал, что совершает непростительную глупость, проявляя интерес к Брянцеву и засвечивая себя. — Через эту дверь он точно не выходил». Уборщица отложила щетку, дернулась в кабинет, где принимал Брянцев, дверь была заперта. «Значит, он ушел через другую дверь, — сказала она. — Вон там выход, который ведет во двор, а через двор — ближе к метро. Некоторые наши там ходят...»

«Охотник» потемнел лицом от обуявшей его ярости. Оказывается, в здании имеется еще один выход, ведущий во двор, о чем он не знал. Это была непростительная промашка. Но больше бесило другое: дело не стоит выеденного яйца, а он второй раз не может довести его до конца. «Может, он все-таки здесь и где-нибудь выпивает в компании сослуживцев? — спросил «охотник» на всякий случай, сияясь улыбнуться. — День рождения, к примеру, или что еще...» Уборщица окинула взглядом коридор и сказала, поправив прядь волос, сбившуюся на лицо: «Видишь — тишина... А пьющих мужиков за версту слышно».

12

Примерно в эти дни Брянцев, мучаясь от безделья, позвонил Елене.

— О, хорошо, что ты позвонил, — сказала та, сразу узнав его по голосу.

— Ты думала обо мне? — самодовольно поинтересовался Брянцев.

— Но не так, как ты предполагаешь. Я решила тебе помочь найти того, кто в тебя стрелял.

— Серьезно?

— Вполне.

Настрой Елены, ее уверенность в собственных силах развеселили Брянцева, и он готов был посмеяться над ней, но сдержался, не желая обижать девушку. И только сказал:

— Ты же не криминалист и не следственный работник. У тебя нет навыков в подобных делах.

— Навыков нет, но хочу попробовать.

За окном висела молочно-желтая пелена, которая, казалось, усугубляла духоту, делая ее нестерпимее. Не

помогало даже открытое настежь окно на шестом этаже. Воздух стоял. Птицы как будто исчезли из городской жизни, словно их и не было вовсе. Брянцеву подумалось, что пройдет еще немного (а метеопрогноз не обещал ничего утешительного: жара останется такой же, да и торфяники в подмосковных лесах будут гореть по-прежнему) и вымрут все городские кошки и собаки, хотя они твари живучие. А за ними — настанет очередь человека... И он почему-то представил говорящую с ним по телефону Елену в противогазе. В противогазе, способном на некоторое время защитить человеческие легкие от гари. Представил ее лукавые глаза, видимые через стекла в резиновой маске. И почувствовал некоторое возбуждение и грусть одновременно, оттого что когда-нибудь это прелестное создание превратится в старуху и умрет.

— Я тронут, — сказал он девушке. — Чувствую, тебе не дают покоя лавры героини Агаты Кристи... Миссис Марпл, так, кажется, ее зовут? Это все выдумки, уверяю тебя. Женщина не способна на серьезную аналитическую работу. Кроме того, я — объект злоумышленника — неоднократно анализировал многие обстоятельства своей жизни, способные возбудить чью-либо ненависть, изъездил свою жизнь в мыслях, можно сказать, и вдоль и поперек, но так и не смог найти концы...

— А вдруг я буду удачливее? — спросила Елена. — Не спеши отказываться. Пожалеешь! Другие в твоем положении специально приглашают специалистов, и это стоит немалых денег. А я готова трудиться бесплатно... Ну, чего ты молчишь?

Желание девушки взяться за решение столь трудной задачи подкупало. Кроме того, и в этом Брянцев не мог себе не признаться, Елена нравилась ему. Брянцеву хотелось с нею видаться, и в расчете на это он и позвонил. А ее неожиданное желание помочь ему — это был хороший повод для общения. Встреча с Еленой серьезным образом повлияла на его умонастроение, заставив

Брянцева устыдиться своего униженного положения, вызванного боязнью нового покушения.

— Ну, хорошо, — согласился он и спросил в свою очередь: — А ты не боишься, что и тебе достанется заодно?

— Не боюсь.

— Ну что же, твоя решительность впечатляет...

— Давай встретимся и все обсудим, — предложила Елена. — Разговор предстоит долгий, может, на час или на два... Я все должна знать о тебе или почти все...

— Я готов, — оживился Брянцев, окидывая взглядом с худолеевского дивана, на котором он в эту минуту лежал, жилье приятеля, и думая, где лучше накрыть стол, когда Елена придет в гости: на кухне или в комнате. А заодно прикинул, что у него имеется из еды и напитков и не надо ли сходить в магазин.

— Только без глупостей, — сказала Елена, словно увидела, как у ее собеседника загорелись глаза в ожидании предстоящей встречи.

— Ты о чем? Перестань! Я цивилизованная личность, а не насильник. Спроси у своей сестры. Наоборот, я бы ваю излишне сдержан... — И Брянцев чуть не рассмеялся, до того смешной ему показалась последняя фраза.

— Тогда увидимся завтра, — сказала Елена.

— Как — завтра? — расстроился Брянцев.

— Сегодня, извини, у меня вечер занят... Завтра, если не возражаешь.

И Брянцев был вынужден подчиниться.

13

Елена не лукавила. Вечер у нее действительно был занят. Но время ей предстояло провести не в компании с молодым любовником, как подумалось Брянцеву, а совсем наоборот. Вместе с институтской подругой, Та-

марой Скворцовой, Елена отправилась в один из московских театров (а театры, несмотря на гарь с подмосковных торфяников, работали каждый вечер, вселяя надежду на лучшее будущее) на скандально известную постановку «Трех сестер» Чехова. Следует сказать, что весь первый акт девушки, неплохо знавшие пьесу и даже любившие ее, пребывали в состоянии легкого шока оттого, что увидели на сцене. Поведение и внешний облик персонажей, пытавшихся, по мысли автора, вырваться из оков унылой, провинциальной бездуховной жизни начала двадцатого века, носили вызывающий характер. Вершинин, длинноволосый, небритый, с помятым от пьянства лицом и плохо промытыми волосами, ходил по сцене в белых лосинах времен войны с Наполеоном, но китель у него при этом был почему-то советского образца, на котором красовались два ордена Красной Звезды. Причем если Вершинин был «батареинным командиром», то погоны его свидетельствовали о принадлежности к танковым войскам, которых во времена действия пьесы еще не было и в помине. Что по замыслу постановщика это означало — было неясно. Кроме того, Вершинин пару раз сделал стойку на руках, опираясь на «спортивного коня», который непонятным образом оказался в гостиной дома Прозоровых. Во время диалога он садился на него неоднократно и сидел на нем, свесив длинные ноги в нечищенных сапогах. В свободное от «коня» время Вершинин расхаживал по гостиной и постоянно что-либо обнюхивал: то ли недопитую водку в рюмке, то ли засохшие цветы в вазе, то ли штору на окне, посеревшую от пыли. Ольга весь первый акт ходила в рабочей телогрейке, подпоясанной пеньковой веревкой. Ирина щеголяла в темно-синем трико, как цирковая гимнастка. Один раз в руках у нее даже оказалась булава. Но потом бесследно куда-то исчезла. Маша куталась в меховое манто и не расставалась с теннисной ракеткой, сквозь которую, как через увеличительное стекло, смотрела на

своих партнеров. Причем все находившиеся на сцене персонажи друг друга не слушали, каждый нес свое, словно оказался в компании с людьми, говорящими на другом — непонятном — языке. Сидевший рядом с Еленой представительный мужчина лет пятидесяти, с гладкой лысиной и в очках, по виду театральный критик или что-то вроде того, часто прыскал от смеха, а иногда и просто смеялся в голос, наслаждаясь новаторской глупостью режиссера и удивляя своей реакцией сидящих поблизости. Эта глупость его забавляла, как забавляет ребенка поведение неразумной собаки, гонящейся за своим хвостом. Один раз он чуть не съехал со стула от восторга, когда Соленый, в гриме и френче Сталина, стал прибивать к стене молотком книгу Пастернака «Доктор Живаго». «Ну, чушь! — простонал он сквозь смех. — Редкостная!» И, взглянув на Елену, извинительно приложил руку к груди за то, что ненароком коснулся ее руки. Поведение соседа несколько развеселило Елену, озадаченно наблюдавшую за перипетиями спектакля. «Значит, не только мне происходящее кажется странным», — подумала она и улыбнулась.

В антракте, придя в буфет выпить соку, оглядывая публику, толпившуюся там и шелестевшую наподобие утомленного к вечеру морского прибойя, Елена и Тамара долго решали, как им быть: остаться до конца спектакля или уйти. Но тут к ним подошел бритоголовый молодой мужчина в мятом светлом пиджаке, оказавшийся знакомым Тамары. Елена заметила, как глаза ее подруги, до этого лениво скользившие по сторонам, тут же заблестели. Тамара представила бритоголового знакомца и Елену друг другу. Завязалась беседа. И по тому, насколько изменилась Тамара, будто очнувшаяся ото сна, Елена поняла, что та теперь просидит до конца спектакля. «Как тебе?» — спросила Тамара, интересуясь мнением бритоголового знакомца относительно увиденного. Тот неопределенно хмыкнул, предпочитая не давать

оценку, и только заметил: «Самое любопытное впереди». Надо сказать, Елена не любила, когда мужчины брили головы. Это лишало их индивидуального своеобразия. В ее представлении все бритоголовые походили друг на друга, словно куриные яйца в коробке. Поэтому поначалу она вежливо отмалчивалась, предпочитая не вступать в разговор подруги и ее знакомого. Но когда бритоголовый обратил на нее свой взор и что-то сказал при этом, Елена заметила, что у того внимательные, умные глаза. Он не был похож ни на «братка», ни на придурковатого исполнителя попсы, которые обычно бреют головы. «А вы уже видели это зрелище? Если говорите, что самое любопытное впереди», — спросила она. «Довелось», — ответил знакомый Тамары. «И что же там такое?» — полюбопытствовала Тамара. «Сами увидите. Не хочу портить вам удовольствие...» Прозвенел звонок. «Я надеюсь, ты не бросишь нас после спектакля?» — сказала Тамара. «Я подожду вас на улице у входа», — пообещал бритоголовый.

Погас свет. Последовало продолжение спектакля. Кресло рядом с Еленой, в котором размещался веселый «критик», оказалось пустым — видимо, тому вполне хватило впечатлений, и он решил досрочно уйти. Не станем описывать всего того, что обрушила на головы зрителя неумемная фантазия режиссера. Расскажем лишь о том, что повергло в изумление подруг, которые не раз озадаченно переглядывались друг с другом. Когда по ходу действия Ирина отвергла любовь Соленого, тот, оказавшись к этому моменту в длинном махровом банном халате, вышел на авансцену, распахнул полы халата, и зрительный зал, отозвавшийся протяжным удивленным вздохом, увидел на теле Соленого белые трусы и пришитые поверх них бутафорские гениталии. Но этим дело не кончилось. Страдающий Соленый в порыве чувства выхватил из кармана садовый нож и отсек под самый корень искусственный фаллос. После чего удалился под печальные звуки вальса «На

сопках Маньчжурии» и выкрики истеричных девиц из зала: «Браво!» Но данный эпизод, следует сказать, не явился вершиной режиссерской фантазии. Вершиной оказалось другое. Ушедший на дуэль Тузенбах после рокового выстрела, прозвучавшего за кулисами, и потрясения, испытанного Ириной, вдруг вылетел из-за фанерных деревьев сада, громоздившихся в глубине сцены, и пролетел на тросе в позе дельтапланериста над зрительным залом, направляясь по замыслу постановщика то ли в рай, то ли в светлое будущее. «Вот оно — то самое!» — взглянула Тамара победно на Елену, памятуя сказанное ее бритоголовым приятелем. Уже завершив круг над залом и направляясь обратно в сторону сцены, Тузенбах — то ли сам не удержался, то ли лопнул несущий его трос — полетел вниз и рухнул на головы сидящих в партере людей. «Слушайте, мы так не договаривались! — выкрикнул чей-то рассерженный голос. — Зачем же на голову — в ботинках!» — «Браво!» — вновь закричали какие-то истеричные девицы, хотя двое мужчин и с ними быстро очухавшийся Тузенбах тащили по проходу к выходу пострадавшую при падении полную женщину, бывшую без чувств. «Гениально!» — всхлипнул кто-то у Елены за спиной. И на сцену через ее голову из темноты зала полетел букет красных гвоздик, после чего все участники спектакля, пребывавшие в шоке, вызванном падением летающего Тузенбаха, пришли в себя и заулыбались. А актриса, играющая Ольгу, даже облегченно перекрестилась.

Когда подруги шли к выходу через оживленно бурлящее фойе, где покидавшие зал люди обменивались впечатлениями от увиденного, Тамара сказала, имея в виду своего бритоголового знакомого: «Надеюсь, ты понимаешь, что он мне нравится, и не будешь мешать...» — «Бог с тобой, милая! — удивилась Елена. — С чего ты взяла?» Тамара замедлила шаг. «Он глядел на тебя с явным интересом...» — пояснила она. «Дыши глубже,

Томка, — успокоила ее Елена. — Я не люблю мужчин, бреющих головы... Хотя этот, судя по всему, не так уж глуп. Но все равно».

На улице дышалось легче, чем внутри театра, и Елене поначалу показалось, что стало немного прохладнее. Но уже вскоре она поняла, что это не так. На улице было так же душно, как и в помещении. Но когда сели к приятелю Тамары в машину и он включил кондиционер, Елена с облегчением перевела дух.

По предложению Тамары первым делом решили отвезти домой Елену. О спектакле говорили мало, хотя девушек переполняли впечатления. Мысли Тамары были заняты бритоголовым и тем, как сегодня все так устроить, чтобы провести с ним остаток вечера. Елене увиденное было не по душе, она не принимала таких вольностей в обращении с Чеховым, но говорить об этом не спешила: а вдруг она чего-то недопонимает и сегодняшней спектакль — явление высокого искусства; хотя что-то внутри подсказывало ей, что это не так. Бритоголовый тоже был немногословен, хотя, если судить по его отдельным репликам, отнесся к постановке сочувственно, видя в ней необходимый для искусства поиск, без которого немислим сегодняшний театр.

Тамара, сидевшая на переднем сиденье рядом с ним, стала что-то шептать ему и ластиться, наподобие кошки. На светофоре, пережидая красный свет, они неожиданно впились друг в друга губами и стали целоваться, не смущаясь сидящей сзади Елены. Они так увлеклись, что пропустили, когда загорелся зеленый свет. «Зеленый», — напомнила им Елена. «Да, да!» — спохватился приятель Тамары и, включив скорость, поехал дальше.

Но уже метров через пятьдесят, увлекаемый Тамарой, которая все никак не могла успокоиться и тянулась к нему губами, подрулил к тротуару и стал там. И опять они слились в долгом поцелуе. Но теперь приятель Тамары мог еще работать и руками, которым не надо было держать руль. Елена отвернулась к стеклу и стала

смотреть на улицу. Время шло, а сидевшие спереди все никак не могли насытиться и расцепить объятия. Елена подумала: не будь ее в машине, возбужденная парочка, несомненно, перебралась бы на заднее сиденье и, не откладывая в долгий ящик, занялась бы любовью. Елена чувствовала себя крайне неудобно, видя, что мешает страждущим насладиться друг другом. Кроме того, она была живым человеком, и страстные поцелуи впереди, некоторым образом, возбуждали и ее. «Надо уйти, — подумала она. — Поймаю такси и прекрасно доеду сама». Но мысль об уличной духоте мешала совершить необходимое усилие и покинуть машину. Здесь было прохладно, работал кондиционер, освежая лицо и тело, и очень не хотелось вылезать наружу и погружаться в душный липкий воздух. И она продолжала сидеть, заставляя себя глядеть в окно. Неожиданно мысль ее вернулась к сегодняшнему спектаклю, и она почему-то вспомнила о бутафорских гениталиях Соленого, которые тот отхватил ножом, и чуть не рассмеялась в голос. Странное дело, подумала она при этом, причиндалы Соленого были сделаны из ваты и тряпок, но, когда он их отрезал, возникло ощущение ужаса, словно он проделал это с настоящим членом... «Я выйду!» — не выдержала Елена. «Сиди, — отозвался приятель Тамары, — мы тебя довезем...» И вновь впился в Тамару губами, и по тому, как та томно застонала, Елена поняла, что его рука оказалась у Тамары под юбкой. «Нет, это уже слишком, — подумала Елена. — Зачем им свидетель на заднем сиденье? Все-таки лучше оставить их одних...» Но она не двинулась с места и вновь отвернулась к окну. Стараясь не вслушиваться в звуки, доносившиеся с передних кресел, прикрыла левой ладонью лицо, левую часть его вместе с глазом, не думая о том, чем ей это может грозить... Елена почувствовала, что у нее закладывает уши, как в самолете при наборе высоты. Через мгновение она уже была, сама того не желая, в другом времени.

В том времени, где она оказалась, была весна, был май месяц, цвела сирень во дворах, и ветви ее, сгибающиеся под тяжестью бело-розовых соцветий, лезли из-за заборов на улицу, распространяя пьянящий аромат, и было достаточно небольшого ветерка, чтобы весь город благоухал, словно единый цветущий сад; все другие запахи, имевшие место в обычное время, запах лошадиного навоза, размятого на булыжнике, и запах дегтя в местах стоянки извозчиков, прокуренно-кислая вонь, несущаяся из трактиров, запахи помоек и сливных мест, куда хозяйки сливают грязную воду после стирки белья, — все это, казалось, исчезло, поглощенное первозданно-чистым ароматом цветущей сирени, от которого кружилась голова, хотелось любить, радоваться и быть лучше.

Птицы, порхающие в изумрудной зелени ветвей, распевали на все лады, особенно старались скворцы, в щебетании которых наряду с собственными нотами проскальзывали и чужие, свидетельствуя о веселом желании последних подражать пению других пернатых.

Дворовые собаки повылезали из своих конур и закутков, грелись на солнце, валяясь в опасной близости у проезжих дорог, и тоже, казалось, радовались весеннему дню, улавливая ноздрями запах цветущей сирени, хоть он и был далек от более приятных собачьей душе запахов съестного.

Елена ощутила себя и всю прелесть текущего весеннего дня в тот самый момент, когда в обществе подруги, милой, улыбчивой девушки с розовым румянцем на щеках и ямочкой на подбородке, одетой хорошо и по моде, выходила из магазина дамских шляпок на Кузнецком мосту. Руки ее были заняты покупками. В одной она держала большую круглую коробку, перевязанную ленточкой, где покоилась новая шляпка, которую она приобрела по совету Поли — так звали подругу. Поля даже добавила ей денег на покупку шляпки, которых после

сегодняшних трат — а Елена купила туфли с нашивными украшениями на низком и широком каблуке, шпильки, гребень, душистое французское мыло и новый роман Льва Толстого «Воскресение» — оказалось недостаточно.

Спустившись немного по Кузнецкому, девушки уселись в экипаж с открывающимся верхом, который ожидал их, и отправились домой.

Они беззаботно болтали, радуясь майскому дню, удачным покупкам, собственной молодости, с точки зрения которой самым чудесным в жизни были лишь любовные романы. Старики, пережившие пору высоких чувств и лишенные в силу возраста любовных стремлений, казались им жалкими, ничемными существами, способными лишь есть, спать и говорить о своих болезнях. Они только засоряли окружающий пейзаж. Имели право жить молодые, цветущие люди, желающие любить и готовые во имя этого на безрассудные поступки. Поля, понизив голос, чтобы не слышал извозчик, и при этом захлебываясь от восторга, отчего у нее округлялись маслянистые карие глаза и голос звучал громче, чем того хотелось, рассказывала Елене о том, как продвигаются ее отношения с артиллерийским поручиком Верейским, высоким, статным, темноусым красавцем; какие он говорит ей слова, когда они бывают наедине, какие дарит коробки шоколадных конфет, и что они уже целовались (ах, как это мучительно хорошо!), но что касается остального, то — ни-ни! Когда обсудили отношения Поли и Верейского, решив, чего следует позволять красавцу артиллеристу, а чего нет, Елена поведала о своем романе с доктором Ланге, который вот уже третий месяц занимал ее воображение, заставляя не спать по ночам. Доктор, конечно, был значительно старше, но от него исходили мужская сила и надежность. Он был хорош собой. Кроме того, и Елена видела это, он был влюблен в нее, как мальчишка, заявляя неоднократно, что никогда не испытывал ничего подобного...

Следует сказать, оказываясь в других реалиях, Елена как бы забывала о той жизни, откуда она явилась, забывала о тех многочисленных связях и людях, которыми была окружена столетие спустя, все это как бы уходило в глубины сознания; твердо помнилось одно: есть некая иная временная ниша, в которой она всегда может укрыться.

Проехали до конца Петровки. Здесь у Каретного ряда возле своего дома Поля вышла, предварительно обменявшись с подружкой поцелуями, пожав ее тонкую руку в перчатке и коснувшись Елениной щеки, с чувством радости отметив, как та прелестно пахнет и как замечательно, что у нее такая милая, привлекательная подруга, а тут еще пьянящий запах цветущей сирени, в котором, как в облаке, купался город, и Поля почувствовала себя безмерно счастливой.

Извозчик развернул лошадь, вернулся обратно к бульвару и поехал в сторону Страстной площади.

Проехали мимо кофейни, у входа в которую толпилось несколько молодых офицеров драгунского полка в темно-зеленых двубортных мундирах на пуговицах, в фуражках с белой суконной тульей и черным лакированным козырьком. Увидев Елену в экипаже с блуждающей улыбкой на лице, покрасневшую от воздуха, которая в эту минуту была необыкновенно хороша, все офицеры, за исключением одного, нахмуренного, светлобородого, со шрамом над левой бровью, подтянулись и дружно отдали девушке честь, словно мимо проследовала особа, представляющая императорскую семью. Один из них, испустив романтический вздох, сказал что-то по-французски, но Елена, знавшая язык, не разобрала слов. Его товарищи рассмеялись. Глаза их горели, им был в радость этот весенний день, они были полны надежд, молодого задора (даже тот, хмурый), все верили в свою счастливую звезду, не догадываясь о тех испытаниях, которые в скором времени им предстоят, когда придет пора и случится Русско-японская война и по-

следующие за нею война с Германией, а затем и Октябрьский переворот. Кто-то из них будет убит, кто-то лишится ноги или глаза, кто-то, отторгнутый новой властью, окажется в эмиграции, навсегда лишившись возможности дышать московским воздухом в пору цветения сирени, чья-то жизнь будет оборвана в междоусобной борьбе комиссарской пулей, но те, кто выживут, выйдут из этих испытаний уже другими и никогда не смогут столь беззаботно смеяться, как сегодня. Значит, пока не пришло время испытаний, веселитесь, шутите, радуйтесь жизни, господа офицеры, получайте удовольствие от приятных мелочей, любуйтесь прелестной девушкой, проехавшей мимо вас в экипаже.

На Страстной, где скопилось немало гуляющей публики, экипажей и повозок, где шум голосов и крики детей смешивались с веселым цоканьем лошадиных копыт о булыжную мостовую, воркованием резвых по-весеннему голубей и колокольным звоном, плившим над площадью с колокольни местного храма, Елена увидела на встречном движении коляску, запряженную тройкой лошадей, в которой ехал крупный полицейский чин. Это был мужчина средних лет, с длинными черными усами, которые лежали у него на груди, одетый в форменный китель и фуражку с кокардой. Живые глаза его смотрели из-под козырька фуражки на гуляющий народ с печальной веселостью, словно ему было известно нечто такое, о чем гуляющая публика не имела понятия. Рядом с ним сидела полногрудая дама лет тридцати пяти, его супруга, в костюме для прогулок, в шляпе с перьями и вуалью, опущенной на лицо, с английской тростью в руке. Елена успела увидеть лишь ее полный подбородок и волевой рот, видневшиеся из-под вуали.

Когда коляска проехала мимо и стук копыт зазвучал у Елены за спиной, удаляясь, вдруг случилось какое-то волнение, и она услышала, как сзади прогремели один за другим два выстрела. Вслед за этим заржала испуганная лошадь, ахнула толпа, послышались беспорядочные

истеричные крики. Извозчик, везший Елену, жилистый мужичок с прищуренными хитрыми глазками, счел за благо не останавливаться и подстегнул лошадь. Елена посмотрела назад — верх ее экипажа был опущен, и ничто не мешало обзору. Она увидела, как полицмейстер, теперь уже без фуражки, которая, вероятно, слетела, сбитая пулей, поникнув головой, валился на бок на руки сидевшей рядом дамы. Лицо последней, закрытое вуалью, повернутое к пострадавшему и хорошо видимое Еленой в профиль, придавало происходящему некоторую театральность, словно перед вами разыгрывали пьесу. Ей бы откинуть вуаль, но мысль об этом не приходила даме в голову. Елене не была видна кровь, текшая из головы раненого, — слишком велико было расстояние, и оно увеличивалось — но она вдруг отчетливо представила себе, как кровь заливают перчатки и кремовый наряд дамы, пытающейся удержать тяжелое тело и не дать ему упасть на дно коляски... Потом Елена увидела того, кто стрелял в полицмейстера. Это был бледный молодой человек в студенческой тужурке без головного убора. Он бежал с пистолетом в руке, и толпа подалась испуганно назад, открывая ему пространство для бега. Появившийся на месте происшествия городской выстрелил ему вслед. Елена увидела, что террорист гонится за ее коляской, намереваясь нагнать ее и вскочить на ходу, — только так он мог скрыться с места преступления. Испытывая ужас от произошедшего, Елена хотела оттолкнуть террориста, запрыгнувшего на подножку коляски, и тогда бы тот непременно полетел спиной на булыжник мостовой и неминуемо покалечился, но не смогла этого сделать. В отличие от того, кто несколькими минутами ранее стрелял в человека, не страшась совершать насилие, она не могла поступить подобным образом. Запрыгнувший в коляску судорожно хватал воздухом, двигая пересохшими губами. Чтобы извозчик не остановил лошадь, ткнул ему в поясницу дуло пистолета и хрипло крикнул: «Остановишься — выстрелю!» Елена

увидела, что левый локоть тужурки на молодом человеке намочен от крови. Видимо, стрелявший в него городской пошел к нему в руку. «Извините, барышня!» — сказал террорист и опустился на сиденье, сдвинув в сторону коробки и свертки, стараясь держаться от Елены на расстоянии. Здесь Елена смогла его рассмотреть. Террорист был очень молод, совсем мальчик. Ему было лет семнадцать, не более того. Худой, узкоплечий, с воспаленным взглядом, с трясущимися руками и шмыгающим носом, он походил на гимназиста, уличенного в дурном поступке. «Зачем он это сделал? — подумала Елена. — Чего добиваются он и подобные ему? Хотят изменить существующее положение вещей? Но это глупо. Против них жандармы, власть, общество...» И ей стало жалко этого мальчишку. «Вам надо к доктору, — сказала она. — Вы ранены...» Террорист промолчал. Только бросил напряженный взгляд на окровавленный локоть. Он старался сдержать дрожь в руках и теле, но у него не получалось — пальцы все прыгали и прыгали и плечи тряслись.

Извозчик тем временем погонял лошадь. Резво доехали до Большой Никитской, пересекли ее, свернули к Мерзляковскому переулку. У Мерзляковского извозчик придержал лошадь.

— Приехали, барышня, — сказал он, — как был уговор...

Террорист растерянно огляделся, не зная, как ему теперь быть. Судя по всему, его боевой кураж иссяк — видимо, непросто стрелять в людей — да и ранение серьезно пугало юношу.

Елена размышляла несколько мгновений: уйти ли, оставив несчастного на произвол судьбы, или помочь ему. Нет, бросить этого заблудшего мальчишку в таком состоянии она не могла. И Елена решила отвезти его к Ланге. «Он хоть и не хирург, — подумала она, — но рану обработает наилучшим образом...»

— Поехали на Пречистенку! — приказала она извозчику.

— На Пречистенку? Эва куда! Далековато... — отозвался тот и покосился на «студента». — Я не нанимался разбойников возить... Да и лошадь кормить пора...

— Поехали, поехали! — Голос Елены обрел необходимую твердость.

Террорист посмотрел на нее с благодарностью.

15

До Пречистенки ехали не менее получаса. Террорист по мере движения вперед становился все бледнее, несмотря на то, что Елена удачно перевязала ему платком руку. Вскоре лицо его, совсем бескровное, стало походить на гипсовую маску, особенно когда он, страдая от боли, прикрывал глаза. Пистолет еще ранее, у Большой Никитской, он сунул за пояс брюк под тужурку, чтобы не привлекать к себе внимание прохожих.

Елена остановила извозчика на некотором расстоянии от дома Ланге. Остальной путь она решила проделать пешком. Таким образом, она хотела обезопасить себя, на случай если извозчик надумает сообщить о ней и ее спутнике первому же городовому, которого встретит, и назовет номер дома, у которого они сошли. Но тот был далек от подобной мысли. Получив в уплату двугривенный сверху, он весело стеганул лошадь и, развернув коляску, поехал к ближайшему трактиру, который приметил по дороге...

Освободив руки от покупок и оставив своего спутника под присмотром горничной в передней, Елена поспешила к Ланге в кабинет, куда ей дозволено было приходить запросто.

Увидев ее в дверях, Николай Павлович удивленно поднял брови:

— Елена? Я тебя не ждал... Но рад, очень рад!

И, взяв ее руки в свои, поцеловал каждую. Елена почувствовала шелковистую мягкость его бородки.

— Что тебя привело ко мне? Как Маргарита Сергеевна? — имелась в виду мать Елены, страдавшая от простуды всю неделю.

— В передней стоит человек... Он ранен и нуждается в помощи...

И Елена рассказала Ланге о том, что случилось нынче на Страстной, и о своей поездке с террористом в одном экипаже.

— Зачем ты привела его сюда? Эти люди — преступники! — воскликнул Ланге. Доктор, в отличие от немало-го числа знакомых Елены, симпатизировавших террористам и видевших в их деятельности желание изменить несправедливый порядок вещей, относился к ним крайне неодобрительно, более того, считал их заурядными душегубами и нехристями, какими бы высокими идеями они ни прикрывались.

— Они борются с бедностью и бесправием... Народ нищ! — попыталась возражать ему Елена.

— Господи, ты начиталась сомнительных брошюр! Пребывают в нищете те, кто не желает трудиться!

— Николай Павлович! Вы должны ему помочь, — горячо продолжала Елена, обращаясь к доктору на «вы». — Он еще совсем мальчик... Может, это временное помутнение разума — желание убивать во имя справедливости... Я тоже не одобряю его поступок, но сейчас он страдает от раны, ему нужна помощь.

Ланге хмуро глядел на Елену.

— Если бы ты только знала, как я люблю тебя, — вдруг сказал он с чувством. — Другую выставил бы сразу, явись она с подобной просьбой.

Он порывисто обнял ее и впился губами в губы Елены. И ощутил их сладостно-медовый вкус. Ни у одной другой женщины, с которыми Ланге был близок, не было таких сладких губ, такого чистого дыхания. И когда он касался губ Елены, у него начинало учащенно биться сердце,

словно у гимназиста, впервые обнявшего женщину. Поцелуй мог длиться долго, но Елена отстранилась. Всякий раз, когда Ланге держал ее в объятиях, у нее голова шла кругом и подкашивались ноги, но сейчас в передней находился человек, нуждавшийся в помощи, и она не могла позволить чувствам взять над собою верх. Она отстранилась от доктора и сцепила на груди руки замком, чтобы у того была помеха, надумай он вновь обнять ее.

Ланге некоторое время загадочно молчал.

— Ну ладно, — сказал он, наконец, — приведи его...

Елена вышла из кабинета. Стремительно прошла по коридору в переднюю.

Она застала террориста сидящим на стуле, на который ему позволила сесть горничная. Серое лицо его с заострившимся носом выражало покорность судьбе. Явись сейчас в квартиру городской с намерением забрать его в участок, он не оказал бы сопротивления и послушно последовал бы за ним. Лиза, горничная, оставшаяся приглядывать за раненым, стояла напротив, и лицо ее выражало смятение. Но не рана гостя явилась тому причиной. Левый рукав тужурки юноши намок от крови, и кровь с него стала капать на пол. Обнаружив это, Лиза успела подложить под ноги гостя половую тряпку, но все же несколько крупных капель попало на ковер, покрывавший пол в передней, и это немало огорчало ее.

— Доктор ждет, — сказала Елена террористу. — Кстати, как ваше имя?

— Родион, — ответил тот после некоторой запинки.

Елена поняла, что террорист говорит неправду. «Мнит себя Раскольниковым, взявшимся вершить суд», — подумала она с неприязнью.

Лиза порылась в кармане передника, извлекла оттуда старую салфетку, которую использовала для протирки мебели от пыли.

— Господин студент, — сказала она, протягивая салфетку террористу, — прижмите к ране, чтоб не запачкать в коридоре пол...

Ланге, облаченный поверх жилета и брюк в клеенчатый фартук, который он надевал, когда предстояла грязная работа, прежде чем осмотреть рану, внимательно оглядел террориста. И был немало удивлен, увидев перед собой вместо крепкого человека мещанского происхождения, с горящим взором фанатика, с сильными руками, способными разом переломить оглоблю, тщедушного, недокормленного мальчишку. Не верилось, что этот «мозгляк», страдающий от недоедания, отважился взять пистолет в руки и стрелял в полицеймейстера при большом скоплении народа. Это походило на сомнительную шутку. Но то, что это не шутка, Ланге убедился, когда террорист снял по его просьбе тужурку и под нею обнаружился пистолет с длинной рукоятью, засткнутый за пояс брюк.

Доктор брезгливо поморщился.

— Бросьте эту штуку на пол, — сказал он, — здесь она вам не понадобится....

Террорист послушно положил пистолет на пол.

Ланге попросил его снять ветхую от долгой носки рубашку, и, когда тот оголился, комнату заполнил крепкий запах немытого тела.

— Вы бы, сударь, помылись сперва, — вновь брезгливо поморщился доктор, — прежде чем на улицу с оружием выходить...

В обессиленном террористе на короткое мгновение вспыхнула злость, что свидетельствовало о том, что парень хотя и слаб телом, но крепок духом, и он, глядя на Ланге снизу вверх, огрызнулся, как злобный зверек:

— У меня апартаментов, подобных вашим, не имеется... И мраморной ванной тоже нет...

— В Москве свыше ста бань, и помыться там можно за копейку, — оборвал Ланге. — Было бы желание...

Он усадил террориста на табурет, на который обычно сажал больных, и, отерев тампоном сочащуюся кровью рану, принялся осматривать ее. Пуля попала в мышечную ткань чуть выше локтя. Доктор обнаружил

входное отверстие, но не обнаружил выходного. Следовательно, пуля осталась внутри. Ланге начал прощупывать кожу, пытаясь определить, где находится пуля, и, когда нащупал ее, раненый взвыл от боли в полный голос. Ланге перестал давить на болевую точку.

— Больно? — поинтересовался он. Ему казалось, что неприятный запах, исходящий от немытого тела террориста, стал еще сильнее.

— Больно, — отозвался террорист.

— А каково, сударь, тем, в кого вы стреляете?

Террорист промолчал.

— Попробуем удалить, — после минутного размышления сказал Ланге.

Елена стояла поодаль, также мучаясь от запаха, готовая оказать доктору посильную помощь, если требуется.

Ланге подошел к двери, дернул за длинный шелковый шнурок колокольчика.

На звонок явилась Лиза. Она все еще пребывала в расстроенных чувствах от порчи ковра.

— Лиза, принесите водки, — велел ей Ланге.

Горничная оглядела всех троих.

— И закусить? — спросила она.

— Только водки! — строго произнес доктор.

Когда Лиза принесла поднос, на котором стояли графин с водкой и стограммовый стеклянный стаканчик, и поставила на рабочий стол доктора, Ланге налил водки в стаканчик и велел террористу выпить.

Тот отказался:

— Я не пью. Водка — это средство для одурманивания народа...

— Пейте! — приказал Ланге.

Террорист покачал головой.

— Вам же хуже... — проговорил доктор отчужденно — не вести же с этим нехристом дискуссию о полезности водки в качестве наркоза. И прошел за ширму к мраморному с зеркалом умывальнику мыть руки. — Елена, —

сказал он оттуда, — поможешь мне — поддержишь этого господина, чтобы он не дергался, когда я буду извлекать пулю...

На протяжении всей этой сцены у Елены не раз возникала мысль, что она поступила неразумно, приведя раненого к Ланге. Но оправданием ей служило убеждение, что этот дурно пахнущий юноша, не помоги она ему, непременно оказался бы в полицейском участке. По дороге домой он свалился бы где-нибудь в обмороке, утратив последние силы, и первый же дворник, обнаруживший его, побежал бы за околоточным.

Террорист тем временем сидел, покачиваясь, на табурете, прижимая здоровой рукой к телу раненый локоть. Взор его, скорее невидящий, чем способный что-либо различать, был устремлен в сторону стены, где в золоченой раме висел большой портрет мужчины средних лет, в форме пехотного генерала с красной лентой через плечо, имеющий сходство с хозяином кабинета. Это был отец Ланге, доблестный воин, соратник генерала Скобелева, отличившийся в Русско-турецкую кампанию. Живопись была хорошего качества и, видимо, стоила тому, кто заказал портрет, немалых денег. Портрет обладал одним отличительным свойством: в какой бы точке комнаты ни находился посетитель, строгий взор генерала всегда был устремлен на него. Елена не раз испытывала смущение, когда в минуты любовных ласк с Ланге случайно встречалась с устремленными на нее глазами генерала. Сейчас генерал пристально смотрел на террориста. И когда тот все же зафиксировал на портрете взор, выделив его из множества предметов и картин, находившихся в кабинете, то ощутил нечто вроде ужаса, увидев властный генеральский лик, величие которого подчеркивало сияние орденов и генеральских эполет. И террорист почувствовал, как он одинок, неудачлив, несчастен, оказавшись по причине ранения в этом кабинете, где все его заставляло трепетать, где он был зависим от воли этого доктора-богача,

презирающего его и ему подобных, а тут еще портрет генерала на стене — видимо, из родни, чужого на стену не повесят — олицетворение всего того мерзкого, против чего он и его товарищи боролись. И у террориста из глаз полились слезы.

Елену эти слезы привели в замешательство, словно она была причастна к выстрелу, который ранил этого тщедушного юношу.

Тут из-за ширмы вышел Ланге, держа пузырек с йодом и ватный тампон. Встал за спиной террориста.

— Потребуется твоя помощь, — сказал он Елене. — Подними раненую руку локтем назад и поддержи ее в таком положении...

Елена приблизилась к раненому и сделала то, о чем просил Ланге. При этом старалась не дышать носом, сколько это было возможно, чтобы не чувствовать запаха немытого тела. Но удушливый тошнотворный запах все равно проникал в нос, отражаясь на красивом лице девушки брезгливой гримасой, которой она сама же и стыдилась, не желая показывать раненому, не оправившемуся от слез, свою брезгливость.

— Сейчас будет больно, — предупредил Ланге террориста и, смочив вату йодом, стал обрабатывать рану и кожу вокруг нее.

Террорист заскрипел зубами от боли.

Доктор, поставив пузырек с йодом на стол, придвинул поближе к себе металлический лоток прямоугольной формы, где лежали хирургические инструменты. Не будучи хирургом, Ланге имел набор необходимых хирургических инструментов и, случалось, пользовался ими в экстренных случаях.

Умные глаза генерала на портрете холодно смотрели на террориста, возбуждая в последнем ненависть, которую, кроме прочего, питал еще и страх ожидания новой боли. Сейчас человек на табурете проклинал весь мир, который был суров и несправедлив к нему, который не уберег его от сегодняшнего ранения, и меньше всего в

эти минуты думал он о страданиях полицмейстера, которого сам сегодня смертельно ранил; несчастный скончался в ту самую минуту, когда террорист и Елена подходили к дому доктора.

— Сейчас опять будет больно, — снова предупредил Ланге, беря в руки скальпель.

Елена хотела отвести взгляд в сторону, чтобы не видеть того, что станет делать Ланге. Ее не пугал, как некоторых девушек, вид крови, но не хотелось смотреть на то, как режут человеческую плоть. Потом все же желание проверить себя, выдержит ли она это зрелище или нет, заставило ее смотреть туда, куда устремился скальпель доктора.

Входное отверстие от пули было небольшим, и требовалось расширить его, надрезав край раны, чтобы затем с помощью пинцета извлечь пулю, сидевшую, к счастью, неглубоко. Ланге сделал надрез.

Террорист громко застонал.

— Надо было выпить водки, а не изображать из себя трезвенника, — сурово заметил Ланге. И сделал Елене знак, чтобы та крепче держала руку раненого.

— Водка — дурман для человека... — с усилием пробормотал террорист, обливаясь холодным потом. — Вы веками одурманивали народ, дабы он благодаря пьянству забывал о своем униженном положении...

— Дурак ты, братец! — не выдержал Ланге. Но дело свое продолжил. И продолжил беседу с террористом, стараясь таким образом отвлечь его: — Я занимаюсь своим делом и никого не дурманил... Пьяницей становятся не по чьей-то воле, а по собственной прихоти. Пьянице рот ниткой не зашьешь. Он как пил, так и будет пить. И сваливать все на состоятельных людей негоже...

Ланге удалось, наконец, ухватить пинцетом пулю, и он резко выдернул ее наружу. Террорист вскрикнул от боли и обмяк. Глаза его обесмыслились. И если бы не Елена, на которую он завалился спиной, малый свалился бы на пол. Кровь струйкой хлынула из раны, и Ланге

прижал к ране тампон, пропитанный йодом, которым до этого протирал руку раненого. Несколько мгновений доктор пребывал в прострации, озадаченный неожиданным обстоятельством. А произошло следующее. Когда Ланге вырвал из мышечной ткани пулю, что-то раньше крови истекло из раны террориста и, материализовавшись в некое темное подобие бесплотной тени малого ребенка, проскользнуло к окну, и, проплыв между открытых створок, вылетело на улицу. Эту зыбкую тень заметила и Елена. И приняла ее за галлюцинацию, вызванную головокружением, которое она ощутила, наблюдая, как Ланге ковыряется в ране пинцетом. «Что еще за эффекты?» — недовольно подумал Ланге. Будучи материалистом, он не верил ни в какие необъяснимые явления. Может быть, решил он, с улицы, где местный дворник сегодня жег мусор, принесло струйку дыма? Да нет, дымом в кабинете не пахло. Когда все это произошло, у Ланге кольнуло сердце и бросило в жар, как при простуде. Если бы Ланге в эту минуту находился у окна, он бы увидел, как тень уносилась вдаль, постоянно меняя форму, словно летящий в воздухе женский газовый шарф, и, возможно, это натолкнуло бы его на какую-то мысль, способную если не объяснить данный факт, то, по крайней мере, дать ему некоторое толкование. Но Ланге стоял на значительном расстоянии от окна и ничего этого не видел.

Зато чинный, благообразный мальчик лет четырех, в матросской курточке и белых штанишках до колен, бывший с гувернанткой на прогулке напротив дома, где происходили вышеописываемые события, стал свидетелем того, как тень, похожая на человеческую, выскользнула из окна, проплыла над его головой и, двигая зыбкими конечностями, устремилась в сторону бульвара. Мальчик надолго замер, словно в этом полете тени ему открылось нечто, понятное ему одному. И долго гувернантка, крупная дама с решительным лицом и пышной грудью, тянувшая его за руку, не могла сдвинуть мало-

сильного, по сравнению с нею, ребенка с места, словно тот был привинчен к земле, пока мальчик сам не очнулся и не побежал вприпрыжку по мощенному брусчаткой тротуару, громко разговаривая сам с собой.

А тень на подлете к бульвару задержалась у мясной лавки, где стоял мясник, мужчина лет тридцати пяти, с красным одутловатым лицом, с выбритым подбородком и воинственно торчащими в разные стороны темными усами, в грязном фартуке поверх живота, вышедший из недр лавки на солнце и жадно пивший квас из металлического ковша. Сделав пируэт над его головой, тень погрузилась в ковш и была выпита владельцем лавки вместе с квасом. Тот даже ничего и не почувствовал...

Ланге был человеком волевым и быстро овладел собой. И на вопрос: «Что еще за эффекты?», который он задал самому себе, отозвался шуткой: «Вероятно, выпустил злого джинна из бутылки... Или часть его». Но ему было ясно одно: не извлеки он пулю, сыгравшую роль затычки, это нечто, обратившееся в тень, так и сидело бы внутри террориста. Ланге был почему-то убежден в этом.

Повторно обработав рану йодом и наложив на нее тампон, Ланге забинтовал юноше руку.

Террорист был по-прежнему бледен, но немного повеселел — боль в руке, когда из нее извлекли инородное тело, стала меньше и уже не мучила, как прежде.

— Завтра к двум придете на перевязку, — сказал Ланге.

Он ушел за ширму, снял там фартук и вымыл руки.

Убедившись, что раненый может сидеть без ее помощи, Елена отошла в сторону. После того, как она касалась грязного тела террориста, ей не терпелось вымыть руки с мылом, но девушка не спешила с этим, дабы не показать несчастному своего брезгливого отношения.

Ланге дернул шнурок колокольчика и, когда явилась Лиза, сказал:

— Отведите этого господина на кухню, напоите чаем, и пусть убирается...

На следующий день ровно в назначенное время террорист явился к Ланге. Приехала и Елена, посчитавшая неприличным оставлять доктора наедине со своим «протеже». «Я втянула Николая Павловича в эту историю, и мне следует быть рядом, пока он занимается с этим мальчишкой», — решила она.

На этот раз террорист держался уверенно и даже был строг, словно не доктор делал ему одолжение, занимаясь его раненой рукой, а он доктору. Одет он был в чистую сатиновую рубашу темно-синего цвета с открытым воротом, поверх которой была наброшена студенческая тужурка, судя по чистоте рукава и отсутствию пулевого отверстия в нем, а также иной ширине плеч, явно чужая, взятая, видимо, на время у кого-то из приятелей. Был он на этот раз чист, можно даже сказать, светился от чистоты, а каштановые его волосы, промытые с мылом и уксусом, искрились в лучах света. С час провел он ранним утром на хозяйской кухне в доме, где снимал с товарищем комнату на двоих, смывая с себя над лоханью грязь и натирая кожу до красноты мочалкой из лыка. Когда он намыливал плечи и грудь здоровой рукой, стараясь не намочить бинт, то вспоминал привлекательное лицо девушки, к которой он запрыгнул в экипаж и которая отвезла его к доктору, избавив тем самым от множества проблем. На площади, где была устроена засада, его должна была ждать коляска с товарищем, но ее не оказалось на месте. Эта девушка практически спасла его. В памяти террориста возникли ее темные блестящие глаза, черные вразлет брови, влажные губы цвета спелой черешни, красивые белые зубы, единственный раз обнажившиеся в улыбке, когда она прощалась с этим заносчивым доктором. «Бывают же такие неземные создания...» — мечтательно думал террорист, и на его ожесточившееся сердце накатывала

теплая волна. И не раненая рука вела его к доктору — боль уже не была мучительной, да и рану мог осмотреть знакомый студент медик, живший через дорогу. Отправляясь к Ланге, террорист рассчитывал вновь увидеть Елену. И не ошибся.

— Здравствуйте, Родион, — сказала она, подчеркнуто произнося это имя, когда он вслед за горничной Лизой появился в дверях докторского кабинета.

Услышав имя «Родион», террорист взглянул на нее с недоумением, но потом вспомнил, что сам так назвался вчера. Первым порывом его было назвать свое настоящее имя, но он сдержал себя. Лучше сохранять его в тайне. «Бойся баб, особенно смазливых девиц, — вспомнил он слова Захарчука, засидевшегося в студентах провинциала, снимавшего комнату в том же доме, где проживал террорист. Захарчук вот уже семь лет грыз гранит науки в горном институте и считался в своей среде серьезным знатоком столичной жизни. — От бабьего сословия многие беды... Из-за них начинались войны, рушились цивилизации... Да что там — и просто морду бьют! Держись от них подальше... — Захарчук обычно говорил это, лежа на кровати поверх одеяла, вытянув вперед голые ступни, с которых только что снял несвежие портянки. — Революционер не должен думать о теплой перине и семейных утехах. Это тупиковый путь! Удел революционера — одиночество, питающее силу духа. Жены, дети — камень на шее, что тянет в пучину!» Но слова эти, потеряв теперь мерцающую силу, меркли в глубинах сознания, заслоненные образом девушки. Этот образ манил террориста, умилял, пробуждал смутные желания и одновременно заставлял испытывать нечто похожее на страдание — было очевидно, что эта девушка недоступна. Судя по ее одежде, манерам, гладкой коже, она относилась к тому сословию, с которым он и его товарищи вели борьбу. Они не стреляли в женщин, но они стреляли в их отцов и мужей, которые, в свою очередь, желая сохранить существующий

порядок, сажали единомышленников террориста в тюрьмы и отправляли на каторгу.

Елена, увидев, насколько преобразился террорист, отмывшись от многодневной грязи, насколько он посветлел лицом и волосами, а главное, не источал неприятный запах, была приятно удивлена. «Надо же! — подумала она. — А он не так уж плох... Его откормить малость, и будет похож на человека...» И в знак одобрения улыбнулась ему.

Но Ланге заставил ее посерьезнеть. Разбинтовывая террористу руку, чтобы осмотреть рану, он спросил у него:

— Вы читали сегодняшние газеты?

— Нет, — отозвался тот.

— А зря! — воскликнул доктор возбужденно. — Человек, в которого вы вчера стреляли на Страстной площади, скончался...

Как ни странно, террорист не испытывал удовлетворения, услышав эту новость, что было бы логично, иначе зачем тогда братья за оружие, а неожиданно почувствовал нечто вроде жалости к убитому. И неловкость за то, что так получилось. Нет, нет, у него не было стыда за содеянное, а было печальное сожаление по поводу того, как это все оказалось не ко времени! Меньше всего ему сейчас хотелось в глазах девушки, к которой потянулась его душа, выглядеть убийцей. И утром на кухне, когда он стоял над лоханью с водой, у него мелькнула мысль: хорошо бы обошлось, хорошо бы Москалев (полицмейстер) выжил, а ранение будет ему хорошим уроком за его мерзкие дела. Но, увы, не обошлось.

— Вас бы следовало сдать в полицию! — заявил Ланге гневно. — Таким, как вы, место на каторге!

— Зло должно быть наказано, — жестко ответил террорист, объясняя свой поступок. — А человек, веками пребывающий в рабстве, освобожден... — В первую очередь ему хотелось убедить Елену в благородстве своих помыслов. — Человеку из низов должны быть

предоставлены нормальные условия. Чтобы он мог жить и развиваться как свободная личность. Фабричный рабочий, получающий за свой труд гроши, ничуть не хуже вас, господин доктор!

Ланге, вспыхнувший поначалу, вдруг успокоился. Прервав свое занятие, с хмурым вниманием глядел на террориста, на его каштановый хохолок, торчащий поверх лба. Лечивший состоятельных людей, Ланге впервые разговаривал с одним из тех, кто, начиная с убийства Александра Второго, хотел с помощью бомб и пистолетов изменить общественное устройство. «Мальчишке основательно задурили голову, сделав его преступником, — с печалью подумал он. — Что его ждет, если поймают? Смертная казнь? Каторжные работы? А ведь он только начинает жить...» И неожиданно спросил, озадачив собеседника:

— А если он пить пойдет?

— Кто?

— Человек, которого вы освободите...

Террорист с превосходством взглянул на доктора:

— Не пойдет. Он пойдет учиться, читать книжки...

— Книги можно и сейчас читать, — сказал Ланге. —

Для этого не обязательно стрелять в представителей власти или бросать в них бомбы... Вы не боитесь, что, ломая государственную систему с помощью насилия, сами окажетесь на плахе, на которую вас толкнет новый государственный порядок, заложник этого насилия?

— Не боюсь! — сказал террорист, взглянув на Елену, которая внимательно слушала обоих собеседников, не принимая участия в разговоре.

— Впрочем, чего вам бояться, — ядовито усмехнулся Ланге. — Вы не доживете до этого времени. Вы свалитесь где-нибудь на полпути, если, конечно, вас раньше не арестуют и не сошлют в каторжные работы...

И, освободив от бинта руку террориста, доктор резким движением оторвал тампон, присохший к ране. Террорист поморщился, но не издал ни звука.

— Доживу я, не доживу, моя отдельная жизнь не имеет значения, — сказал он после короткого молчания. — И потерять ее я не боюсь. Главное — всеобщее благо! Равенство и братство всех людей! — добавил он, бросив победный взгляд на Ланге и Елену.

Елена, не сказавшая ни слова, с каждой минутой притягивала его все сильнее. Она не походила на тех женщин, которых террорист встречал в своей среде, — ни на курящих курсисток, отличавшихся мужскими манерами, ни на изнуренных многочасовым трудом фабричных работниц, ни на проституток, которые сидели в трактирах или ловили мужчин на улице. Ему вдруг вспомнилась проститутка, которую он застал однажды в комнате у Захарчука, зайдя к тому отдать книгу. Это была крупная девка с белым оплывшим лицом и ярко подведенными черной краской бровями. Выпив водки, от которой ее бледное лицо не стало живее, она игриво поглядывала на террориста и хихикала. «А этот щенок задирист, — сказала она Захарчуку, перехватив его недобрый взгляд. — Злюка! Поди, еще не касался женского тела... Подойди ближе, малыш, я тебе кое-что покажу». И, задрав подол, открыла крупные желтоватые ляжки со спущенными чулками. Террорист стыдливо отвел глаза. Захарчук, лежавший, по обыкновению, на кровати с голыми ступнями, громко засмеялся и в знак одобрения хлопнул по круглой массивной заднице свою временную подругу, примостившуюся возле него на краю кровати и которую он получасом ранее, выпив водки, страстно с рычанием ласкал, водрузив ее сверху на свои чресла. Захарчук предложил террористу выпить, хотя знал, что тот пить не станет. Террорист отказался. Но сидел и не уходил. Слушал веселый треп Захарчука с проституткой и пялился на нее. Потом Захарчук, сунув ноги в свои стоптанные сапоги и велел террористу его дожидаться, ушел за водкой, предварительно обменявшись с женщиной выразительными взглядами. Террорист, видевший, как они переглянулись,

по наивности своей не понял смысла этой переглядки. Когда они остались с проституткой наедине и возникла долгая томительная пауза, во время которой девка, положив пухлые руки на бедра, глупо хихикала, террорист вдруг принялся убеждать ее бросить свое ремесло и заняться каким-либо полезным трудом, ведь она еще молода, полна сил и просто обязана изменить свой образ жизни, который ведет к срамным болезням и разрушению личности. Террорист до этого вечера не имел близости ни с одной из женщин, и, следовательно, говорить ему на эту тему было легко. Ему еще было неизвестно, что в теории все выглядит проще, нежели на практике. Убеждая проститутку бросить свое занятие и приводя аргументы в пользу целомудренного образа жизни, террорист неожиданно для себя почувствовал вдохновение и заговорил о страданиях народа вообще, о власти богатых, о тяжелой доле заводских рабочих, умирающих до срока от непосильного труда и водки. Он говорил несколько минут, довольный складностью своей речи, чувствуя в себе талант не меньший, чем у адвоката Федора Плевако, выступавшего в суде защитником по делу о стачке морозовских рабочих, но проститутка прервала его красноречие. «Сядь рядом», — сказала она. «Зачем?» — растерялся террорист. «Сядь», — попросила проститутка и указала ладонью на место возле себя. Террорист послушно сел на кровать рядом с нею. «Значит, ты за народ? — спросила проститутка ласково, разглядывая его лицо, на которое падал свет керосиновой лампы. И когда террорист кивнул, сказала с улыбкой: — Колька тоже за народ (имелся в виду ушедший Захарчук), но вот он водку пьет, не то, что ты...» Террорист не нашелся, что на это ответить. Запах дешевых духов и пробивающийся сквозь них запах женского пота действовали на него размагничивающим образом. Впервые он сидел так близко с женщиной наедине. Он понимал, что эта женщина не чиста, вульгарна, но любопытство было сильнее. Сейчас это была не просто

женщина, имеющая свое лицо, свои пороки, свой запах, а некий символ всего заманчивого женского, что существует в природе, привлекая мужчин, и чего террорист до поры до времени сторонился. Он мог подняться и уйти или пересесть обратно в другой угол комнаты, где сидел до того, но не сделал этого. Ему хотелось сидеть рядом с этой женщиной, но одновременно он боялся ее, как боятся малые дети, впервые увидевшие собаку или лошадь. У террориста пересохло в горле и сильно билось сердце. Круг света от керосиновой лампы, озарявшей потолок, мигал от мечущейся над лампой какой-то мошки, словно подчеркивая трепетность момента, ощущаемого террористом. «Эх ты, дурачок...» — прошептала проститутка. И легким кошачьим движением подобрала на коленях юбку. Ее мягкая рука ухватила напряженную кисть террориста и повлекла куда-то вниз, между ляжек, куда он боялся посмотреть, и он почувствовал, как его пальцы погрузились во что-то теплое и влажное, отчего сердце его на мгновение остановилось, испытывая ужас и сладкое удивление одновременно. Он не помнил, каким образом он оказался поверх проститутки, упавшей навзничь на кровать и раздвинувшей ноги. «Ну что же ты, дурачок... Давай!» — жарко шептала она, изображая страсть. В паху его возник электрический разряд, затем кровь ударила в голову, и он, словно сорвавшись с края обрыва, полетел куда-то в темноту, хотя керосиновая лампа над столом продолжала тускло светить, освещая стены, и почувствовал, как то, что он до этого трогал рукой и где оказался его детородный орган, словно втягивает его в себя, а он противится этому, двигая бедрами, а затем сладострастно вновь устремляется туда, откуда только что вырвался. На улице раздались чьи-то крики, их оборвала протяжная трель свистка городского, после чего послышался топот ног по булыжной мостовой и чей-то отчаянный голос крикнул: «Ванька, дуй!»; и террористу казалось, что это внутри него свистело, бежа-

ло и подстегивало его криком «Ванька, дуй!», еще больше распаяя его и срывая дыхание. «Лей в меня, сегодня можно...» — выпустила жаркий воздух ему в ухо проститутка. Но он не понял, о чем она говорит. И в это мгновение ощутил, как что-то горячее вырвалось за пределы его тела и ушло в другое тело, в недра его, куда он хотел, но не мог добраться. И он почувствовал незнакомое прежде опустошение... А когда пришел в себя, подумал: зачем он лежит с этой крупной в бедрах девкой, у которой широкие ляжки и белое лицо, от которой исходит легкий запах перегара и дешевых духов? И все, сотворенное им сейчас, показалось ему таким грязным и мерзким, что террорист чуть не разрыдался. Будь у него в эту минуту нож, он перерезал бы этой бабе горло. Но потом террорист вспомнил все то, что говорил ей полчасом ранее, когда призывал ее бросить свое ремесло, и устыдился своих дум. И пришел к мысли, что в случившемся виноват только он сам. Прояви он немного твердости, и ничего бы этого не произошло. Не было бы этой постыдной сцены на кровати Захарчука. Если бы можно было стирать время, как мел с классной доски, он отмотал бы малую толику назад (с момента, когда проститутка предложила сесть рядом) и стер бы эту часть. Ей, этой женщине, все равно, она занимается этими вещами каждую ночь и, может быть, даже по нескольку раз за ночь, но он-то, он, который мечтал о чистой, возвышенной любви, восторгался стихами Тютчева и Надсона, как он мог разменять себя подобным образом? С другой стороны, его мучила мысль: неужели отношения мужчины и женщины всякий раз столь омерзительны? Даже с той, которую любишь?.. «Тебе не понравилось?» — спросила проститутка, заметив, что он подавлен, оправляя на груди кофточку на пуговках и сетуя, что, когда террорист держал ее за грудь, одна из пуговиц оторвалась и затерялась где-то на кровати. И попросила пересесть его с кровати на табурет, чтобы поискать в складках серого суконного оде-

яла затерявшуюся пуговку... С того дня террорист сторонился молодых женщин, избегал игривых разговоров с ними, хотя, следует признать, никто особо и не заигрывал с ним. Отныне он держался с женщинами отчужденно, видя в них предмет для грязных утех, приносящий разочарование. И полностью сосредоточился на борьбе за освобождение народа от нищеты, отдаваясь этой борьбе со всем пылом, с каким усердные монахи посвящают себя служению Богу.

С появлением Елены в душе террориста что-то сдвинулось с мертвой точки, будто в ледяной корке, покрывающей бугор, образовалась проталина. Впервые за долгое время террорист потянулся к женщине. И унылая картина совокупления с проституткой на кровати Захарчука, преследовавшая его, как-то враз померкла, утратив свою разрушительную остроту, перестав раздражать и мучить, очерняя все женское сословие в целом.

Когда террорист вышел из квартиры доктора, раскланявшись с Еленой, оставшейся там, он был убежден, что непременно увидит ее еще. Может быть, для этого придется опять приехать сюда и расспросить о девушке горничную доктора — с той, кажется, несложно будет найти общий язык. Он завидовал Ланге, что тот может запросто общаться с Еленой (интересно, какие у них отношения?), но завидовал совсем чуть-чуть, будучи уверенным, что стоит ему только захотеть подружиться с нею и это обязательно произойдет. Откуда у него, державшегося от женщин на расстоянии, взялась эта уверенность, он и сам не знал. Впервые за долгое время он шел по улице, замечая то, на что раньше не обращал внимания. Он обнаружил, что город давно покрылся изумрудной зеленью, что цветет сирень, вылезая из-за заборов живыми бело-розовыми гроздьями, словно демонстрируя полноту чувств, что птицы поют на ветках и упряжные лошади будто повеселели, забыв, наконец, о зимних холодах и ненастье

первой половины весны. Если уж он сумел застрелить полицмейстера, возбужденно думал террорист, то девушку он сумеет покорить! Воспоминание об убитом им Москалеве несколько омрачило мажорное настроение террориста. Он подумал о том, что смерть полицмейстера может стать помехой для сближения с Еленой. И вслед за этим опять, как это было у Ланге, пожалел о том, что полицмейстер не выжил. Террорист не сомневался в правильности содеянного им — полицмейстер получил по заслугам, — но сейчас эти два события (смерть полицейского чиновника и появление в его жизни прелестной девушки) пересеклись в одной точке, внося разлад в его душевное состояние. Еще вчера, приступая к делу, террорист не боялся в случае неудачи оказаться на каторге, но сегодня мысль отправиться туда, попадись он в руки полицейским ищейкам, которые непременно его ищут, внушала ему ужас: ему не хотелось лишиться возможности жить в одном городе с той, к которой потянулось его сердце. При этом его не мучили мысли о том, что у застреленного им человека остались жена, дети и что в доме покойного сейчас тишина и скорбь.

Он вышел переулками к реке. Перевязанная рука его хорошо помещалась в рукаве тужурки, и никому из прохожих не приходило в голову, что перед ними раненый человек.

Он долго стоял на берегу, глядя с высоты его на мутную, глинистого цвета воду, на лодки, приплясывающие от волн по краю деревянного причала, на детей, играющих на песке, на чаек, взлетающих с воды и опять устремляющихся к ней. Потом взгляд его надолго задержался на длинной, груженной лесом барже, неспешно двигавшейся по середине реки, вдоль изгиба берега, на холмах которого высились башни Кремля. И террористу вдруг захотелось хотя бы на короткое время, забыв обо всем, оказаться на этой барже, державшей путь в неизвестный ему пункт назначения, рядом с мужиками, кото-

рые сидели живописной группкой оборванцев поверх бревен, курили самокрутки и вели неторопливую беседу, бог знает о чем. Но потом мысль о том, что он призван бороться за улучшение жизни этих самых мужиков и им подобных и должен еще немало сделать на этом поприще, вернула его из мечты в действительность. Он бросил последний взгляд на удаляющуюся баржу и устремился от реки в город с намерением продолжать борьбу, стараясь отодвинуть в своей памяти подальше образ прелестной девушки, явившейся вчера, чтобы спасти его.

17

Когда террорист покинул квартиру доктора и Елена с Ланге остались одни, Николай Павлович сказал:

— Лена, избавь меня впредь от подобных визитеров... Не пользуйся столь безрассудно моим отношением к тебе.

— Это вышло случайно, — стала оправдываться Елена с виноватой улыбкой. — Я увидела, что он ранен, и вспомнила о докторе Ланге... Разве это плохо, когда я думаю о вас, доктор? Да, этот человек беден... Но я оплачу ваши услуги.

— Мне не нужны твои деньги, — поморщился Ланге. — Разве дело в деньгах? Потакая преступнику, а он таковым является (и ты должна это признать!), мы сами становимся соучастниками его преступных деяний. Я не разделяю взглядов некоторых наших просвещенных либералов на нужность террора и не хочу, чтобы люди, подобные твоему протеже, разрушали Россию. Как ты этого не понимаешь?

— Но вы же не будете спорить, что в нашей жизни есть вещи постыдные, и в частности, нищенское поло-

жение крестьян, рабский труд фабричных рабочих, проституция...

— Ах, милая Лена! Ты еще очень молода! Поверь мне, человеку зрелому, бомбы — плохое средство для улучшения бытия... Нужно действовать с помощью реформ, а не братья за пистолеты, как это делают господа террористы! — Ланге вдруг всплеснул руками. — Ах, боже мой! Я не хочу обсуждать с тобою подобные вопросы... Подойди ближе, дай обнять тебя, и забудем об этом человеке...

— Милый, вы сами затеяли этот разговор, — сказала Елена, подходя к нему.

Ланге обнял ее и поцеловал в губы, подумав в очередной раз, как же они сладостны на вкус, словно девушке был известен секрет, в результате которого ее губы приобретали ягодную сладость, отчего у Ланге, человека трезвого и искушенного, голова начинала кружиться, как у юнца. Елена после поцелуя прижалась к его груди и услышала, как бьется его сердце, нос ее при этом ловил запах дорогих сигар, которым пропитались жилет и белоснежная рубашка доктора.

— Интересная вещь, — вдруг сказала она задумчиво. — Вчера, когда вы извлекли пулю из его руки, мне показалось... — и, недоговорив, умолкла.

— Что тебе показалось? — Он отстранился от девушки, посмотрел ей в глаза. И понял, что террорист, хотя и покинул кабинет, все еще стоит между ними.

— Мне показалось, что из раны... Как бы это сказать... Из раны истекло нечто похожее на дымок... имеющее вид зыбкой человеческой тени...

Доктор, бывший накануне вечером в гостях у брата по случаю его именин, пивший там водку и игравший до часу ночи в карты, за всем этим забыл, что сам наблюдал это явление. Но если Ланге, занятый в тот момент извлечением пули, видел только, как что-то зыбкое и неопределенное, действительно напоминающее легкий

дымок костра, истекло из раны, то Елена проследила взглядом, как это нечто устремилось к окну и выскользнуло наружу. Не держи она в тот момент руку террориста, девушка непременно бросилась бы к окну, чтобы проследить за дальнейшим.

— Да, да, — признался Ланге. — Я тоже видел...

— Значит, мне это не почудилось, — обрадовалась Елена.

— У меня даже мелькнула мысль, что, удалив пулю, я выпустил джинна из бутылки, — усмехнулся Ланге. — Представь себе!

— Или освободил этого юношу от зла, сидевшего в нем.

— Какое! Судя по тому, что он сегодня нес, зло сидит в нем по-прежнему...

— И все же, что это было?

— Мне бы тоже хотелось знать... Может, эта дрянь все еще сидит здесь и прячется где-то в углу? — усмехнулся он, оглядываясь.

— Нет, я видела, как она выскользнула в окно... — И вдруг решительно поменяла тему разговора: — Жаль, милый, что вам надо наносить визиты больным... А то взяли бы извозчика и поехали куда-нибудь за город. В Сокольники! Смотрите, какая чудесная погода!

Елена хотела высвободиться из объятий доктора, но руки Ланге крепко держали ее. Она взглянула на него и поняла по его выразительному взгляду, чего он хочет. Девушка тоже испытывала желание, но ей не хотелось отдаваться ему здесь, на кушетке за ширмой, как это уже было однажды, после чего она чувствовала себя крайне неудобно, словно кто-то посторонний стал свидетелем их близости. Ей хотелось, чтобы все было иначе. Чтобы в происходящем была какая-то тайна. Чтобы были сумерки, свечи. (И может быть, даже мотылек, танцующий у пламени свечи.) Спальня, кровать с чистым бельем, как это бывает у добродетельных супругов. Од-

ним словом, чтобы не было ничего такого, что девальвирует любовь, опускает ее на уровень пошлости. Еще тогда Елена дала себе слово, что никогда больше не ляжет на эту кушетку, да еще при свете дня.

— Нет, нет, только не здесь! — сказала она, отвечая на немой вопрос, который прочла в глазах Ланге. — В любой момент могут постучать Лиза или Августина Ивановна... — Августина Ивановна, пятидесятилетняя дама, строгая, благообразная, служила у доктора экономкой. — Когда она смотрит на меня, — продолжала Елена, — я чувствую себя великой грешницей...

— Напрасно. Ты ей нравишься.

— По ее лицу этого не скажешь. Когда она смотрит на меня, у нее такой вид, будто она попробовала уксусу.

— Оставь! Сюда никто не войдет без моего разрешения... — Теплые ладони Ланге взяли Елену за голову, нежным, но решительным движением заставили девушку смотреть прямо доктору в глаза. — Я хочу знать, — сказал он, — любишь ли ты меня?..

18

После работы собрались пойти в ресторан. Накануне у Бронштейна был день рождения, который он отметил в кругу родственников, чинно, мирно, по-семейному, без выкрутасов и особого веселья. А сегодня именинник решил взять реванш за вчерашнее и гульнуть «по полной программе». С этой целью пригласил Милу и Брянцева, своих «сокамерников», как он их в шутку называл, провести с ним вечер в ресторане. Для «кутежа» Бронштейн, любивший шикануть, выбрал ресторан «Гранд-Оперá», находившийся на Петровских линиях, где заранее зарезервировал столик. У Брянцева по известным причинам не было желания выезжать на люди, но Брон-

штейн был не только товарищем по работе, но и добрым приятелем, и отказать ему Брянцев не мог. Мила же, наоборот, была счастлива: редко выпадает возможность посетить такой шикарный кабак. «Нас будет трое?» — поинтересовалась она. «Нет, — сказал Бронштейн. — Подъедут еще несколько друзей». Узнав, что предполагается присутствие неизвестных ей мужчин, Мила ожидалась. Это обстоятельство делало поход в ресторан еще более привлекательным. Возможно, среди приглашенных, думала она, найдется такой, с каким будет приятно свести знакомство и затеять любовную игру, ведь ни Бронштейн, ни Брянцев для этой роли никак не годились — у каждого из них были свои женщины, а в Миле они видели подобие младшей сестры и вели себя соответственно.

В ресторан все трое отправились на машине Бронштейна. То, что Брянцев на этот раз оказался без своей машины и добирался до работы на общественном транспорте, в немалой степени удивило Милу, привыкшую к тому, что Брянцев без автомобиля и ста метров не мог одолеть. «Дмитрий Павлович, — нередко шутила она, — вы и в туалет на машине ездите?» — «Не только, — добавлял с серьезным видом Бронштейн. — Он, случается, и спит в ней, чтобы не разлучаться...»

— Где же ваша тачка? — спросила Мила у Брянцева, когда они садились в машину Бронштейна. — Сломалась?

— Сломалась, — подтвердил Брянцев, не желая ничего объяснять.

— Что-нибудь серьезное? — поинтересовался Бронштейн.

— Да нет, мелочь. Но все никак до ремонтной мастерской не могу добраться... Времени нет.

Мила, сидевшая на переднем сиденье рядом с Бронштейном, всю дорогу возбужденно щебетала в предвкушении предстоящего вечера и возможных приключений.

Когда ехали от Страстного бульвара вниз по Петровке, Брянцеву, сидевшему сзади и благосклонно внимавшему трепу Милы и Бронштейна, на глаза попался видавший виды запыленный «опель», за рулем которого сидел мужчина в темных очках и бейсбольной кепке, надвинутой на лоб. Когда люди одеваются подобным образом, подумал Брянцев, трудно понять, что за человек перед тобой. Ни волос, ни лба, ни глаз, только нижняя часть лица. Хорош ли он внешне, плох ли, умные глаза или глупые — все тайна за семью печатями. Мужчина в бейсбольной кепке и очках посмотрел на Брянцева, словно догадался, о чем тот подумал. Может, он смотрел мимо, а из-за темных очков Брянцеву показалось, что мужчина смотрит на него. Но тут мужчина улыбнулся, и у Брянцева не осталось сомнений, что тот улыбнулся именно ему. Правда, улыбка эта при отсутствии глаз, лба, волос больше походила на гримасу.

Машины из-за пробки медленно двигались в потоке — ни свернуть, ни разъехаться в разные стороны. То один ряд чуть больше ускорился в своем движении, то другой. «Опель», где сидел мужчина в темных очках, значительно продвинулся вперед, и Брянцев теперь видел только багажник идущей следом за «опелем» машины.

«Почему этот тип улыбнулся мне? — задумался он. — Видимо, какой-то знакомый. Но, поди, узнай его в таком виде... Или я ему просто симпатичен... А может, этот парень — голубой». Брянцев усмехнулся: такой забавной показалась ему мысль, что он может пригласиться гею. Еще более забавной показалась другая мысль: а вдруг это тот, кто замыслил его убить? Но Брянцев тут же отверг это предположение: не станет злоумышленник так «светиться», открыто улыбаться, фиксируя внимание на своей персоне. Могут запомнить. Впрочем, запомнить можно только бейсбольную кепку и темные очки. А что под ними — не разберешь! Минуту спустя Брянцев, вовлеченный в разговор своих друзей, забыл о мужчине из «опеля». Потом он стал думать о Елене, пожелавшей

ему помочь в поисках стрелявшего, о том, как она молода, свежа и прелестна. Мысли о Елене привели его в чувственное возбуждение, и он подумал, как, наверное, хорошо с ней в постели. Впрочем, это не факт, остановил он себя. Девушка юна и еще неопытна. И тут же заспорил с собой: ну и что, что неопытна? Отсутствие опыта не является недостатком... Тут он вспомнил о Валерии, и мысли его потекли в ином направлении. Неужели он охладел к ней? Неужели начинается то печальное, что он называл «распадом чувства»? И ему стало грустно при мысли об этом. Нет, нет, стал убеждать он себя с жаром, Валерия по-прежнему им любима, она все еще возбуждает его, как и в первые дни их знакомства. И он не собирается расставаться с нею... А как же Елена? — спросил он себя вслед за этим. И ответил себе: а что Елена? Она сама изъявила желание быть полезной в поисках преступника, решившего по неизвестной причине застрелить Брянцева. Наши отношения будут сугубо деловыми, и только... Но другой Брянцев, где-то глубоко внутри, не верил первому, что это будет так.

Движение в потоке, в котором находилась машина Бронштейна, ускорилось, и вскоре Брянцев вновь увидел «опеля» и за рулем мужчину в бейсбольной кепке и темных очках, о котором уже забыл. Они оказались почти на одном уровне. Прошло минут пять с момента первой встречи. На этот раз водитель «опеля» смотрел вперед, сосредоточившись на дороге. Теперь Брянцев видел его в профиль, но от смены ракурса мало что изменилось — темные очки в оправе, плотно прилегающие к лицу, как у пловцов, напрочь скрывали глаза; кепка, надвинутая до ушей, оставляла открытой только ушную раковину и видневшуюся в отверстие сзади прядь темных волос. Пожалуй, только небритую щеку и кончик носа можно было рассмотреть. Сколько ни приглядывался Брянцев к водителю «опеля», ничто не подсказывало ему, что этот человек ему знаком. А тот, когда машины замерли в очередной раз на месте, посмотрел в окно и

увидел Брянцева. Но на этот раз губы его остались недвижимы, отчего на лице сохранилось бесстрастное выражение. Словно он и не улыбался Брянцеву несколькими минутами ранее. И Брянцев даже подумал: а было ли это? Мужчина в «опеле» достал сигарету из красной коробки и закурил, прикурив от огня зажигалки. Лицо его все еще было повернуто в сторону Брянцева. То ли он смотрел так от нечего делать, то ли у него была какая-то цель. «Чего он на меня уставился? И впрямь, наверно, голубой!» — подумал Брянцев. И чтобы поставить точки над «i», попросил Милу склониться к нему. И когда та сделала это, перегнувшись с переднего сиденья назад, демонстративно поцеловал девушку в губы, отчего у той от удивления округлились глаза. Мужчина в «опеле» по-прежнему сидел с каменным лицом. Машины тронулись с места, некоторое время ехали параллельно, а потом «опель» безнадежно отстал, затерявшись где-то сзади.

— Дмитрий Павлович! Вы меня поцеловали? С чего это вдруг? — развеселилась Мила, оправившаяся от потрясения. — Вы заметили, наконец, что я женщина?

— Это был братский поцелуй, — смутился Брянцев.

— Если бы братья так целовали сестер, те непременно рожали бы им детей, — ухмыльнулся Бронштейн, наблюдая за Брянцевым в зеркало заднего обзора.

Приехали к ресторану, поставили машину на стоянку. Вошли.

Встречавший посетителей метрдотель, покровительственно улыбаясь, как сюзерен, проводил их к заказанному столику.

Усаживаясь на выбранное место, Брянцев с любопытством оглядывался по сторонам, изучая окружающую обстановку. Ему здесь нравилось.

Ресторан «Гранд-Оперá», в прошлом «Будапешт», основательно переделанный, выгодно отличался от того, что здесь было раньше. Роскошь отделки, столики в ложах, расположенных ярусами, как в театре, красный плюш поверх барьеров, отделявших ложи друг от друга,

огромные люстры, являющие собой произведения искусства, удобная сцена для варьете, вышколенные официанты, великолепная сервировка, изысканные закуски — все это настраивало на вдохновенный лад, заставляя почувствовать себя «белым человеком», что так любил Бронштейн.

Мила на некоторое время притихла, подавленная великолепием окружающей обстановки, точно попала на праздничный ужин во дворец.

Только выпили по рюмке и стали закусывать, появились остальные приглашенные, приехавшие все сразу. Их было пятеро: трое мужчин и две женщины. Двое мужчин, судя по виду, были ровесниками Бронштейна, третий — выглядел значительно старше. Женщинам было до тридцати. Обе были ухожены и хорошо одеты. Одна из них, Виктория, державшаяся весьма уверенно, была подругой Бронштейна, недавно разошедшегося с женой. С официантами, а их было несколько, она вела себя похозяйски, но делала это, следует сказать, деликатно, стараясь не напугать своими замашками Бронштейна, за которого надеялась выйти замуж. Вторая, Женя, была здесь с мужем, приятелем Бронштейна с юных лет, которого звали Генрих. Имя приятеля, редкое для российских широт, в течение вечера не раз вдохновляло Бронштейна на шутки. «Генрих, Генрих... — говорил он, задумчиво потирая лоб. — Вы не Гейне?.. — спрашивал он. — И не Гиммлер? Жаль!» Или следовал другой пассаж: «Вы не Генрих Третий, который король?.. И не Четвертый?! Поразительно, а так похожи!»

Разобравшись в том, что Мила и Брянцев не являются семейной парой, а просто сослуживцы, один из прибывших, человек с пронзительно-голубыми глазами и худым утонченным лицом, по фамилии Самоваров, которого Бронштейн называл запросто Самовар, принялся оказывать Миле знаки внимания, отчего сердце у той учащенно забилось, — сбывались ее надежды на встречу с симпатичным и свободным мужчиной.

Выпили по рюмке, еще раз и еще. Разогретые спиртным, довольные изысканной едой и окружающей атмосферой, все почувствовали себя удивительно хорошо и еще больше полюбили хозяина застолья, с которым их связывали дружеские узы, за то, что он устроил день рождения в таком чудесном месте.

Брянцев почувствовал какое-то внутреннее умиротворение, чего с ним давно не бывало. Словно он освободился, расстегнув пуговицу, от узкого воротника рубашки, который в течение долгого времени давил на шею и мешал дышать. Мысль о смерти от руки наемного убийцы не тревожила его так остро, как прежде, отошла на второй план. И не только потому, что, находясь в столь людном месте, он знал, может не опасаться за свою жизнь, — в общественных местах убийцы, как правило, старались «не работать», а предпочитали делать свое кровавое дело в темных дворах и подъездах, чему было немало примеров, о чем свидетельствовали многочисленные телесюжеты в криминальной хронике. Он вдруг подумал о том, как хорошо делать простые быденные вещи: пить вино, закусывать, болтать о пустяках, смотреть на красивых, ухоженных женщин, которых было немало в этом зале... И совсем не пугающей оказалась ему мысль, что, если его убьют, ровным счетом ничего не изменится: к примеру, здесь, в «Гранд-Опера», также будут сидеть и выпивать состоятельные господа, а прелестные дамы также будут демонстрировать себя и свои туалеты, музыканты на сцене будут играть ту же музыку или нечто подобное, а клоуны-фокусники показывать те же трюки. И Бронштейн, вероятно, придет сюда еще не раз, если пожелает... Одним словом, можно «давать дуба», или, говоря привычным языком, умирать, с ленивой веселостью отметил про себя Брянцев, словно дело касалось не его, а постороннего человека, к которому, в силу отсутствия серьезного знания о нем, не испытываешь жалости. И следом возник вопрос: если любой недоумок может по собственному разуме-

нию лишить вас жизни, стоило ли в таком случае вылезать из материнского чрева в мир Божий? В чем цель его, брянцевского, появления на свет: стать мишенью для неизвестного душегуба? Тонко! Эта мысль показала Брянцеву настолько забавной, что он невольно рассмеялся. И так это вышло, словно он с опозданием засмеялся над анекдотом, рассказанным до того кем-то из приятелей Бронштейна, что вызвало ответное веселье: долго же до человека доходило! «Лучше поздно, чем никому...» — высказался по этому поводу Бронштейн.

Самовар и Мила, сидевшие чуть обособленно, уже вели беседу куртуазного характера, о чем свидетельствовали их вдохновенные лица. Самовар вынул из цветочного букета, подаренного Бронштейну и стоявшего в вазе посреди стола, розовую гвоздику на крепкой ножке и заигрывал с Милой, поглаживая девушку головкой цветка по щеке. Той это доставляло несомненное удовольствие. При этом девушка посмеивалась и отмахивалась от цветка, как от мухи. Самовар ей нравился все больше и больше. А тот, надо сказать, умел производить впечатление на женщин, придумывая разные штуки, наподобие игры с гвоздикой.

Брянцеву игра с гвоздикой показалась пошлостью, достойной ковриков с лебедями, которыми торгуют на рынке, и вызвала у него новый приступ веселья. Но он сдержал свои эмоции и не стал острить по этому поводу. В конечном счете, когда мужчина обольщает женщину, он часто использует пошлые приемы. И никуда от этого не денешься. И он не лучше, подумал о себе Брянцев. Если посмотреть со стороны, он также нередко бывает пошл, завоевывая своих женщин. Да и любвеобильность, желание менять партнерш есть не что иное, как одна большая пошлость.

Бронштейн, памятуя о том, что он «за рулем», пил мало, но Брянцеву подливал исправно, и тот, потеряв бдительность, как-то неожиданно для себя основательно нагрузился, что бывало с ним крайне редко. Брянцев

почувствовал тяжесть в руках и ногах, словно передвигался в толще воды, шагая по дну бассейна. Это, правда, не мешало ему благосклонно взирать на общество за столом и испытывать к каждому пьяную нежность, даже к Самовару, который, отложив гвоздику, что-то рисовал Милиной помадой у нее же на ладони.

Неожиданно разговор пошел о смысле жизни. Есть в русском человеке такая черта: выпить, закусить и повести разговор о вещах серьезных, философской направленности, говорить о которых в застолье, кажется, не время и не место. У каждого из мужчин была своя точка зрения на этот счет. Женщины отмалчивались, лишь изредка подавали короткие реплики, как второстепенные персонажи в театре.

Генрих сказал:

— Ученые, изучающие Вселенную, убеждены, что гибель нашей планеты неизбежна. Дело лишь во времени. Думая о печальном будущем, когда в результате космических катаклизмов Земля обратится в каменную пустыню и от цивилизации не останется и следа, приходишь к мысли, что смысла в человеческой жизни нет, как это ни прискорбно. Смысл — это результат... То, что может стимулировать развитие. Получается: у человечества нет цели. Тупик! Значит, жить надо, думая о сегодняшнем дне.

— А как же Бог? — поинтересовался Самовар, оторвавшись от ладошки Милы. — Он же не может оставить нас на произвол судьбы... Иначе с какой целью он создавал человека?

— Бог?.. Думается, это вопрос дискуссионный... Есть ли он? Предполагается, что Бог должен думать о каждом из нас, верно? Но может ли он обслужить своим вниманием пять миллиардов человек, ныне живущих на земле. Реально ли это? Хотя бы по минуте на человека, чтобы вникнуть в его дела... А приплюсуйте сюда еще приблизительно пять миллиардов особей, умерших на протяжении истории человечества... Они — в аду или раю, но их

душами тоже надо заниматься. Обработать такую массу может только гигантский компьютер. И то вряд ли.

— А может, Бог и есть гигантский компьютер? — высказал предположение Коншин, приятель Бронштейна, который был старше всех и работал в аппарате федерального правительства.

Генрих покачал головой:

— Все равно заниматься десятью миллиардами судеб одновременно невозможно! Следовательно, с признанием Господа не следует торопиться. А, лишившись Бога и имея в перспективе разрушение Земли и, может быть, взрыв Галактики, мы лишаем человечество цели развития и духовной перспективы. И главное — нравственные категории теряют свою силу.

Бронштейн беззвучно похлопал:

— Bravo! Ваше имя, кажется, Генрих? Вы, случаем, не Генрих Белль? Нет? И не Генрих Манн? Обидно!

— Если Бога нет, что же в таком случае Библия и Евангелие? — спросил Коншин.

— Фольклор, и не более того...

— И десять заповедей?

— Тоже.

— Но кто-то же создал землю и все на ней? — не сдавался Коншин. — Не будешь же ты утверждать, что все появилось само собой по прихоти случая, благодаря простейшим микроорганизмам... Простейшие микроорганизмы тоже кто-то создал.

— Что-то вы далеко уехали, пора вернуться, — не выдержала Вика. — Мы собрались совсем по другому поводу...

— Да! — поддержала ее Мила. — Предлагаю выпить за родителей Михаила Львовича, которые подарили нам такого чудесного человека!

— Ну, положим, не было бы Бронштейна, был бы у нас кто-то другой в друзьях, — заметил Самовар, окинув собравшихся пронзительно-голубым взором. — Но за родителей Мишки надо выпить!

Чокнулись бокалами, радуясь мелодичному звону, и повторили, продлевая эту музыку. Выпили.

Закусив маслиной, Брянцев уткнулся взглядом в раскрытую ладонь Милы, на которой Самовар минутой ранее что-то начертил помадой.

— Что это у тебя на руке? Стигматы? — спросил он.

— Нет, — улыбнулась Мила. — Это солнце.

— Чего-чего?

— Солнце. Борис положил мне на ладонь кусочек солнца, — ответила Мила и с нежностью посмотрела на Самовара.

«Опять пошлость», — подумал Брянцев, а вслух сказал, желая позлить девушку:

— А я решил, что это гангренозное пятно...

Мила поджала губы:

— Дмитрий Павлович, ну будьте чуточку романтиком!

— В наше время быть романтиком невозможно, слишком вульгарная жизнь вокруг, — вступилась за Брянцева жена Генриха Женя. — Нам в этом смысле не повезло. Есть же приятные эпохи, где люди живут себе и живут в свое удовольствие и делают милые глупости... А здесь грубая проза!

В зале погас верхний свет, столики с публикой погрузились в полумрак. Ярко осветилась сцена, и под музыку на нее выбежали шесть вертких полуодетых девиц, составляющих шоу-балет. Начался зажигательный танец, во время которого можно было детально рассмотреть каждую из танцующих. Все они были молоды, обладали длинными ногами, имели привлекательные лица. По крайней мере, так виделось из зала. Может быть, при ближайшем рассмотрении открылось бы, что девицы не столь уже юны и несколько потрепанны, а кое-кто уже побывал кормящей матерью, но сейчас в лучах театрального света, на расстоянии, в глазах подвыпившей публики они выглядели, несомненно, привлекательно, приводя в возбуждение любителей женских ножек и ягод. Темп у музыки был очень энергичный, и девицам

пришлось немало попотеть, демонстрируя слаженность и синхронность.

Гости Бронштейна некоторое время глазели на танцовщиц, потом, насытившись зрелищем, вернулись к прерванному разговору.

Брянцев заскучал, его потянуло в сон. Если бы рядом вдруг появилась какая-либо смазливая незнакомка, то он, несомненно, распустил бы перья, наподобие Самовара, но таковой не оказалось, и застолье потеряло для него интерес. Надо продержаться еще хотя бы час, решил он, а уж потом можно сбежать домой.

Бронштейн рассказал анекдот, и все, развеселившись, как-то забыли о сцене и что на ней. Но тут произошло неожиданное. В помещении, где свет был только притушен, стало совсем темно. Вслед за этим зал ресторана огласили громкие звуки автоматных очередей. Зазвенела битая посуда (как потом выяснилось, это была фонограмма), слышались испуганные крики (тоже фонограмма), и публика увидела мечущиеся по сцене фигуры в камуфляже с оружием в руках и сполохи огня от беспорядочной стрельбы по сторонам. Музыка все еще звучала, но звуки выстрелов покрывали ее. Гости Бронштейна, растерянные от неожиданности, невольно пригнулись, спасаясь от выстрелов. Брянцев тоже был ошарашен происходящим, но пригибаться по пьяной смелости не стал. Так длилось с минуту или чуть больше, пока свет на сцене не стал ярче и публика, наконец, сообразила, что это всего лишь танцующие девицы, переодевшись в камуфляж и вооружившись бутафорскими автоматами, продолжают свой номер, призванный, по мнению остроумных организаторов этого шоу, олицетворять в столь непривычной форме нынешнее, чреватое насилием и разгулом преступности, время. Сделано это было с целью пощекотать нервы у состоятельных господ. По залу пронесся вздох облегчения, слышались нервные смешки. «Они с ума посходили, кретины!» — пробормотал бледный Генрих, сообразив,

что все это понарошку. Но пьяный Брянцев все еще принимал происходящее всерьез. Сейчас он не боялся, что пуля может зацепить его. Он был полон негодования: почему эти люди с оружием гуляют повсюду, не страшась ничего, вынуждая рядовых граждан бояться их?! Хватит, он не станет прятаться от этих головорезов! Какая-то неясная дикая сила сорвала Брянцева со стула. Он побежал к сцене, прыгая по ступеням, чудом удержался на ногах, едва не свалившись по дороге. Добравшись до сцены, где было светлее, он выбрал среди прыгающих на подмостках одну из фигур, что была к нему всех ближе, и, изловчившись, ухватил ее за ногу. Нога оказалась женской, да еще в туфельке на высоком каблучке, что немало удивило возбужденного Брянцева. Но автомат в руке свидетельствовал о том, что он не ошибся и эта девка причастна к насилию. «Ну, стреляй, сука! Стреляй! — заорал он. — Я не боюсь тебя, преступное отродье! Тебе нужна моя жизнь? Возьми ее, на!» — «Ты меня не узнаешь? — спросила танцовщица. — Это же я, Саша...» Брянцев хоть и был не в себе, но все же сообразил, что перед ним та самая девица, которая заходила в квартиру Худолеева, представившись подружкой фокусника. Но это не убавило его пыла. «Спускайся сюда, дрянь! — потребовал Брянцев, продолжая цепко держать ее за ногу. — Отдай автомат!» — «Отпусти мою ногу, дурак, — шепнула ему девица. — Ты срываешь нам представление!» Но Брянцев был неукротим. Он с силой дернул танцовщицу за ногу, пытаясь стащить ее со сцены, после чего та заорала в голос: «Отцепись от меня, урод!» Брянцеву показалось, что лицо ее исказила глумливая гримаса, и это вызвало у него новый приступ ярости. И плохо бы пришлось этой самой «Саше», если бы Брянцеву не помешали. С трех сторон на него навалились какие-то люди, схватили за руки, пытаясь укротить безумца. «А-а! — взвыл он. — Все на одного! Твари!» Увидь сейчас Брянцева его пациенты, привыкшие видеть его респектабельным, воспитанным

человеком, умеющим владеть собой в самых разных ситуациях, они были бы потрясены. «Это не он!» — решили бы они — настолько страшен был вид обезумевшего протезиста. Парни из службы охраны, навалившись на Брянцева, пытались оттащить его от сцены, но тот вцепился в голень танцовщицы, как тонущий в протянутое ему весло. «Помогите! Он мне оторвет конечность!» — взывала «подруга Худолеева», прыгая на одной ноге и норовя стукнуть Брянцева прикладом автомата в лоб. «Не будешь стрелять по людям, подлая!» — задыхаясь, хрипел протезист. Тут на помощь охранникам подоспели Бронштейн, Генрих и Самовар, желавшие спасти приятеля от побоев и неприятностей. Наконец сообщать удалось расцепить пальцы буяна и освободить его жертву, после чего та тут же ударила пьяного борца с преступностью каблуком в лоб и ретировалась в сторону, а Брянцева, сникшего после удара, с помутненным сознанием, поволокли к выходу...

Очнулся он уже в машине, сидя на заднем сиденье. Придя в себя и увидев бегущий за окном вечерний пейзаж, мелькающие уличные огни, несколько мгновений соображал, каким образом он оказался здесь и почему случился провал в памяти. Вид сидящего за рулем Бронштейна не прибавил ясности.

— Куда мы едем? — спросил Брянцев.

— К тебе домой, — ответил тот. И добавил через паузу: — Ну, ты, брат, дал шороху!

— Ты о чем?

— О твоём поведении в ресторане. Пять человек тебя еле обуздали.

И тут Брянцев вспомнил все события вечера, вплоть до того, как он, сорванный со стула неясной силой, помчался к сцене и вцепился в ногу танцовщицы, требуя у девицы застрелить его. Вспомнил полученный им удар в лоб — по силе сродни мужскому. И испытал чувство жгучего стыда за то, что напился до пьяного состояния и устроил в ресторане скандал.

Брянцев опустил стекло в машине и подставил голову летящему навстречу воздушному потоку, который, несмотря на теплый воздух, хоть немного все же освежал. Лоб у него болел от удара.

— Ты стал какой-то нервный, — сказал Бронштейн, не оборачиваясь. — В чем дело?.. Ты все думаешь, что тебя тогда обстреляли и это может повториться?

Брянцев не ответил.

— А где остальные? — спросил он после некоторого молчания.

— Остались в ресторане и ждут меня.

— Останови, — потребовал Брянцев. — Я доеду сам, а ты отправляйся обратно... Неудобно перед людьми!

— Брось! Никуда я тебя одного не отпущу! Уложу в кровать и только после этого уеду. А друзья — ничего, подождут!

— Миш, я уже трезвый, поверь! Сам доберусь

19

В то самое время, когда машина Бронштейна, развернувшись под эстакадой на Самотеке, мчалась по Садовому кольцу в сторону Зубовской площади, где Бронштейну нужно было свернуть направо, Зиновья Платонова, ученица десятого класса, вернувшаяся днем ранее из Ялты, где она отдыхала в компании приятелей, вышла из дома на улицу выгуливать собаку, резвого пятнистого пойнтера по имени Шарло. В отсутствие дочери пса выгуливала мать Зиновьи, Мария Ивановна, и девушка, вернувшись с отдыха, решила дать матери передышку и на пару дней освободить ее от забот о собаке. (Когда-то Шарло щенком взяли в дом по просьбе дочери родители Зиновьи и получили себе еще одну обузу. Девочка могла с собакой только играть, и то в те ми-

нуты, когда испытывала в этом потребность, а заниматься же псом — выгуливать его, кормить, возить на прививки, привозить к нему в дни болезни ветеринара — пришлось родителям, что лишний раз подтверждало общеизвестную формулу: «ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Нет, Зиночка не была бездушной эгоисткой, не способной разделить с отцом и матерью житейские трудности, просто она считала, что у нее слишком много забот и, в отличие от родителей, у которых, по ее мнению, большая часть жизни была уже позади, ей требовалось многое успеть: и прочитать нужную книгу, и посмотреть скандальный фильм, и послушать модный диск, и с подружками провести время, да мало ли что еще захочется сделать молодой девушке, жадной до жизни и знаний, — а заботу о Шарло, ставшем всеобщим любимцем, вполне по силам нести родителям, тем более пес сделал отношения отца и матери, находившиеся до того в стадии охлаждения, вновь доверительными и нежными — любовь к собаке, как ни странно, сблизила их.) Кроме названной, была еще одна причина, по которой Зиночка добровольно взяла сегодня в руки поводок и поспешила на улицу. На улице Зиночку ждал новый друг, Андрей Снегирев, студент-второкурсник МГУ, с которым она познакомилась в Ялте. Андрей специально приехал из «спального» района, где жил с родителями, к дому Зиночки, чтобы хотя бы час побыть вместе с нею. В Ялте, в тихом частном домике, в скромной комнате, оклеенной обоями, с обесцвечившимися от времени коричневыми цветами, где стояли две кровати с панцирными сетками, стол и комод с неработающим телевизором «Рубин» на нем, которую снимали Зиночка и ее подруга, в последний день отдыха и произошло то самое, что венчает отношения двух влюбленных, особенно если они молоды, чисты и полны нерастратченной любовной энергии, — Зиночка (и это было впервые) отдалась молодому человеку и испытала новые, неведомые доселе чувства, после чего худой за-

думчивый юноша с обаятельной улыбкой и птичьей фамилией Снегирев стал ей дорог, как родной. Вернувшись в Москву, Зиночка намеревалась познакомить Андрея со своими родителями, но не спешила с этим. Дело в том, что в Москве уже немалое время за нею ходил по пятам ее одноклассник — тоже с птичьей фамилией — Борька Бакланов. До встречи с Андреем Бакланов нравился Зиночке. Но сердце девушки, надо признать, не билось трепетно, когда он оказывался рядом. Бакланов был хорошо знаком с родителями Зиночки и вечер перед отъездом девушки в Ялту провел в ее доме. Но самое главное, неглупый, остроумный Бакланов был по душе отцу Зиночки, Василию Петровичу, человеку скептическому и взыскательному, заведовавшему кафедрой в одном из московских институтов. Василий Петрович мог отнестись к новому увлечению девушки неодобрительно. По крайней мере, мог усомниться в силе ее чувств: вчера был один, сегодня — другой. А раз так, не станет знакомиться и уйдет к себе в кабинет. С матерью было проще — мать послушно принимала любые увлечения и затеи дочери. Присмотрелся и на этот раз. В общем, со знакомством Андрея с родителями Зиночка решила повременить, пока отец не будет готов к тому, что произошла смена «кавалера» и что нынешнее увлечение дочери носит весьма серьезный характер. Кроме того, Зиночка собиралась переговорить с Баклановым и все ему объяснить, что также, как она понимала, будет не просто... А сейчас, выбежав из подъезда и спустив Шарло с поводка, который тут же оросил колесо чьей-то иномарки, словно выражал тем самым протест против засилья нуворишей в стране, Зиночка искала глазами Снегирева и нашла его стоящим в тени старой липы с сигаретой в зубах, кажется, еще больше осунувшимся за день, что они не виделись, когда вчера расстались на вокзале; и тот пошел ей навстречу, обаятельно улыбаясь, нетерпеливо желая коснуться ее губ и вдохнуть запах ее волос, без чего теперь себя и не мыслил. Они коротко поцело-

вались. Андрей бы длил поцелуй и дальше, но Зиночка освободилась из его объятий, не желая быть замеченной кем-либо из соседей, да и тот же Бакланов, наверняка уже узнавший о ее возвращении, мог появиться здесь в любой момент, а объясняться с ним сейчас не было желания. Хотелось побыть наедине с Андреем, которого она не видела целый день. Даже страшно представить — целый день!.. Вновь взяв пса на поводок, иначе Шарло, подолгу обнюхивавший каждую кочку, где до него побывали другие собаки, не дал бы покинуть двор, Зиночка устремилась на улицу, где можно было безбоязненно гулять под покровом темноты, имея меньше шансов на нежелательную встречу. Здесь, на улице, она принялась рассказывать Андрею, как провела свой день, что делала, о чем думала. Умолчала лишь о том, что постоянно воскрешала в мыслях его образ и картину их любовной близости в Ялте. Думая об этом в течение дня, Зиночка не раскаивалась в содеянном. «Люблю ли я его?» — не раз задавала она себе вопрос. И вместо ответа только блаженно улыбалась. Один раз, поймав свое лицо, озаренное улыбкой, в зеркале, подумала: «Боже, какая физиономия! Неужели я так поглупела?» И рассмеялась, радуясь, что у нее такой глупый вид. При этом она не раз благодарила судьбу за то, что та послала ей встречу с Андреем. Это случилось, надо сказать, в доме Чехова, куда они с подружкой ходили на экскурсию. Какой-то худощавый молодой человек стоял в рабочем кабинете писателя и выглядывал в окно, стараясь понять, что же видел Антон Павлович каждый день из этого окна. Это и был Андрей. А если бы она не приехала в Ялту, подумала Зиночка, а поехала бы в Италию, как планировалось ранее? Или Андрей приехал бы в Ялту на две недели раньше и к появлению там Зиночки уже бы отбыл в Москву? Мысль о том, что они могли не встретиться, казалась Зиночке кошмарной. Слава богу, встреча состоялась. Не будь этого, Зиночке пришлось бы довольствоваться обществом Бакланова,

которого, как стало ясно теперь, она не любила и с присутствием которого просто мирилась.

«А ты?.. Ты думал обо мне?» — спросила Зиночка Андрея после того, как они пробежали несколько метров по газону вслед за Шарло, сильно тянувшим поводок: несмотря на свой восьмилетний возраст, пес был еще крепок и силен. «Еще как! — воскликнул Андрей и взял девушку за руку. — Вчера весь вечер и сегодня целый день... Уж не опоила ли ты меня каким-то зельем? Помнишь, в тот день, когда мы пили вино на набережной и я отошел за чипсами?.. Ты могла подсыпать чего-то в мой стакан! Но знаешь, мне нравится это мое состояние...» Он хотел поцеловать Зиночку, благо здесь никто не мешал, но пес, не дававший им расслабиться, вновь натянул поводок и потащил Зиночку за собой, словно чувствовал, что приобрел в лице Андрея нежелательного конкурента, на которого отныне вместо него станет изливать Зиночка свою любовь. Положение, при котором неугомонный пес диктовал молодым людям свои условия игры, вызвало у влюбленных приступ веселья. Так и бежали они по газону, громко смеясь, не в силах сдерживать собаку...

20

Когда свернули с Садового кольца и доехали до Большой Пироговской, Брянцев, равнодушно внимавший печально-шутливой речи Бронштейна о вреде пьянства, вдруг обратил внимание на машину, летевшую на параллельном ходу, и на человека в ней в бейсбольной кепке и темных очках, сидящего за рулем. «Где-то я уже его видел», — размагниченно подумал Брянцев. И когда тот поднял пистолет с глушителем и направил его на Брянцева, стоматолог сообразил, что видел этого мужика сегод-

ня на Петровке по дороге в ресторан. Брянцев не успел испугаться, как последовали один за другим три выстрела, после чего серый «опель» умчался, свернув в ближайший переулок. Брянцева спасло то обстоятельство, что за мгновение до первого выстрела Бронштейн резко затормозил, опасаясь врезаться в неожиданно затормозившую впереди «волгу». Это была чистая случайность. Но в результате две пули прошли через салон навывлет, разбив стекло в левой дверце сзади, третья попала в дверную стойку с той стороны, где сидел Брянцев, и ни одна не задела его. Бронштейн, не обративший внимания на три глухих хлопка, среагировал только на звон разбитого стекла. Кто-то бросил с улицы камень в окно машины, подумал он...

Не слышал выстрелов и Андрей Снегирев и был удивлен, когда Зиночка, которую он держал за руку, вдруг стала медленно валиться навзничь.

— Зиночка, что с тобой? — Он подхватил девушку за талию, чтобы не дать ей упасть на землю. И ощутил, как в эту минуту над его головой пронеслась чем-то напуганная птица, резко выпорхнув из кустов.

А Зиночка уже не дышала. Только тут Андрей заметил у нее на виске нечто, похожее на раздавленную ягоду вишни. «Что это? Откуда? — подумал он. — Похоже на рану... Как же так? Разве был выстрел? Зачем? Что она, мертва?» И еще немало вопросов задавал себе потрясенный молодой человек, не зная на них ответов и не понимая, как могло подобное случиться. Но было ясно одно: что-то попало Зиночке в висок, смертельно ранив ее. Андрей положил тело девушки на землю, сам сел рядом на выгоревшую за лето траву и словно замороженный тупо созерцал кровавую нашлепку на виске, из которой ползла струйка крови. Лицо Зиночки, ставшее бледным, все еще хранило веселое выражение, с которым девушка рассказывала о проказах, на которые был способен пес Шарло. «Куда бежать? К кому обратиться? Как изменить ход вещей?» — подавленно думал Андрей, впервые в жизни, по-

жалуй, испытывая боль от горечи потери, с которой его молодая душа не хотела примириться.

Шарло, почувствовав неладное, сразу перестал тянуть, лег у ног Зиночки и заскулил в полный голос, словно выражал протест против несправедливости происшедшего, когда юная, полная сил и очарования девушка в одно мгновение лишилась жизни и всего того прекрасного, что могла бы пережить на этой земле, не поступи судьба с ней столь жестоко.

21

После случившегося в тот вечер Бронштейн, получив в доказательство разбитое стекло в собственной машине и пробитую пулей стойку, уже не сомневался, что его приятеля хотят убить.

— Вот видишь, — чуть ли не торжествовал Брянцев, — а ты мне не верил...

Брянцев, надо сказать, на этот раз не был напуган столь сильно, как до того. Возможно, здесь сыграло то обстоятельство, что в минуту покушения он был еще изрядно пьян, а пьяному, как говорится, и черт не страшен. Хотя и протрезвев на следующее утро, Брянцев не испытывал такого страха, какой ощутил после первого покушения. Несомненно, он свыкся с мыслью, что стал объектом охоты. И с удовлетворением отметил, что шаги, предпринятые им по защите себя от злоумышленника, а именно переселение в квартиру Худолеева и отказ от езды на собственном автомобиле, были как нельзя кстати. Тем самым он усложнил задачу злоумышленнику. Теперь злоумышленник вынужден был ловить Брянцева не в подъезде по месту жительства, где удобно вершить расправу, не на автомобильной стоянке во дворе, а на ходу, в неудобной обстановке,

что и показали последние события. «Кто же он такой, черт его возьми! — с новой силой озаботился Брянцев, думая о стрелявшем. — В чем моя вина перед ним? Если, конечно, этот парень не является нанятым исполнителем. А если он — исполнитель, то кто за ним стоит?» По крайней мере, теперь Брянцев знал, как выглядит тот, кто охотится на него. Впрочем, знание это было относительным. Брянцев видел лишь бейсбольную кепку, которая была на злоумышленнике, и темные очки, и понять, что за физиономию они скрывают, практически невозможно. Во всяком случае, злоумышленнику теперь придется изменить свой облик, чтобы в следующий раз не бросаться в глаза ни бейсболкой, ни очками... Придется ему поменять и свой вонючий «опель». Почему «опель» — вонючий, на это у Брянцева не было ответа. Просто так ему хотелось. Хотелось найти какую-либо деталь, уничижающую этого типа, поднявшего на него оружие.

Мысли же Бронштейна по поводу покушения на Брянцева носили совсем иной характер. Во-первых, его «хонда» утратила товарный вид и придется потратить немало времени и денег, чтобы вернуть машине прежний облик. Кроме того, Бронштейн подумал, что следует некоторое время держаться подальше от Брянцева, чтобы самому ненароком не стать жертвой. Но, подумав об этом, он тут же устыдился этой мысли. Бронштейн не был подлецом, способным бросить приятеля в трудную минуту, словно тот оказался зараженным опасной болезнью. Но осторожность все же не помешает, решил он.

На другой день после событий в «Гранд-Оперá» и стрельбы на Большой Пироговской, отоспавшись и придя в себя, Брянцев позвонил Елене. Голова у него после вчерашнего немного побаливала, но это не мешало ему нормально соображать.

Елена узнала его, лишь только услышала голос в трубке. Брянцеву показалось, что она говорит с ним несколько сдержанно, без привычного полушутливого тона.

— Что случилось? — спросил он. — Я чем-то тебя обидел?..

Елена, ходившая второй день под впечатлением тех событий, очевидцем которых явилась, оказавшись в ином времени, и которые мнились ей теперь как некий яркий запоминающийся сон, озадачивая и волнуя, заставила себя встряхнуться.

— Нет, нет, с чего ты взял.

— А меня вчера опять обстреляли, — сообщил Брянцев почти радостно. — Мы ехали с Бронштейном — ты его знаешь — из ресторана...

— И что? — оживилась Елена.

— Ты хочешь спросить: каковы последствия? Как видишь, в меня не попали, иначе я не говорил бы с тобой сейчас... Слава богу, и Мишка не пострадал. А вот в машине имеются повреждения от пуль...

— Кто же тебя так ненавидит?

— Если бы я знал... Но, по крайней мере, я видел его рожу, — возбудился Брянцев, воскресив в памяти облик человека, сидевшего за рулем «опеля».

— Вот как! — Елена даже подпрыгнула на диване. — И как он выглядит?

Брянцев не стал отвечать.

— Сообщу все подробности при встрече, — сказал он.

Елена пообещала приехать к нему через час.

22

Анатолий Степанович Дурко косил на один глаз. Это придавало его лицу плутоватое выражение, которое обычно свидетельствует о наличии ума, но в умниках он не числился, поскольку, извините, был дураком. Это тем более казалось странным, когда собеседник узнавал, что Анатолий Степанович окончил институт, прочел не-

мало серьезных книг — от «Божественной комедии» Данте до «Мертвых душ» господина Гоголя — и даже имеет собственный бизнес. И все же при всем при этом он был глуп, и фамилию носил соответствующую. Казалось, такой человек должен был прогореть в два счета, так на тебе — не прогорал, дела его в бизнесе даже шли успешно, вызывая зависть конкурентов и бывших товарищей по институту, знавших ему цену. Видимо, Господь неусыпно оберегал это свое чадо. Был интересный случай. Однажды Дурко попал в лапы одной мошенницы, прознавшей, что он держит при себе приличную сумму в долларах. Хитрым путем, пользуясь своими чарами (а она была довольно привлекательной особой), мошенница заманила Дурко в номер гостиницы, который сняла заранее, и там напоила шампанским, добавив туда серьезную дозу клофелина, дабы усыпить простофилю и извлечь у него из нагрудного кармана пиджака конверт с зелеными дензнаками, до которых была большой охотницей. Дурко допил бутылку и, вместо того чтобы немедленно уснуть, на что рассчитывала хитроумная дамочка, стал, побрякивая от возбуждения, поглаживать мошенницу по мясистому задку, давая понять, что готов к продолжению отношений на ином уровне. Глаза его при этом (и особенно тот, который косил) оставались ясными, как у дитя, и ничто не свидетельствовало о том, что через минуту-другую сознание надолго покинет дегустатора шипучего напитка. Напрасно ждала мошенница столь желанной минуты — та не наступала. Прошли полчаса, сорок минут, а Дурко был как огурец! Выхода не было. Пришлось мошеннице ложиться с ним в постель и совокупляться, стиснув зубы. Откуда ей было знать, что таблетки клофелина, которые она приобрела в аптечном киоске в метро у своей знакомой, оказались подделкой, одной из тех, каких немало попадает сегодня на аптечные прилавки города. Потрясенная «живучестью» Дурко, сетуя на судьбу, что оказалась так несправедлива к ней, хитроумная дамочка чуть

не разрыдалась, когда кавалер, сделав свое дело и натянув штаны, покинул номер, сунув перед уходом под доньшко пустого бокала мятую пятидесятидолларовую купюру.

Или вот еще занятная вещь. Машина, на которой ездил Дурко, обычно стояла под старым тополем напротив его офиса. Стояла она там и во время одной из редких московских бурь, когда одуревший ветер срывал рекламные щиты со столбов, выдавливал стекла из окон и валил наземь деревья. Рухнул под напором бури и тяжелый ствол старого тополя, оказавшийся внутри гнилым. По счастливой случайности дерево опрокинулось не на крышу «шкоды», принадлежавшей Дурко, и куда должно было упасть по всем физическим законам, а на стоявшие рядом автомобили — их там притулилось пять штук, — и все они разом оказались с помятыми крышами, словно втянули от испуга головы в плечи. На машине же Дурко не обнаружилось ни единой царапины. «Везет же дуракам!» — завистливо думали, глядя на «шкоду», владельцы покореженного автотранспорта.

Был еще любопытный случай. Как-то Дурко встретил на улице приятеля, такого же недалекого, как и он. Они проговорили, стоя на месте, минут сорок — до того им было интересно друг с другом. Стоило говорунам пожать руки и разойтись в разные стороны, как на площадку, где они стояли, рухнул, отвалившись от стены дома, пласт штукатурки весом килограммов в сто и впечатался с грохотом в асфальт, чудом не придавив пробежавшую мимо кошку. Та в последний момент сумела пулей отскочить в сторону, сверкнув обезумевшими от ужаса глазами и мерзко взвизгнув, — тоже, видимо, была из породы везунчиков...

Так вот этот самый Дурко, живший с недавнего времени со своей престарелой мамашей (в прошлом врачом-педиатром) в том же доме на Патриарших, что и семья Смирновых, вдруг воспылал нежными чувствами к их младшей дочери Елене. Мало того, решил в силу не-

достатка ума, что и девушка, бывшая лет на двенадцать его моложе, тоже к нему равнодушна. Встречая Елену на лестнице или у подъезда, Дурко осыпал ее комплиментами — эти комплименты, увы, не были продуктом его личного творчества, а выписывались предварительно из разных книг и заучивались наизусть, — приглашал ее в театры, в кино, на концерты заезжих знаменитостей, но всякий раз получал вежливый отказ. Один раз Елена все же согласилась и пошла с ним на концерт Монтсеррат Кабалье — уж больно ей хотелось послушать прославленную «оперную диву», — о чем потом весьма сожалела. Дурко после этого вечера решил, что девушка готова на взаимность. Поначалу у Елены была мысль поставить назойливого соседа на место, так как она не собиралась ни водить с ним дружбу, ни тем более затевать роман, и однажды, когда Дурко был чересчур настойчив, уговаривая ее сходить на премьеру в Дом кино, сказала ему обидные для человека с физическим недостатком слова, а именно: «Анатолий Степанович, а что с вашим глазом?» — «А что с моим глазом?» — не понял тот. «По-моему, он смотрит не в ту сторону...» — что было весьма жестоко с ее стороны. Косоглазый Дурко не усмотрел в этом ничего обидного. «Он смотрит туда, куда надо, — широко улыбнулся он. — То есть на вас». И не оставил своих попыток по завоеванию прелестной соседки, живущей этажом ниже, с намерением заполучить ее в жены. «Толик, ты ненормальный! — воскликнула его мать, высохшая желчная старуха в очках, не лишенная остроумия, узнав о планах своего отпрыска. — Кто она и кто ты? Еще один кремлевский мечтатель!» Но прошло время, Елена привыкла к Дурко и перестала его сторониться. Поразмыслив, девушка решила, что ее ни к чему не обязывает, если она станет принимать мелкие знаки внимания, которые оказывал ей сосед: он мог подвезти на машине, если Елена спешила, достать билеты в театр на нашумевший спектакль, сопровождать в магазин за покупками. Иногда он дарил ей цветы, а по

праздникам — торт. Подарить девушке что-либо, кроме торта и цветов, у Дурко не хватало фантазии. Но в этом старомодном примитивизме была своя прелесть. В компании подруг Елена посмеивалась над ним, но уже не противилась столь резко его ухаживаниям, как прежде, не видя в этом ничего для себя обременительного. Дурко, почувствовав, что Елена перестала избегать его общества, буквально расцвел. Отныне он считал ее своей невестой, о чем по секрету сообщил некоторым знакомым и сослуживцам, и терпеливо ждал, когда Леночка созреет для вступления в брак с ним. Он не сомневался в том, что это когда-нибудь произойдет... Конечно, если смотреть правде в глаза, Елена вела себя по отношению к Дурко как эгоистка, но что поделаешь — молодость есть молодость и она нередко бывает беспринципна. «Ленка, это нехорошо! — твердила ей не раз по этому поводу Екатерина. — Ты доиграешься...» — «В каком смысле?» — посмеивалась та. «В прямом... Этот косой придушит тебя когда-нибудь, как Отелло!» — «Он на это никогда не отважится... Он безобиден, как муха». — «Ты не знаешь мужчин», — качала головой искушенная Екатерина. «Я ему ничего не обещала», — объясняла Елена. «Это ничего не значит...» — пыталась убедить ее сестра. Если проводить литературные аналогии, Дурко скорее подошла бы роль Квазимодо при Эсмеральде, но не роль Отелло. Ему бы в голову не пришло вцепиться любимой в горло. Сам же он себя сравнивал с Юрием, героем романа Пастернака «Доктор Живаго», который, по мнению Дурко, тоже не сразу сошелся с Ларой, а долго ждал своего часа. Когда Елена узнала, с кем он себя сравнивает, она долго хохотала. А потом сказала: «Анатолий, у вас богатая фантазия...» Дурко же тем временем, прочно войдя в роль жениха, возомнил, что у него есть некоторые права на Елену, и как-то выразил свое неудовольствие однокурснику девушки, проводившему ее до квартиры. Лишь только за девушкой закрылась дверь, провожатый Елены оказался нос к носу с

Дурко, ожидавшим его на лестнице. «Послушайте, молодой человек, — сказал ему Дурко, — не надо провожать Елену домой». — «Это почему?» — не понял тот. «Не надо, и все!» — сухо объявил Дурко, готовый во имя любви на решительные поступки. «А ты кто?.. Спишь с нею?» — с предельной откровенностью спросил провожатый Елены. «Нет», — вынужден был признаться Дурко. «Тогда пошел прочь!» — сказал провожатый и грубо отодвинул Дурко, стоявшего у него на пути, в сторону. Дурко налился краской, задетый таким неуважительным отношением к своей персоне. «Я ее жених!» — воскликнул он с пафосом, словно артист на сцене, желая уесть юного хама. «Жених? — удивился тот. — Чей? Ленкин?.. Тебя что, колбасит? Ты на себя, блин, в зеркало смотрел? Нет? Так посмотри! Ты ж косою! И к тому же старый! Поди, еще с Брежневым взасос целовался!» Заявление юного нахала о том, что он стар для Елены, да еще целовался взасос с покойным генсеком, надо сказать, обескуражило Дурко, лишив его наступательного порыва. И он не нашелся, что ответить, кроме дурацкого: «Лечись, наркоман!» — «Да пошел ты!» — отмахнулся парень и устремился по лестнице вниз, прыгая через ступеньки. Причем в одном месте он споткнулся и едва не грохнулся на каменный пол, но успел ухватиться за перила. «Так тебе и надо, оглоеду!» — подумал Дурко. «Мама, неужели я старый?» — печально спросил он, придя домой и рассказав матери о встрече на лестнице. «Какой же ты старый? — успокоила его мать. — Тебе едва за тридцать... А мужчина в этом возрасте — самый цвет! Лев Толстой и в семьдесят у крестьянок пользовался успехом... Что же касается дочки Смирновых, тебе не следует крутиться возле нее!» — «Да она ко мне со всей душой!» — не согласился с нею Дурко. «Она — девушка воспитанная, вот и терпит тебя», — заметила мать ядовито. Она не хотела, чтобы сын питал какие-либо иллюзии по поводу женитьбы на младшей дочери Смирновых, и всякий раз опускала его с небес на зем-

лю... Елена, следует сказать, на следующий день заката Дурко скандал. «Как вы смеете, такой-сякой, отваживать моих знакомых и угрожать им! Я вас об этом не просила... И если я терплю ваше присутствие, то это не значит, что я собралась с вами в загс. И не вам заботиться о моей нравственности!» — кипела она от негодования. «Лена, Лена, подождите! Я не понимаю, что вас так возмутило? — пытался остановить ее Дурко. — Ладно, вы не хотите быть со мной... Но он вам не пара!» — «С каких пор вы выступаете в роли свахи?» — «Я защищал вашу честь!» — с пафосом воскликнул Дурко. Елена всплеснула руками: «Мою честь? Это от кого? От Сережки? Да знаете вы, что он мой дальний родственник... Кроме того, честь защищают с пистолетом в руках на дуэли или в рукопашном бою! — Она скептически взглянула на Дурко. — А вы, наверное, и пистолет-то не знаете, как держать, видели его только в кино... Куда вам против Сережки!» — «Это я не умею держать пистолет?!» — вскричал оскорбленный Дурко и, выхватив неожиданно из нагрудного кармана пиджака пистолет ТТ, к ужасу Елены, пальнул несколько раз в потолок в лампу дневного света, отчего та лопнула в нескольких местах, как разрубленная змея, и рассыпалась на мелкие куски, явив свидетельство меткости стрелка. «Вы что, рехнулись?» — попятилась от него Елена, и не потому, что напугалась выстрелов, а потрясенная безрассудным поступком соседа. Кроме того, ее поразило, что он вот так запросто носит в кармане пистолет. «Это чтоб вы знали, что я могу постоять за вас!» — самодовольно объяснил свои действия Дурко. «Ну вот, потолок испортили, — сказала Елена, овладев собой. — Кто вас учил палить в доме? Это же не тир! Ненормальный!» На выстрелы открылась одна из дверей на лестничной площадке, и оттуда высунулась бледная физиономия пианиста Мурашко. Это был худой человек с внешностью чахоточного больного. «Что такое? — спросил он. — Кто стрелял?» — «Я», — признался Дурко. Пианист Мурашко

устремил на него широко открытые, немигающие глаза: «С какой целью?..» Дурко застеснялся, словно от неожиданного потока похвал. «Это от любви, — заявил он воодушевленно. — Я люблю и готов доказать это...» — «А стреляли-то зачем? — все никак не мог уяснить пианист, оглядывая пол лестничной площадки, усеянный осколками стекла. — Вы от кого-то оборонялись?» Дурко дернул головой, удивляясь непонятливости соседа. «Нет... Мне надо было доказать этой девушке, — он кивнул на Елену, — что она не права...» Пианист Мурашко поморщился, как от горького лекарства: «Доказывайте в другом месте. Лучше в колонии строгого режима. Сумасшедшая страна!» И, покачав головой, скрылся за дверью. «Доигрались?» — спросила Елена, когда они остались одни. «В каком смысле? — озадачился Дурко. — Играет ваш сосед (имелся в виду ушедший пианист), а у меня другой профиль...» После этого случая Елена некоторое время сторонилась влюбленного соседа, избегая общения с ним. Но сегодня, отправляясь на встречу с Брянцевым и увидев на автомобильной стоянке Дурко, протиравшего тряпкой лобовое стекло своей машины, она вдруг подошла к нему и попросила отвезти ее на Большую Пироговскую. Страдающий от любви Дурко был рад, что девушка, наконец, сменила гнев на милость. Тут же позвонил по мобильному телефону к себе в офис, предупредил, что приедет во второй половине дня, и повез Елену по названному адресу.

В дороге Елена позвонила Брянцеву и попросила встретить ее у дома, дабы она не тратила время на поиск его квартиры.

Дурко, находившийся до того в хорошем расположении духа и даже позволивший себе рассказать Елене пару не очень смешных анекдотов, насторожился, услышав, что она говорит с мужчиной. А уж когда увидел Брянцева, ожидавшего Елену у подъезда, окончательно помрачнел. И было от чего. Статный, по-спортивному подтянутый, с легким загаром на лице, одетый в свет-

лые летние брюки и светло-изумрудную рубашку свободного покроя, с золотой цепочкой на шее, видимой в вырез рубашки, Брянцев, надо сказать, выглядел весьма импозантно — несомненный любимец женщин, и Дурко это сразу уловил — нутром почувствовал соперника.

— Кто это? — спросил он у Елены недовольным тоном.

— Опять вы за старое? — строго ответила та. — Не лезьте не в свое дело! Я вам никаких обещаний не давала... Спасибо за то, что подвезли. Бай!

— Что значит «бай»? — возмутился Дурко. — Нет уж, вы мне скажите, кто это?.. Между прочим, судя по виду, неприятный тип!

— Идите к черту! — усмехнулась Елена и, покинув машину, хлопнула дверцей.

Дурко, переживая случившееся, выключил зажигание и стал наблюдать, что же последует дальше и как поведет себя Елена, подойдя к этому уверенному господину. А та протянула Брянцеву руку, и тот поцеловал ее, поднеся кисть к губам. Потом улыбнулся, вглядываясь в глаза девушки. И Дурко пришел к выводу, что эти двое неплохо знают друг друга. И, возможно, между ними что-то есть. По крайней мере, глаза обоих излучали не просто дружелюбие, а нечто большее, что бывает тогда, когда люди испытывают взаимное влечение друг к другу. Это Дурко понял, даже не будучи тонким аналитиком и знатоком человеческой психологии. «Откуда он взялся? — подумал Дурко о Брянцеве. — Раньше я его с Леной не видел...» И сам не зная зачем, вынул из бардачка фотоаппарат-мыльницу и, наладив его, сфотографировал Елену и ее знакомого, словно являлся частным детективом и следил за неверной женой клиента.

Брянцев, уловив краем глаза вспышку фотоаппарата, обеспокоился, бросил взгляд в сторону машины, на которой приехала Елена.

— Что это?

— Не волнуйся, — сказала девушка. — Это мой сосед... Подвез меня. Его можешь не опасаться.

— По-моему, он нас сфотографировал.

— Тебе показалось... Это не тот, кто тебя ищет.

— Мне кажется, я видел вспышку.

Елена вернулась к машине.

Самое интересное, что Дурко и не думал прятать фотоаппарат и держал его в руке. И Елена все поняла.

— Зачем вы нас сфотографировали? — спросила она.

— Просто так... — Дурко действительно не знал, зачем он это сделал.

— Отдайте мне пленку, — потребовала девушка.

— Ну, вот еще! — воспротивился Дурко. — Там много других кадров...

Елена укоризненно посмотрела на него, словно перед ней был непослушный ребенок, нежелающий прекращать свои шалости.

— Сейчас у меня нет времени, — сказала она, — а вечером поговорим... И вы отдадите мне пленку.

Она вернулась к Брянцеву, и они скрылись в подъезде.

Дурко некоторое время пялился на дверь подъезда, мучительно соображая, что ему делать дальше: уехать ли на работу или остаться здесь и дожидаться, когда Елена пойдет обратно? И решил остаться. Дурко включил зажигание, отъехал в сторону и встал за стоящими там машинами на свободное место. Хотел убрать фотоаппарат обратно в бардачок, но передумал и положил его на соседнее сиденье, чтобы в случае надобности сразу им воспользоваться. Что это может быть за надобность, он и сам не знал.

Ему не давала покоя мысль: кем Елене приходится этот тип, который ждал ее у подъезда? Просто знакомый или больше? При мысли, что это любовник девушки, ему стало нехорошо. Наверное, если бы это был ее любовник, рассудил в конце концов Дурко, он бы поцеловал ее в губы, а не галантно в руку. Вспомнив об этом поцелуе, Дурко несколько повеселел. Интересно, с какой целью

Елена приехала сюда и как долго здесь пробудет? Так или иначе, но он решил ждать до победного.

Неожиданно взгляд Дурко уловил трусящую через двор бездомную собаку. Это было грязное, со свалявшейся шерстью на впалых боках существо, помесь немецкой овчарки неизвестно с кем. Во рту собака держала, прихватив зубами за крыло, сизую гусиную тушку, видимо, найденную где-то на помойке, голова которой болталась на длинной шее из стороны в сторону. Взгляд собаки, устремленный вперед, выражал сосредоточенность и готовность порвать всякого, кто надумает покуситься на ее добычу. Дурко взял фотоаппарат и сфотографировал собаку, хотя та пробежала неблизко — но уж больно забавной показалась ему эта картина...

23

Елена и Брянцев проговорили несколько часов кряду, и Брянцев обстоятельно рассказал девушке о своей жизни, своих связях и привязанностях, ничего не скрывая, словно на исповеди. Не рассказал только о некоторых своих увлечениях школьной поры, посчитав, что это мало что добавит в общую картину. Елену приятно удивила откровенность Брянцева, старавшегося не приукрашивать ни себя, ни свои поступки. Она изредка делала пометки в небольшом блокноте, который принесла с собой, фиксируя то или иное обстоятельство или значимую деталь, способные, с ее точки зрения, помочь найти пути к злоумышленнику.

Затем Брянцев рассказал о новом покушении, случившемся в дороге после застолья в ресторане, и о том, как выглядел человек, стрелявший в него. Здесь Елена просила Брянцева сосредоточиться и вспомнить все, каждую мелочь. То, как описал злоумышленника

Брянцев, мало что могло дать для определения его внешности: бейсбольная кепка, надвинутая до бровей; очки с затемненными стеклами, скрывающие глаза, наподобие тех, что надевают пловцы на соревнованиях; крепкая шея спортивного человека; какая-то линияя майка... Нос среднего размера и небольшая щетина на щеках. Вот и все. Если судить по щетине, у него темные волосы...

— Знакомым он тебе не показался? — не то спросила, не то констатировала факт Елена, сделав очередную пометку в блокноте.

— Нет, не показался.

— А номер машины ты не заметил?

— Нет... Миша в этот момент неожиданно затормозил, и меня отбросило вперед и потом назад. А эта сволочь, сделав несколько выстрелов, тут же умчалась. Вот машину я запомнил хорошо — старый, выдавший виды «опель» серого цвета...

Брянцев вспомнил, что, когда они ехали по Петровке в ресторан, этот самый «опель» тащился в пробке на параллельном курсе, совсем рядом; вспомнил, как злоумышленник, перехватив его взгляд, вдруг широко ему улыбнулся, озадачив его своей улыбкой, а в дальнейшем, то догоняя машину Бронштейна, то отставая от нее, не обращал на Брянцева никакого внимания, словно и не улыбался ему вовсе. Да и Брянцев, надо сказать, занятый своими мыслями, также мало интересовался водителем «опеля», так, короткий взгляд в сторону идущей параллельно машины, не более того.

— А зубы, — поинтересовалась Елена, — какие зубы?

— Ты о чем? — не понял ее вопроса Брянцев.

— Ну, он же улыбнулся тебе... Какие у него зубы?

— Зубы? Нормальные, белые... Хорошие зубы.

— И даже когда он улыбнулся, не возникло мысли, что это знакомый тебе человек?

— Нет.

Елена некоторое время молчала.

— Девять из десяти, — сказала она, — что это нанятый стрелок... Хотя оставим небольшой процент на то, что он из тех, кто был когда-то поблизости от тебя и кого ты не замечал... В силу разных причин.

Брянцев задумался.

— Если бы я видел это лицо когда-либо, я бы непременно вспомнил... Несмотря на кепку и темные очки. — Брянцев взглянул на Елену. Деловитость, с которой та задавала вопросы и обсуждала различные детали, веселила его. Уж больно не вязались ее молодость и очарование с ролью следователя, которую она пыталась играть. — Послушай, — сказал он, — что тебя заставляет этим заниматься? Любопытство? Спортивный интерес? В конце концов, не забывай, что, помогая мне, ты тоже рискуешь получить пулю...

Елена задумалась.

— Даже не знаю, — сказала она. — Наверное, потому, что мне глубоко ненавистна вся эта публика, которая берется за оружие с целью отнять у кого-то жизнь... По какому праву? — спрашиваю я себя. Однажды мы шли с подружкой к ней в гости послушать музыку и обнаружили метрах в двадцати от подъезда тело ее отца. Тот лежал у машины с простреленной головой. Его убили буквально за пару минут до нашего появления... Трудно передать, что я почувствовала тогда. Вот, пожалуй, и все. Других причин нет. Надо мешать этим нелюдям, а не ждать тупо, когда очередь дойдет до тебя или твоих близких... Если я смогу помешать хотя бы одному злому делу, мир станет немного лучше...

Слушая это бесхитростное объяснение, Брянцев вдруг ощутил, как на сердце накатывает теплая волна, и почувствовал неизъяснимую нежность к девушке.

— А ты и вправду была влюблена в меня, когда мы встречались с твоей сестрой? — спросил он. — Или ты лукавила, говоря об этом.

— Нет, это правда.

— А теперь? — взволновался Брянцев.

— Теперь все по-другому.

— И у тебя нет желания воскресить это чувство?

Елена усмехнулась:

— Это попытка оболъщения? Надо сказать, неудачная... Я пришла сюда с другой целью.

— Ладно, ладно, — замахал руками Брянцев. — Закрыли занавес. Отбой!

Но внутри себя он был уверен, что это «отбой» временный. В душе его уже разгорался огонек, вследствие чего влечение к Елене становилось все определеннее. И трудно было противиться этому чувству. Еще между ними ничего не было — ни страстных поцелуев, ни жарких объятий, ни того, что возносит любовников на вершину блаженства, — а он вдруг задался непривычным для себя вопросом: а не жениться ли ему на ней? И вслед за этим спросил себя: неужто во имя этой девушки он готов поступиться своей свободой, без которой не мыслил себя раньше? И не мог ответить определенно ни да, ни нет. Хотя еще недавно ответ его мог быть только один: нет. Но ясно вдруг осозналось следующее: дальнейшие встречи с Валерией отныне невозможны. Он вдруг понял, что разлюбил ее. И неожиданно для себя испытал чувство горечи оттого, что придется бросить ее. В сущности, Валерия была не только прекрасной любовницей, но и хорошим другом.

Брянцев и Елена еще сидели некоторое время, пили чай, обсуждая круг его знакомых. Затем Елена составила список тех, кто, по ее мнению, мог быть причастен к покушению на Брянцева. Таких оказалось пять человек.

Первым в этом списке значился Илья Ветлугин, институтский товарищ Брянцева, тихий, задумчивый человек. Несколько лет назад он взял у Брянцева четыре тысячи долларов займа на короткое время и до сих пор не отдал, несмотря на неоднократные напоминания. У него всегда были причины для оправдания: то женился, то тестя похоронил, то нужны деньги на лечение малолетнего сына, страдающего астмой. В последнее время

Брянцев даже перестал напоминать ему о долге. Когда Елена внесла Ветлугина в список подозреваемых, Брянцев воспротивился:

— Илья на такое не способен... Нанять душегуба и убить приятеля за четыре тысячи баксов — нет... Это приличный, интеллигентный человек!

Елена с ним не согласилась:

— Убивают и за гораздо меньшие суммы, смотри телевизор... И нередко у преступников интеллигентные лица...

— И все же мне мало верится, что Илья причастен к этому... — сопротивлялся Брянцев.

— Может, ты и прав, — сказала Елена, — но проверить эту версию надо.

Вторым в списке стоял Абрам Школьник, человек весьма энергичный и предприимчивый, владелец той самой стоматологической клиники, где работали Бронштейн и Брянцев. Дело в том, что Брянцев вложил когда-то в создание клиники некоторую существенную сумму в долларах, которую выручил от продажи квартиры покойной тетки, и теперь являлся совладельцем предприятия. Узнав об этом, Елена тут же сделала пометку у себя в блокноте и включила Школьника в круг подозреваемых.

— Почему Абрам? — вновь удивился Брянцев, услышав его фамилию.

— Ты же являешься совладельцем клиники, — пояснила девушка.

— Ну и что?

Елена взглянула на него, как на непонятливого ребенка:

— Как — что? Ты его компаньон. И он предлагал тебе выкупить твою долю. Ведь предлагал? Ты же сам сказал об этом... Вот и мотив: убрать партнера, а бизнес забрать себе.

Брянцев встал, нервно прошелся по комнате.

— Ну, ты даешь! — воскликнул он возбужденно. — Абрам — надежный товарищ! Он из приличной семьи! Я знаю его маму...

Елена строго взглянула на него:

— Тот интеллигентный, этот из приличной семьи... Но кто-то же желает твоей смерти! Уж не думаешь ли ты, что это случайный прохожий, которому вдруг не понравилась твоя физиономия?

Брянцев достал из бара бутылку виски. Налил себе немного в стакан, выпил.

— Оставляем Школьника или вычеркиваем? — спросила его Елена.

— Оставляем, — вздохнул он.

Другие подозреваемые, попавшие в список, не имели материальной корысти для устранения Брянцева и проходили по другому разряду. Это были те, у кого имелись личные причины ненавидеть преуспевающего протезиста, пользующегося успехом у женщин.

На первое место в этой группе Елена поставила некоего Андрея Максимовича Шухмина, шестидесятипятилетнего врача-офтальмолога, дочь которого Инга, студентка художественного училища, подруга Брянцева, покончила с собой восемь лет назад, выбросившись из окна. Случилось это вскоре после того, как Брянцев оставил Ингу, увлекшись в очередной раз кем-то другим, и ее отец посчитал Брянцева виновником смерти дочери. Он даже хотел ударить Брянцева на похоронах, но, к счастью, нашлись здравомыслящие люди и удержали безутешного в своем горе отца от столь необдуманного поступка. Отчего Инга покончила с собой — этого никто не знал и теперь уже не узнает.

— Ты подозреваешь этого старика? — вновь озадачился Брянцев, когда Елена произнесла фамилию Шухмина. — Возможно ли?.. Восемь лет сидел в тени и не возникал, и нате — проснулся! Если не сделал этого раньше, чего уж теперь, когда боль от утраты притупилась...

— Боль притупилась, но не прошла, — не согласилась с ним Елена. — И может быть, с возрастом крыша поехала. Бывают такие преступления — пролонгирован-

ные во времени, — когда причина далеко отстоит от совершения поступка, — высказала она не по годам зрелое суждение.

Далее шел Ираклий Петухов, артист эстрады, аккордеонист-виртуоз, с вечно стоящими дыбом вьющимися волосами. С женой Петухова, Машей, Брянцев имел связь несколько лет назад. Та бросила Ираклия ради Брянцева. Бросила, не думая о том, что лишает себя уникальной возможности слушать в домашних условиях восхитительную музыку аргентинского танго, которую так любила и которую по ее просьбе частенько играл на своем аккордеоне Петухов, сидя голый на стуле, после любовного совокупления. Тогда после ухода жены Петухов запил. Звонил по ночам Брянцеву, будучи каждый раз крепко пьяным, обещал закатать его с помощью знакомых бандюков в бочку с бетоном, а еще лучше повесить на нее. Где он собирался найти подходящее судно и рею на нем, остается загадкой, разве что в Питере или Мурманске, но туда пилить и пилить, а затащить протезиста для подобной экзекуции в такую даль вряд ли бы удалось. Брянцев, видя, что артист находится в расстроенных чувствах, утешал его, как мог. Говорил, что не держит Машу на привязи и что она в любой момент может вернуться к бывшему мужу, но сама того не хочет, ссылаясь на «угасший пожар чувств». Обещал поговорить с нею серьезно и убедить ее воссоздать порушенную семью, что и делал неоднократно, охладев к ней; но та так и не вернулась к Ираклию. Однажды в каком-то людном месте, Брянцев уже не помнил где, пьяный Петухов набросился на него с кулаками, но получил сдачи и ретировался. Спустя некоторое время артист, будучи нетрезвым, сломал левую руку и надолго завязал с пьянством, боясь из-за нелепой травмы лишиться профессии, которую любил.

— Ну вот, — поморщился Брянцев, — еще один... Не много ли мстителей, подолгу сидящих в засаде?

— Встречный вопрос: не много ли любовных романов для одного человека? — парировала Елена. — Это похоже на распущенность.

Брянцев только развел руками: сердцу не прикажешь!

— Неужели ты любил всех этих женщин? — спросила Елена.

— Любил и по-настоящему.

— У тебя большое сердце, — хмыкнула девушка. — Как Тихий океан! И после этого ты пытаешься обольстить меня? Забавно! Знай, я тебе не верю. Ты умрешь от переудания на женской почве.

— Ты преувеличиваешь... Что же касается Петухова, он человек легкомысленный, не способный на глубокие страдания... У него до жены были любовницы, были они и после. Думаю, он давно нашел себе подругу и утешился с нею. А обо мне и думать забыл...

— Значит, в списке оставляем, — сказала Елена.

Замыкала список женщина. Звали ее Серафима Бессонова. Это была яркая сластолюбивая особа с решительным характером и дерзким взглядом.

— А эта нам к чему? — поинтересовался Брянцев.

— Вполне возможный вариант, — сухо констатировала Елена.

Серафима была соседкой Брянцева по дому, с мужем которой, Петром, он, случалось, ходил на футбол. Не так давно Бессоновы развелись. Когда был суд и решался вопрос, кому из бывших супругов оставить на попечение малолетнюю дочь, Брянцев свидетельствовал против Серафимы. Мать индифферентно относилась к воспитанию четырехлетней девочки, больше времени тратила на мужчин, с которыми потихоньку изменяла мужу, а дочь использовала как прикрытие. И пока Серафима занималась любовью в чужих квартирах, девочка или маялась от безделья на кухне, слушая стоны распаленной страстью мамы, доносившиеся из комнаты, или проводила долгие часы во дворе в пе-

сочнице, строя и ломая бесчисленное множество раз песочные домики. Если девочка выказывала недовольство, то получала от матери подзатыльники. О чем и поведал на суде Брянцев. Воспитывать девочку доверили отцу, чему тот был несказанно рад. Серафима же, лишившись дочери, пообещала устроить Брянцеву «райскую жизнь», от которой тот начнет по-собачьи лаять на луну. Причем повторяла свои угрозы не раз, встречая Брянцева в подъезде, не стесняясь при этом присутствия очередного любовника, которых теперь, будучи свободной, водила домой без счета, раздражая Брянцева своей похожестью на него самого. Угрозами дело не ограничилось. Иногда Брянцев находил у себя в почтовом ящике всякую гадость — использованные презервативы, битое стекло или пустые пакеты из-под молока — и не сомневался, что это дело рук Серафимы. Брянцев считал, что обиженной женщине для удовлетворения своего мстительного чувства вполне достаточно этих мелочей. Но нанимать убийцу она вряд ли отважится — слишком ничтожный повод (кроме того, в суде были и другие, кто свидетельствовал не в ее пользу), да и сама Серафима все же по натуре не законченная дрянь. Сегодня главным для нее являются любовные связи, и в них она реализует себя, получая необходимую разрядку; лучше проводить время в постели с приятным тебе господином, нежели искать способы устранения провинившегося соседа, от смерти которого ты мало что приобретаешь...

24

Дурко все это время, что Елена провела у Брянцева, просидел в машине, ожидая ее. Ему хотелось есть и пить, но он мужественно вынес эти лишения и не поки-

нул свой наблюдательный пост. Один раз все же вылез наружу, не в силах дольше терпеть нужду, и помочился за щуплым деревцем у «ракушек». За этим занятием его застала проходившая мимо бабка с простецким лицом и авоськой в руках, в которой лежали пакет молока и кочан капусты.

— Образованный на вид человек, — сказала она гневно, — а ссыт где попало!

— Приперло, бабуся, сил нет, — попытался оправдаться Дурко.

— Тьфу ты! — сплюнула старуха, не имея слов комментировать сказанное «зассанцем».

Облегчившись, Дурко вернулся в свой автомобиль. Его потянуло в сон, и, чтобы не уснуть, он включил радио. Автомобиль наполнился звуками джазовой музыки, и Дурко в такт ей зашевелил плечами. Потом пошли последние новости. Завершал новости рассказ о супругах Плешаковых из Перми, проживших в браке пятьдесят лет, и после поздравлений, прозвучавших в их адрес, грянул свадебный марш Мендельсона. «Вот ведь еврей, — подумал Дурко о Мендельсоне, — а какую чудесную вещь сочинил!» Дурко не был антисемитом, а подумал об этом просто так, без всякой ксенофобии, скорее, даже в сочувственном духе: нельзя же все беды на евреев сваливать, как это часто делают газеты националистского толка; не было бы Мендельсона — не было бы и музыки для свадеб, а расписываться под балалайку, сами понимаете, не то! Внимая звукам свадебного марша, Дурко представил, как они вместе с Еленой идут, взявшись за руки, по ковру в зале Дворца бракосочетания, направляясь к столу делопроизводителя, готовящегося зарегистрировать их брак. Елена — обязательно в фате, с букетом белых роз. А он — в новом оранжевом галстуке с большим узлом, освежающим его лицо, — здесь мечтатель увидел себя со стороны... Ну, чем не Юрий Живаго? Потом мысль его пошла дальше,

уведя Дурко в темные дебри спальни, где творится таинство первой брачной ночи, где он и она, погасив свет, тянутся руками друг к другу. Представив Елену в своих объятиях, он прослезился и чуть не лишился чувств, настолько яркой была картина, явившаяся ему. Но тут, к счастью, свадебный марш угас, сделав в эфире свое дело, и на смену ему пришла какая-то бодрая попса, и что там пела певица, Дурко не слушал, словно это жужжала оса, бьющаяся в оконное стекло, на которую не обращаешь внимания. Следующая мысль его была: все-таки жизнь хороша, когда любишь! А то, что он любил Елену — на этот счет у него не было сомнений.

И вот появилась Елена, пробыв в доме более трех часов. Вышла она на улицу одна.

Дурко не знал, как ему поступить: показаться Елене или затаиться в машине и сохранить в тайне свое присутствие здесь. Он пристально вглядывался в лицо девушки, пытаясь понять, что ее заставило провести так много времени в чужом доме: встреча с любовником, рядовое посещение знакомых или какое-либо бытовое дело. Непохоже было, что Елена возвращается с любовного свидания. В ней не было ни живости, ни веселья, что обычно сопутствуют влюбленным девушкам, когда они, счастливые, покидают своих возлюбленных. Взгляд ее был безрадостным и усталым. Это несколько успокоило Дурко. «Наверное, следовало бы открыться и отвезти ее домой...» — подумал он, но азарт ревнивца и желание узнать что-либо еще из тайной жизни Елены воспрепятствовали этому порыву.

Елена тем временем вышла к проезжей части, подняла руку и остановила машину. Переговорив коротко с водителем, села в машину, и та устремилась вперед.

Дурко тут же поехал следом. Вынужденный держаться на расстоянии, дабы не быть обнаруженным, он не всегда поспевал за машиной, в которой ехала девушка, но всякий раз догонял ее, подбираясь поближе.

От голода сосало под ложечкой, но Дурко мужественно терпел, уверенный в правоте своих действий: ведь за все в жизни приходится бороться, и за любимую женщину тоже. Каково же было его разочарование, когда машина, за которой он следовал, после езды по улицам и стояния в пробках подрулила к их дому.

Расплатившись с водителем, Елена вылезла наружу и вошла в свой подъезд.

Дурко некоторое время сидел в машине, положив руки на руль, прикидывая по времени, когда она поднимется на свой этаж. Решив, что прошло достаточно, он поставил машину у решетки, огораживающей бульвар, и направился к дому.

— Анатолий! Где ты бродишь? — набросилась на него мать, когда он, открыв входную дверь ключом, вошел в квартиру. — Щеки ввалились... Ты не заболел?.. Тебе обзвонились с работы. Какой-то срочный заказ. Без тебя не могут решить, что с ним делать...

Дурко устало опустился в кресло, вытянул вперед ноги, наслаждаясь, — в машине не было такой сладкой возможности.

— Пусть управляют без меня, — сказал он, закрывая глаза. — А вдруг я умер?..

— Идиот! — выругалась, всплеснув руками, бывший врач-педиатр, а ныне заслуженная пенсионерка. — Кто говорит такие вещи! С ума можно сойти!.. Есть будешь?

Но Дурко уже крепко спал и видел что-то занятное во сне, потому как брови его заметно шевелились и губы дергались, то растягиваясь в улыбке, то складываясь трубочкой, видимо, для поцелуя, который он хотел запечатлеть на щеке неизвестного нам лица женского пола; кто это был — Елена ли, будоражившая его воображение в последнее время, или та предприимчивая особа, пытавшаяся «вырубить» его с помощью клофелина и с которой он провел сладкие часы, о чем нередко вспоминал с чувством мужского удовлетворения, или кто-то там еще, — нам об этом неизвестно.

Дурко понравилась роль частного детектива, и он стал следить за девушкой. Он приобрел новую машину, о чем Елена не знала, и это позволяло ему действовать скрытно. Теперь в свободное от работы время он ездил за Еленой по ее маршрутам и вскоре знал, где она бывает и с кем водит дружбу. Следить за девушкой ему доставляло удовольствие и вносило разнообразие в его заурядную жизнь. Иногда он даже жертвовал служебными делами во имя того, чтобы поймать удачу и последить за Еленой в дневное время. Пару раз Елена ездила к тому типу (Брянцеву), у дома которого Дурко ждал ее больше трех часов и который ему откровенно не нравился. Ожидая в очередной раз, когда она выйдет от Брянцева, он подолгу разглядывал фотоснимок, сделанный им в первый день, где Елена и Брянцев стояли у подъезда на общем плане, и пытался понять, что же их связывает. Вели они себя не как любовники, и это было очевидно. «Чего она в таком случае ездит к нему? — недоумевал Дурко. — Может, этот малый — ее институтский преподаватель? Непохоже... Она держится с ним довольно независимо». Один раз Елена и Брянцев встречались в городе и вместе заходили в какой-то дом, но пробыли там недолго, что для любовных утех было явно недостаточно.

Однажды Елена обнаружила слезку. Произошло это возле косметического магазина, куда Елена вместе с сестрой шла купить разные мелочи. Еще до того, как они остановились у магазина, она заметила, что за ними по пятам едет какой-то «рено», и сказала об этом Екатерине. «Тебе вечно что-либо мерещится, — ответила та. — Просто он едет в том же направлении...» А уж когда они вышли из магазина и Елена вновь увидела тот же «рено», стоявший на некотором расстоянии от входа, у нее не осталось сомнений.

Она решительно направилась к машине. Каково же было ее удивление, когда за рулем она увидела Дурко.

— Вы?!

— Я, — признался тот, втягивая голову в плечи, как побитая собака.

— Вы что, следите за мной?

— Ничего подобного, — залепетал Дурко, боясь гнева девушки. — Еду, вижу: вы с сестрой. Ну, вот и поехал за вами. Не мог отказать себе в удовольствии...

— У вас новая машина, — сказала Елена, оглядывая «рено». — Иначе бы я сразу поняла, что это вы.

— Может быть, куда-нибудь сходим сегодня? — осторожно предложил Дурко, убедившись, что Елена поверила ему относительно случайности слежки. — Я знаю один ресторанчик, там готовят чудесное «суши».

— У меня нет времени, — сухо ответила девушка, не желая обнадеживать его. Она уже убедилась, стоит ей только проявить доброжелательность и быть милой в разговоре, сосед тут же начинал питать иллюзии относительно их совместного будущего...

«Засветившись» у магазина, Дурко не мог уже ездить за Еленой столь безбоязненно, как раньше. Теперь, когда он преследовал машины, где находилась Елена, приходилось держаться подальше, и в пробках он нередко терял свою «подопечную», отчего поездка теряла смысл. Он затосковал. Жизнь отныне лишалась стимула и теряла остроту. Раньше он был при деле, следуя по маршрутам любимой, теперь же его бытие вновь стало пресным, в котором, кроме его бизнеса, не было ничего занимательного. Он подолгу разглядывал фотографию собственного производства, где Елена была запечатлена вместе с Брянцевым. Он вынимал эту фотографию из бумажника с целью полюбоваться любимой, но невольно взгляд его притягивал стоявший рядом господин. Брянцев на фотографии выглядел озабоченным, но эта озабоченность только подчеркивала его привлекательность, возбуждая ревность Дурко. Дурко почему-то казалось, что если у этой пары в настоящий момент ничего нет, то в будущем обязательно будет. И от этого у него сводило скулы, словно он жевал лимон. Однаж-

ды, думая об этом, он даже заплакал. Дело было вечером, Дурко сидел перед телевизором и смотрел невидящими глазами на экран, где мелькали кадры новостей, и в частности, шел сюжет о детях, брошенных родителями и нашедших приют в детском доме. «Ты стал сентиментальным, — сказала мать, увидев слезы на глазах сына, решив, что тому жалко сирот. — Это обнадеживает... Надоели бесчувственные люди!»

Как-то Дурко не выдержал и спросил у Елены: «Что у вас с этим типом?» Елена, вернувшаяся из гостей и бывшая в хорошем расположении духа, удивленно вскинула брови: «С каким?» — «Ну, с этим... — Дурко щелкнул пальцами, пытаясь найти подходящие слова и описать Брянцева, но так и не смог. — Я вас возил к нему на Пироговку...» — «Ах, с этим... Роман! — воскликнула игриво Елена, желая уколоть собеседника. — Не злитесь. Это просто приятель». Минутой ранее они вышли из лифта и теперь стояли на площадке у двери Елениной квартиры. «Приятель? — не поверил Дурко. И добавил, не подумав, что может тем самым выдать себя: — Вы слишком часто встречаетесь с ним в последнее время». Елена сначала удивилась, а потом рассердилась. «А вам это откуда известно? Так вы все-таки следите за мной? — Она шагнула к нему, и он, пятась, отступил к стене. — По какому праву? Я вам запрещаю это делать! Я, в конце концов, свободный человек, а вы мне никто, сосед, и не более того! — И, видя, что лицо Дурко пошло красными пятнами, воскликнула: — И не вздумайте палить в потолок, несносный человек!»

26

Расставшись с Дурко и войдя в квартиру, Елена прошла к себе в комнату и закрылась там.

Сбросила туфли и платье и, оставшись в нижнем белье, улеглась на кровать поверх одеяла. Лежала и смот-

рела в потолок, думая о Дурко. Он был не так безобиден, как казалось на первый взгляд. Он раздражал ее своими глупыми речами и ролью кавалера, которую пытался играть, в надежде завоевать ее сердце, хотя вел себя, следует признать, корректно. Но все равно он был ей неприятен. Еще устроил за ней слезку, дурак, как за неверной женой. Ну не менять же из-за него место жительства!.. Раздражал ее и Брянцев, но уже по другой причине. Елена чувствовала, что влюбляется в него, чего совсем не желала. И это было мучительно. Она вдруг поняла, что взялась за поиски злоумышленника, охотившегося на Брянцева, не только по причине — выявить преступника, но чтобы иметь возможность встречаться с Дмитрием, когда захочется, не боясь при этом выглядеть навязчивой. Елена понимала, что близость с Брянцевым не сулит ей ничего хорошего. Дмитрий — откровенный бабник, а от таких лучше держаться подальше. И все же Брянцев возбуждал ее воображение. Ее возбуждали его рот, глаза, возбуждало крепкое тело и руки с тонкими пальцами, похожие на руки пианиста. Елену злило, что она не может освободиться от мыслей о Брянцеве и следует за ними, точно собачонка, которую тянут на поводке... А тут еще Дурко со своими ухаживаниями! Надо ему объяснить: пусть не рассчитывает на нее, а ищет другой объект для своих любовных устремлений. Непременно найдется такая, какой Дурко придется по вкусу. Он хоть и глуп, но выглядит вполне прилично. К тому же, говорят, успешен в бизнесе... Интересно, чем он занимается? Впрочем, совсем неинтересно, плевать на него и его бизнес...

У Елены от всех этих мыслей разболелась голова. Но избавиться от них не удавалось, они наседали, точно успешные ратники, осаждавшие город, желающие взять его штурмом. Она попыталась уснуть, не удалось — сон не брал ее, хоть тресни! Мысли продолжали будоражить. Хотелось отделить себя от них и уплыть подальше, как уплывают от опасного берега на моторной лодке. И тогда, желая преодолеть головную боль, она поло-

жила ладонь на лицо и закрыла левый глаз, как проде- лывала это уже не единожды. Несколько мгновений спу- стя мир ее комнаты качнулся, точно вода в большом ак- вариуме, когда его неосторожно переносят с места на место, предметы сместились, как смещаются в аквари- уме и рыбы, и водоросли, и донные камешки, и ее окру- жила темнота, длившаяся около полуминуты (ей даже почудилось, что наступил долгожданный сон), и вслед за этим резко вспыхнули краски, и возник мир иной ре- альности. Открыв глаза, она с радостью ощутила, что внутри нет никаких мучительных дум ни о Брянцеве, ни о Дурко и что она находится там, куда путешествовала не раз, — в прошлом.

Она увидела себя в ином своем доме, сидящей у большого обеденного стола, накрытого к чаю.

За открытыми настежь окнами был светлый летний вечер. Легкий ветерок играл оконными занавесками, заставляя их то взволнованно трепетать, то замирать на секунду-другую.

За столом собралась вся семья: отец, мать, сестра Елены и тетка по материнской линии, Анна Сергеевна. Был здесь и несколько возбужденный доктор Ланге, явившийся сделать Елене предложение.

Доктор был сегодня непривычно разговорчив, чай почти не пил и не ел (лишь коснулся пару раз десертной ложкой куска бисквита, который положили ему на та- релку) и часто поглаживал от волнения свою рыжую бо- родку. И Елена, глядя, как он это делает, почти физиче- ски ощущала знакомую ей шелковистость этой бород- ки, имевшей свойство удерживать в себе запах хороших сигар, которые курил Ланге.

Вошла горничная. Подошла к Елене и, наклонив- шись, что-то шепнула ей.

— Даша, что вы шепчете, — поморщилась мать Еле- ны. — Говорите вслух...

Горничная взглянула на Елену и, получив одобрение, громко сообщила:

— К барышне пришли неизвестный молодой человек и просили ее выйти к нему...

— Без приглашения? — выказала неудовольствие мать. — Скажите ему, что мы сегодня не принимаем. Пусть зайдет в другой раз.

— Кто такой? — поинтересовался отец Елены.

— Не знаю... Я все-таки выйду. — Елена поднялась из-за стола. — Вероятно, какой-то посыльный с письмом. Я оставлю вас ненадолго.

Ланге, что-то говоривший до прихода горничной, умолк и, перехватив взгляд Елены, улыбнулся ей.

Девушка вышла вслед за горничной из гостиной.

Каково же было ее удивление, когда в передней она увидела Родиона, террориста.

— Родион?

Тот охватил ее лицо жадными глазами.

— Я — не Родион... — признался он. И назвал, наконец, свое настоящее имя: — Я — Роман Пустыгин... — И умолк, продолжая пялиться на девушку.

Елена сообразила, что гость не хочет говорить при горничной, и велела Даше выйти.

— Как вы меня нашли? — спросила она, когда они остались вдвоем.

— Это было нетрудно, — признался Пустыгин. — Лиза, горничная доктора, дала ваш адрес...

Он хотел сразу без предисловий сказать Елене о своей любви, он с этим и шел сюда, но в последний момент что-то удержало его от признания, может быть, льдинки в ее глазах.

— Я вас слушаю, — сухо сказала Елена.

— Я пришел с целью увидеть вас... — заговорил Пустыгин, у него все еще была мысль говорить о себе, о своих чувствах, о том, что все это время он думал о Елене, но побоялся в ответ на свою откровенность встретить холодную сдержанность и непонимание. И он перестроился по ходу. — Я пришел поблагодарить вас за все то, что вы сделали для меня... Мое больное состояние

(имелось в виду ранение) не позволило мне выразить свои чувства раньше. Но теперь, когда рана почти зажила, я счел своим долгом прийти к вам и сказать об этом. Не думайте, что простые люди лишены благородных чувств и не способны оценить добрый поступок.

Елена благосклонно выслушала гостя. Сказанное им приятно тешило ее самолюбие, особенно если вспомнить, сколько ей пришлось выслушать неприятных слов по поводу его спасения и от Ланге, и от своих близких, и от подруги Поли, которая, узнав о поступке Елены, пришла в ужас, считая ее поведение крайне легкомысленным. «Это то же самое, что приласкать каторжника, явившегося в дом зарезать кого-либо из твоих близких, — сказала тогда Поля. — Он же убийца, как ты не понимаешь!»

Елена оглядела юношу и отметила, что тот, как и тогда, когда явился к доктору на перевязку, был чисто вымыт, и от него ощутимо пахло дешевым одеколоном, запах которого слегка раздражал, но нынешнее желание Пустыгина содержать себя в чистоте порадовало ее. Сегодня ей особенно бросилось в глаза, что он еще очень молод и, судя по легкому темному пушку над верхней губой, кожа его еще не знала бритвы.

— Право, не стоит переоценивать сделанное мною, — сказала она сдержанно.

— Вы же могли сдать меня полиции, но не сделали этого! — с мальчишеским пылом объявил Пустыгин.

— Сама не знаю, что меня удержало от этого шага, — призналась Елена.

Пустыгину была по душе откровенность девушки. Ему нравилось, что та не хочет выглядеть лучше, чем есть на самом деле.

— А я знаю почему... — сказал он. — Хоть вы из класса богатых, но у вас есть сострадание к бедным людям... — и, чувствуя, что перебирает с похвалами в ее адрес (а дальше надо было либо признаваться в своих чувствах, либо что-то врать о причине прихода сюда),

сказал то, что заготовил заранее (другой убедительной причины он придумать не мог): — Я пришел к вам просить денег... — и, видя, как у нее разочарованно шевельнулись брови, вскричал: — Не для себя!.. — И чуть было не заплакал, что его могут принять за попрошайку. — Мы хотим печатать газету, — объяснил он, — и нам нужна своя типография... Люди должны услышать слова правды!

Елена была озадачена такой просьбой.

— Почему вы решили обратиться с этим ко мне?

— Вы имеете сочувствие к таким, как я, и должны быть с нами.

— Но я не желаю бросать бомбы и стрелять в жандармов... И вообще, я думаю, нельзя сделать людей счастливыми с помощью насилия.

— От вас этого не требуется, — сказал Пустыгин, вновь оценив откровенность девушки и глядя на нее почти с восторгом.

Тут он заметил, что у нее на шее сбоку на стоячем воротнике платья расстегнулась пуговка, и увидел там родинку, похожую на яблочное семечко, отчего душа его возликовала, словно ему позволили взглянуть на редкий бриллиант в хранилище драгоценностей.

Елена тем временем была погружена в свои мысли.

— Сколько вам нужно денег? — спросила она.

— Триста рублей, — ответил Пустыгин без запинки. И здесь он не сочинял. Его товарищи действительно обсуждали возможность создания своей типографии и прикидывали, сколько на это потребуется средств.

— Триста рублей — большие деньги... Хорошо, я подумаю, — сказала Елена. — Я ничего не обещаю, но, может быть, удастся их найти, — и, подводя черту под разговором, добавила: — Встретимся послезавтра в кондитерской Шехтеля на Большой Никитской. В два часа дня.

Удовлетворенный Пустыгин (он получил то, что хотел: свидание с девушкой, о которой и мечтать не смел) попрощался и вышел за дверь.

— Кто это был? — спросил отец Елены, когда та вернулась в гостиную.

Елена не умела врать и честно сказала, кто это был. Умолчала лишь о цели визита гостя.

Ланге вскипел.

— Елена Александровна, вы что же, решили пойти в революционерки? — язвительно спросил он.

— Ничего я не решила, — с виноватой улыбкой ответила Елена.

— Тогда как объяснить подобные встречи?

— Он сам пришел по собственному разумению... Между прочим, Николай Павлович, мой адрес он узнал от вашей горничной.

Ланге досадливо нахмурился:

— Я ее всенепременно накажу... А этого борца за народное дело следует гнать в три шеи, когда он в следующий раз явится сюда!

Тут в разговор вмешалась мать Елены, высокая, полнотелая дама с властным, холеным лицом, державшая в строгости и своих близких, и прислугу в доме.

— Действительно, Лена, общение с подобными людьми тебя компрометирует. Не забывай, твой отец — известный человек, статский советник, тень может лечь и на него.

Елена откинулась на спинку стула, ей был неприятен этот разговор.

— Не понимаю, из-за чего столько эмоций! Николай Павлович, мама! Этот юноша пришел поблагодарить за оказанную ему услугу... Не могла же я вытолкнуть истекающего кровью человека из коляски, куда он запрыгнул. Я отвезла его к доктору (Елена специально назвала Ланге официально «доктором»), и тот, будучи человеком милосердным, обработал его рану. Вот и вся моя провинность.

Александр Николаевич, отец Елены, тоже высокий, как и его супруга, слегка сутуловатый, с гладкой розовой лысиной, с мелкими морщинками возле глаз, похо-

жими на трещинки, которыми пестрят старые живописные полотна, человек мягкий и покладистый, обожавший младшую дочь, деликатно молчал, хотя вся эта история с террористом ему тоже была не по душе. Но Елена — человек уже взрослый и вправе сама решать, как ей себя вести.

Ланге несколько успокоился и старался теперь говорить сдержаннее:

— Я не против ваших добрых порывов, Елена Александровна. Но что касается этого человека... сечь его в детстве было некому! Вот вы его пожалели. И я пожалел. И он жив, дышит воздухом, смотрит на солнце, может быть, даже сходит в баню... — При упоминании о бане Елена болезненно поморщилась. — А генерал Москалев, в которого он стрелял, не увидит солнца и в баню уже не сходит... — Ланге нарочно подчеркнул тему бани. — Потому как отныне лежит на кладбище. А у него остались безутешная вдова и трое детей! — Ланге посмотрел на родителей Елены. — Александр Николаевич, Маргарита Сергеевна, прошу прощения за свою несдержанность... Но мне, как человеку, любящему Елену и пришедшему сюда с известной целью, далеко не безразлично, с кем она водит знакомство.

— Леночка, — заговорила Маргарита Сергеевна, весьма довольная образом мыслей доктора, — Николай Павлович прав. Пообещай нам, что ты больше не станешь встречаться с этим ужасным человеком...

— Что вы от меня хотите? Я с ним не встречаюсь! — воскликнула Елена, сцепив от возбуждения пальцы рук на животе. Любимый ею Ланге выглядел сейчас занудой, наподобие гимназического учителя латыни, и это было неприятно. Как он не понимает! Если он будет вести себя подобным образом и в дальнейшем, стоит ли в таком случае идти с ним к алтарю? Елену охватило раздражение, и ей захотелось сказать что-нибудь резкое, вызывающее, чтобы позлить и мать и доктора. — Хотите правду?.. Я осуждаю этого юношу, взявшегося за

оружие... Но понимаю причины, толкнувшие его на это. Убожество жизни простых людей, нищета, постоянное недоедание и на этом фоне пьянство... А чем они хуже нас с вами? А дай им все, что есть у состоятельных господ, они не станут бросать бомбы в царя и сановников.

— Боже! — всплеснула руками Маргарита Сергеевна. — Откуда ты набралась этих мыслей?

— Наивная девочка! — покачал головой отец. — Дай этим людям хорошую жизнь, их готовность к преступлению не станет меньше. Они будут стрелять и бросать бомбы по другой причине, которую всегда можно найти, было бы желание.

— Я согласна с Александром Николаевичем, — сказала Маргарита Сергеевна. — У этих ужасных людей желание убивать — в крови! Несомненно, все эти господа революционеры — безбожники, иначе помнили бы заповеди Господни... И «не убий!» в том числе.

Большие напольные часы в углу гостиной пробили восемь. Александр Николаевич вынул из кармана жилета свои часы, сверил их с большими часами и, убедившись, что расхождения нет, с удовлетворением, щелкнув крышкой, убрал их обратно в карман.

Пока Александр Николаевич это проделывал, сидящие за столом, умолкнув, внимательно наблюдали за его действиями, словно это был не привычный акт сверки времени, а нечто большее — прелюдия к занимательным фокусам, которые он должен был показывать.

— Для мелкого человека убийство другого — способ самоутвердиться, возможность выйти за рамки своей заурядности. Да-с! По-другому он не может, не имеет никаких талантов! — размышлял вслух Александр Николаевич. — Такие люди еще в раннем детстве начинают с душегубства. Давят живых тварей — лягушек, птиц, собак... Все эти террористы, народники — публика, как правило, ущербная. Вот и ищут пути самоутвердиться. А убил — вроде возвысился, стал фигурой, внимание привлек... А пролитую кровь оправдывают высокими

целями. Чтоб не считали их заурядными душегубами. А душегуб, он и есть душегуб, чем бы ни оправдывал свой разбой. Благо народа, борьба с бесправием и нищетой — только слова, ширма, за которой удобно укрыться... А, не дай бог, власть возьмут — потекут реки крови: начнут резать всех подряд — и состоятельных господ, и своего же брата — простого мужика. Пример французской революции — яркое тому доказательство. Будь от этой публики, Лена, подальше. Дурить головы — они мастера. А наша либеральная интеллигенция им потакает.

— Очень я с тобой согласна, Александр Николаевич, — сказала Маргарита Сергеевна, радуясь внутренне тому, как рассудителен ее муж, — но в одном ты неправ... — Она оглядела присутствующих. — Людей бесталанных много, но не все же они в душегубы идут. Вот возьми, к примеру, меня... У меня тоже нет талантов, но я же не берусь за бомбу!

— Ну что ты, матушка, — мягко заметил Александр Николаевич, — я речь вел о людях мелких, ничтожных, так сказать... А ты — человек заметный, яркий. Ты так с хозяйством управляешься — любо-дорого. Вот и талант!

— Папа, — заговорила Елена, стараясь сдерживать свои чувства, — значит, ты заранее отвергаешь возможность того, что люди, стремящиеся улучшить жизнь других, не могут быть искренними в своих намерениях?

— Да, Леночка, — кивнул Александр Николаевич, — они жаждут убивать, а их так называемые свободлюбивые идеи — тот механизм, который развязывает им руки. Идейные убийцы для меня ничуть не лучше тех, что режут горло соседу в пьяном угаре... Если ты хочешь бороться за более справедливый порядок вещей, борись с помощью мирных средств. Пиши в газету, «сея разумное, доброе, вечное», проводи реформы, убеждай своих богатых сограждан в необходимости милосердия... Что и делают некоторые образованные господа. Нет нужды пачкать руки в крови.

— И все-таки, папа, я не могу согласиться с тобой, что этими людьми движет только страсть к убийству, — сказала Елена. — Это было бы слишком просто. Эти люди выражают иную точку зрения на мироустройство. Они представляют его по-своему. И это их право.

Ланге словно почувствовал, что вел себя чересчур по-учительски, пытаясь воздействовать на Елену, и теперь молчал, что было ему больше свойственно, когда вокруг кипели страсти и велись серьезные разговоры. Но по лицу доктора было видно, что он разделяет мнение, высказанное Александром Николаевичем.

Маргарите Сергеевне надоел этот разговор, и она решила поменять тему:

— К бесу этих народников, Бог их непременно покарает!.. Давайте вспомним, по какой причине пришел к нам Николай Павлович...

Ланге взял было чашку с остывшим чаем и хотел отпить из нее, но, услышав, что заговорили о нем, поставил чашку обратно на блюдце.

— Николай Павлович сделал Елене предложение. Мы с Александром Николаевичем одобряем эту партию... Но что думает по этому поводу сама Елена, мы не успели узнать. Послушаем ее...

Раздражение, копившееся в Елене в процессе разговора, где ей приходилось защищаться, уверенность Ланге, который вел себя так, точно она уже была его женой, — все это требовало от девушки не спешить с ответом. Больше всего сейчас ей хотелось назло всем сказать «нет», как это не раз бывало в детстве.

— Леночка, мы тебя слушаем, — мягко произнес Александр Николаевич; в душе он был против этого брака — ему не хотелось расставаться с любимой дочерью. Никого он не любил так крепко, как Елену. И сам себе не мог объяснить, почему любовь его столь сильна. Ведь была еще одна дочь, старшая, Софья, она сидела тут же за столом (они с Еленой были погодки), но к той он относился сдержанно, словно они состояли в

вынужденном родстве, как это бывает у сводных родителей и детей.

Елена длила мучительную паузу, собрав на себе взгляды присутствующих, — все ждали ее ответа. Ланге смотрел на нее затуманенным взором, предвкушая, что она скажет «да».

— Нет, не знаю... — вдруг жестко, точно капризная девочка, сказала Елена, породив общий возглас недоумения. — Николай Павлович, конечно, человек достойный, — она с некоторым мстительным чувством взглянула в изменившееся лицо Ланге, — но я должна подумать... Проверить свои чувства. Сегодня на этот счет у меня есть сомнения.

— Елена, подожди, как же так? — Ланге был растерян, и рука его, устремленная к ней, безвольно повисла в воздухе, выражая вслед за хозяином недоумение.

— Мне надо подумать, — упрямо повторила девушка и, поднявшись из-за стола, устремилась к выходу, не сказав слова прощания ни гостю, ни своим близким.

Придя к себе в комнату, не зажигая лампы, она опустилась в кресло. Так и сидела в нем, пока не сгустились сумерки и в комнате не стало темно.

Судя по голосам, которые доносились из гостиной, Ланге все еще был в доме. Мать, вероятно, задержала его и оставила ужинать вместе со всеми, желая подсластить неудачнику пилюлю. «Наверное, и водку подали к закускам», — подумала с неприязнью Елена. Затем она услышала смех — это смеялась сестра Софья. И хотя они с сестрой не были близки, Софья как-то проговорила, что очарована доктором и что он — душка! Была в смехе сестры какая-то искусственная веселость, и Елена поняла, что это оттого, что Софья кокетничает с Ланге. Словно в подтверждение этой догадки, из гостиной послышались звуки рояля — это Софья уселась за инструмент и заиграла Шопена, желая показать гостю свое умение. Играла она, надо сказать, хорошо. С большим чувством. У Софьи, несомненно, был талант пиа-

нистки. И Елена, когда слушала игру сестры, ощущала душевный подъем, и слезы нередко наворачивались у нее на глаза. За умение волновать своей игрой окружающих она готова была простить сестре все ее недостатки, и главное — ее жеманность и недалекий ум. Сейчас через стены игра Софьи не воспринималась столь эмоционально, как обычно. Может быть, мешало раздражение, которое Елена почувствовала, ревнуя доктора к сестре. Ей подумалось: раз она ушла, то все должно прекратиться. Так нет, все остались у стола и, мало того, теперь веселились, и это было особенно обидно. И Николай Павлович хорош, подумала она о Ланге, вместо того чтобы уйти и страдать (ведь она не сказала ему «да»), он остался и ведет себя так, словно не случилось ничего неприятного. А вдруг она откажет ему окончательно? Что тогда? Будет также веселиться? Мысль об этом больно ранила ее. Она любила Ланге со всем пылом молодой души, впервые открывая в себе подлинную силу страсти, прекрасно понимая, что пройдет день-два и она скажет доктору «да». Но назло тому, что происходило сейчас в гостиной, назло веселью без нее, назло толстокожему Ланге, который остался пить водку и не ушел домой страдать, она отправится послезавтра в кондитерскую Шехтеля, где ее будет ждать Пустыгин. Деньги, которые нужны Пустыгину, она попросит у отца, не открывая ему истинной причины, зачем ей нужна такая сумма, и отец не откажет ей, как это бывало не раз; только попросит не говорить об этом матери.

Свет от газового фонаря за окном, ограниченный размерами оконной рамы, падал косым прямоугольником на стену, и зыбкие тени от ветвей тополя, росшего напротив дома, шевелились в этом прямоугольнике, похожие на искривленные прутья решетки.

По улице, грохоча по булыжнику, промчалась коляска с подгулявшей компанией, оглашая округу пьяными криками и хохотом. Чужое веселье пронеслось столь стремительно, что уже через минуту Елене стало ка-

заться, что ни коляски, ни пьяных криков не было и в помине, а все лишь почудилось ей.

Ноктюрн за стеной сменился другим. В промежутке кто-то громко похлопал в ладоши, как в театре, и Елена сразу подумала, что это Ланге, — а кто еще станет хлопать Софье? Мать была особой строгой и не позволяла себе умиляться музыкальными способностями дочери: девушка, играющая на рояле, в Москве не редкость, во многих хороших домах девушки умело музицируют. Отец любил иногда послушать игру Софьи, но тоже был сдержан на предмет похвал. Елена догадывалась, что он безразлично относится к ее сестре, и если бы не знала свою мать, как даму строгих правил, не способную заводить романы на стороне, то непременно подумала бы, что отцом Софьи является кто-то другой, а не Александр Николаевич, воспринимающий старшую дочь с холодным равнодушием. К Елене он относился совсем по-иному, и она постоянно ощущала его любовь. Но сейчас это служило слабым утешением. В гостиной вновь засмеялись — на этот раз дружно и оживленно. Возможно, Николай Павлович рассказал что-либо смешное. Хотя он и не был особенным весельчаком, но рассказчик был незаурядный, умел иногда, в минуты вдохновения, посмешить компанию. Елена опять остро ощутила свое одиночество и задыхнулась от жалости к самой себе. Она вдруг подумала о смерти. Подумала о том, что, если она неожиданно умрет, в гостиной также будут собираться ее близкие и принимать гостей. Пройдет время, утихнет боль, вызванная утратой, и все будет, как и прежде: Шопен, смех, веселые разговоры... словно ее никогда не было на этом свете. Тут она вновь подумала о Пустыгине. Вероятно, этот юноша бесконечно одинок и лишен человеческого понимания, иначе, так ей казалось, не пошел бы в террористы. И дело здесь не в желании мелкого человечка самоутвердиться за счет насилия, как считает отец. Счастливые люди не помышляют о разрушении, и руки их не тянутся к

оружию. Воспитание, образование, культура — будь они у тех, кто лишен этого, — несомненно, способствовали бы благородному образу мыслей. Если бы тот же Пустыгин имел возможность раз в неделю слушать в Большом театре Россини или Бизе или любоваться в Лувре полотнами мастеров Возрождения, как это делала она в минувшем году, находясь в Париже, то не помышлял бы о насилии. Строй его мыслей, несомненно, был бы иным. Дальнейшие размышления на эту тему привели Елену к вопросу, который она задала себе: а как бы сложилась ее жизнь, родись она не у своих отца и матери, а, скажем, у какой-нибудь бедной прачки или скотницы из деревни в Нижегородском уезде, где у Александра Николаевича было имение? Пошла бы она по пути таких людей, как Желябов, Засулич и вот этот Пустыгин? Ответа не было. Сознание молчало на этот счет. Представить себя в другом социальном статусе, с натруженными крестьянскими руками, с другой начинкой в голове, она не могла... Сочувственно относясь к убогой жизни, которой жили Пустыгин и ему подобные и которая толкала их на переустройство мира, Елена вдруг подумала, что могла бы изменить жизнь этого юноши. По крайней мере, стоило попробовать. Судя по его горящему взору, он, видимо, влюбился в нее, и можно использовать это обстоятельство, дабы оказать на него влияние и уберечь в дальнейшем от новых шагов по пути насилия. Она возьмет у отца деньги, поможет Пустыгину с гардеробом, снимет ему приличную комнату с пансионом, где он сможет читать книги, которые она будет для него выбирать. Не думая о быте и хлебе насущном, он сможет самосовершенствоваться, и, глядишь, через год от его умоповреждения не останется и следа.

С этими мыслями она разделась, легла в постель и уснула. Перед тем как провалиться в темное, похожее на бездонное озеро пространство сна, она коротко подумала о Ланге. Увидела внутренним взором его милое в

бородке лицо, высокий открытый лоб и под ним добрые внимательные глаза и сказала себе, что любит его, не смотря на занудство, проявленное им сегодня...

27

Александр Николаевич дал, конечно, дочери триста рублей, которые она попросила у него, и даже не поинтересовался, зачем ей такие деньги. Лишь только сказал, поцеловав предварительно в лоб: «Будь осторожна, девочка моя! Знай, я люблю тебя и буду страдать, если с тобой случится беда».

Елена твердо вознамерилась изменить образ жизни юного террориста. Но понимала, что делать это следует деликатно, с присущей в таких щекотливых вопросах осторожностью, дабы не унижить несчастного, — на откровенные подачки он не пойдет, гордость не позволит. Здесь в ней говорил материнский инстинкт, инстинкт женщины, желающей опекать ребенка, хотя она понимала, что Пустыгин не ребенок, а человек взрослый и она никак не годится на роль матери, скорее ей подходит роль заботливой сестры. Конечно, задуманное предприятие придется сохранять в тайне и от родителей, и от Ланге — те не поймут ее. Особенно доктор. Он посчитает, что она повредила в уме, решившись заняться воспитанием убийцы. Но ведь и убийцы нередко раскаиваются в своих поступках. И привести одного из них к раскаянию — что может быть благороднее? И все же Николай Павлович будет против. Когда речь заходит о террористах, его глаза темнеют от негодования. Узнай он о ее желании изменить жизнь Пустыгина, непременно сказал бы, что говорил уже не единожды: «Елена, милая, тебе надо родить. Забота о собственном ребенке избавит тебя от подобного рода прожектов!»

Елена взяла извозчика и доехала до кондитерской Шехтеля на Большой Никитской, куда прибыла с некоторым опозданием. Она попросила извозчика подождать и вошла внутрь.

Народу в кондитерской было немного: у окна сидела молодая женщина с девочкой, ангелоподобным существом лет шести, с русыми вьющимися волосами и бантом на голове, яркая синева которого будто подчеркивала неземное происхождение ребенка; за ними поодаль расположились два респектабельных господина в легких светлых костюмах, с тростями между колен, похожие на англичан, но, судя по речи, не англичане, и пили ликер с печеньем; в углу устроились две милovidные девушки, по виду вчерашние гимназистки, которые весело щебетали, перемежая свои разговоры поеданием мороженого из стеклянных вазочек. Пустыгина среди посетителей не было.

Елена приглядела свободный столик и присела к нему. Не глядя на подлетевшего официанта, заказала себе чай и французское пирожное, которыми славилась кондитерская Шехтеля.

Часы в зале показывали десять минут третьего, а Пустыгина все не было. Его отсутствие удивило Елену, но она была твердо убеждена, что он придет.

Пустыгин же, следует сказать, находился в непосредственной близости от кондитерской. Он пришел заранее к месту встречи и все это время прятался за деревьями на другой стороне улицы, ожидая появления Елены. Он хотел проверить, не приведет ли девушка людей из сысканого отделения. Теперь, когда ничто не угрожало его здоровью, та вполне могла сдать его охранке. Ему было неловко, что он подвергает сомнению ее порядочность, но осторожность для революционера превыше всего. Пустыгин проверял девушку и одновременно стыдился этого. Елена, к его радости, приехала одна. Он видел, как она вошла в кондитерскую, и, выждав некоторое время, последовал за нею.

Войдя внутрь, он сразу увидел ее, сидящую за столиком у пальмы в кадке, погруженную в думы. И то, что она была спокойна и не выказывала признаков недовольства по поводу его опоздания, порадовало Пустыгина. Значит, он ей небезразличен, значит, задел в ее душе какие-то струны.

Пустыгин подошел к столику, поздоровался.

— Простите за задержку... — сказал он. Елена жестом пригласила его сесть напротив, и, усаживаясь, он договорил: — Когда я шел по бульвару, мне показалось, что за мной следят. Пришлось петлять, идти обходными путями.

Он оглядел публику в кафе и остался удовлетворенным, убедившись, что посетители сидят на расстоянии от них и не будут мешать разговору. Он заметно волновался, не зная, с чего начать. И, видя это, Елена заговорила первая:

— Вот деньги, которые вы просили... — Елена вынула из сумочки конверт и протянула его Пустыгину.

Пустыгин растерялся. Он не предполагал, что девушка найдет деньги так скоро.

— Надеюсь, — продолжала Елена, — вы употребите свои силы, господин Пустыгин, на создание типографии и не станете больше стрелять... — последние слова она сказала шепотом.

Пустыгин помрачнел:

— Зачем же так официально — господин Пустыгин? Зовите меня Романом...

— Роман... А по батюшке?

— Аверьянович...

Подошел щеголеватый верткий официант с усиками и напомаженными волосами, одетый не в пример половым в трактирах, носившим рубашки с длинными передниками, а по европейскому образцу — на нем был темный жилет в талию, темные брюки и белая рубашка из тонкого полотна.

Выставил перед Еленой с подноса расписной пузатый чайник, такие же чашку с блюдцем и тарелочку с пирожным.

— Что-нибудь еще-с? — поинтересовался он, убрал руку с подносом за спину.

Елена взглянула на Пустыгина. Тот вежливо отказался, скользнув по пирожному голодным взглядом, который не остался ею незамеченным.

— Принесите еще чаю и... два бисквита (пирожного ей показалось будет недостаточно, чтобы насытить подопечного)... — и подняла упреждающе руку, призывая Пустыгина не противиться.

Официант удалился.

Когда они вновь остались наедине, Пустыгин повертел в руках конверт с деньгами и как-то безрадостно отодвинул его в сторону. Что-то мучило его, какая-то непростая мысль. И Елена видела это. Она догадывалась, что он хочет в чем-то признаться, но не решается.

Пустыгин жадно вглядывался в лицо Елены. Картины общения с нею с той минуты, когда он на ходу вскочил в ее коляску, и до последней встречи в ее доме, сложились в его сознании в некое целое — так видится вошедшему в храм мирянину живописный целостный облик того, что находится внутри, слагающийся из отдельных настенных росписей и икон, — и все Пустыгину было мило в ней. У него было такое чувство, будто он знает Елену давно. Сейчас он не представлял себе, как мог жить раньше, не зная о ее существовании. Прежняя жизнь без нее казалась ему аномалией. К счастью, судьба была милосердной и свела их в одной коляске. В его грезах эта коляска выростала до символа, превращаясь в карету, в которой им предстояло ехать долгие годы. Он чувствовал, что готов к этому. Но вот готова ли она? Любуясь девушкой, он ощутил, что грудь его распирает от избытка чувств, что ему не хватает воздуха... И понял, что должен быть откровенным с нею. Елена улыбнулась ему, давая понять, что готова

выслушать его и быть полезной. И, ободренный этим, Пустыгин заговорил:

— Я должен сделать вам признание... — Он вновь повертел конверт и отложил его. — Да, мои товарищи и я хотим сделать типографию... Но никто не поручал мне искать деньги для этой цели... Я хотел видеть вас, и мне нужен был предлог. Прийти просто так и сказать, что, встретив вас, я потерял голову, я не решился. Так возникла мысль о деньгах для типографии.

— Почему же сейчас вы решили признаться? — спросила Елена, обескураженная его словами. Она не ожидала такого поворота и чувствовала некоторую досаду, что оказалась обманутой.

Ответить Пустыгин не успел. Появился официант, поставил перед ним чайник и все, что к этому полагалось, а также тарелку с бисквитами. Официант был артистичен и скор на руку, но, оказавшись у стола, сбавил обороты и делал все медленно. Причиной тому было его любопытство: малому было интересно узнать, о чем говорят между собой элегантная привлекательная девушка, судя по одежде и манерам, из богатой семьи и студент-разночинец в потертой студенческой тужурке, явно взятой с чужого плеча. Что у них может быть общего? Пока официант крутился у стола, Елена и Пустыгин не проронили ни слова, ожидая, когда он закончит свое дело и удалится. И хотя тот тянул до последнего, но так и остался в неведении, что же за причина усадила столь разных людей за один столик.

Когда он удалился, Пустыгин сказал:

— Я не возьму эти деньги. Сожалею, что обманул вас... Но вот видеть вас, говорить с вами — это... это... — Он не мог найти нужные слова, чтобы выразить свои чувства.

— Ладно, я не сержусь на вас, — сказала Елена, чувствуя себя неуютно. Теперь, когда выяснилось, что причина, по которой она пришла на эту встречу, оказалась ложной, ее присутствие здесь приобретало двусмыс-

ленный оттенок. Меньше всего ей хотелось раздувать огонек пустыгинской страсти и выслушивать его любовные признания. И она решила обходить эту тему, понимая, что это будет непросто, — уж если человек заговорил о своих чувствах, ему захочется услышать что-то в ответ.

— Значит, вы прощаете мне этот обман? — спросил он, устремив на нее горящие глаза.

Елена ответила вопросом на вопрос:

— Послушайте, Роман Аверьянович... но вам же и вашим товарищам нужна типография?

— Да.

— Тогда возьмите эти деньги... Быть может, создавая газету, вы станете иначе смотреть на террор... — Тут она вспомнила слова отца, сказанные им в тот вечер, когда Ланге был у них в гостях. — Есть немало других способов бороться с неравенством и бедностью. Например, реформы...

Это высказывание отозвалось кривой усмешкой на лице Пустыгина. Тут взгляд его упал на тарелку с бисквитами, и, больше не в силах сдерживать себя, он начал жадно есть, предоставляя ей возможность и дальше излагать свои — наивные для него — соображения. И, только доев первый бисквит, он поймал себя на мысли, что слишком торопливо ест и, вероятно, имеет смешной вид. И сбавил темп, приступая ко второму бисквиту.

Поспешность, с которой он работал десертной ложкой и глотал куски бисквита, лишней раз убедила Елену в правильности ее решения: взять этого юношу под опеку. И она с горячностью стала излагать Пустыгину то, что слышала от отца и Ланге, когда спорила с ними, наивно полагая, что может повлиять на образ мыслей заблудшего:

— С помощью реформ можно многое изменить... Улучшить условия жизни, построить дома для бедных...

— Открыть еще сто ночлежек, где вши и убожество?.. Нет! Реформы — это слишком долгий путь, а нам

некогда ждать. Нынешнюю жизнь изменить можно только с помощью насилия, — жестко сказал он, убежденный в своей правоте.

— Ах, нет! — воскликнула Елена. — Пообещайте мне, что никогда больше не станете стрелять в людей.

Он покачал головой:

— Ну что вы, право! Не стану я вам ничего обещать...

Елена не знала главного. Преодолев свои страхи и боль, вызванные ранением, теперь всякий раз, прокручивая в голове события того дня, когда он стрелял в полицмейстера, Пустыгин приходил в возбуждение и чувствовал себя героем. Наряду с этим к нему пришло осознание своей силы, ощущение того, что он многое может. Как просто оказалось застрелить неугодного мерзавца, верша над ним суд и приближая будущую радостную пору для трудящегося человека. То, что, по мнению попов, является прерогативой Бога, доступно и ему, Пустыгину: он, как Творец, способен зачать ребенка, то есть дать жизнь новому существу, и так же, как Бог, может при необходимости отнять жизнь у всякой гадины, если эта гадина угнетает рабочих или истязает заключенных в тюрьме. Мысль о том, что в цивилизованном обществе всякое наказание должен определять суд и только суд, была для Пустыгина чуждой. Он знал одно: суды в Российской империи стоят на страже интересов богатых господ и не могут судить по справедливости. Значит, он и его товарищи вправе вершить свой суд, решая, у кого следует отнять жизнь, а у кого нет. Пустыгину не терпелось снова окунуться в настоящее боевое дело, благо в списке «неугодных», составленном его товарищами, было еще несколько фамилий высокопоставленных чиновников, приговоренных к смерти. Пустыгину каждый день снилось, как он «выходит на охоту» и ждет на улице, когда с ним поравняется очередной экипаж, где восседает человек в мундире и при погонах, которого он должен застрелить. И всякий раз во сне он проделывал это с блеском и, убедившись, что жертва

мертва, бежал прочь, запрыгивал в поджидавшую его пролетку и, сам, настегивая лошадей, уносился прочь от опасного места, чувствуя в себе богатырскую удачу и удовлетворение от содеянного. Но это во сне. А в жизни он настоятельно требовал у своих товарищей поручить ему новое дело, целью которого станет устранение очередного царского сановника. И просил поторопиться с этим, потому как он равнозначен Богу и жаждет новых доказательств своей силы. Этого он не высказал вслух, но подумал. «Ишь ты! — воскликнул по поводу такой горячности студент Коломийцев, отвечавший за подготовку взрывных устройств, имевший немалый опыт в изготовлении бомб. — Понравилось чужую кровушку проливать... — съязвил он. — Быстро ты, брат, освоил эту науку». — «Дурак! — ответил ему Пустыгин. — Там не только чужая, но и моя кровь пролилась...» Коломийцев, конечно, шутил. А вообще-то после убийства Москалева Пустыгин стал в своей среде уважаемым человеком. Всего этого Елена не знала. И верила, что этого мальчика еще можно изменить.

— Роман Аверьянович, — заговорила она, — ведь можно жить по-другому... Ходить в театр, читать хорошие книги... Готовить себя для трудов на пользу общества... Вы еще так молоды.

Он пожал плечами:

— Почему вы думаете, что то, что мы делаем, не идет на пользу общества?.. В детстве мне хотелось другой жизни. Не раз я просил перед сном Господа избавить меня от нищеты... Проснувшись, я хотел оказаться в другом — сытом мире... Но Господь не внял... Потому что его нет, иначе он не допустил бы страданий ребенка... Теперь я знаю: все зависит от человека.

— И все же, — вела свою мысль Елена, — при желании вы могли бы изменить свой образ жизни...

— С какой целью? — спросил он, не понимая, куда она клонит. — Носить дорогие костюмы, как это делают вот эти господа? — Он кивнул на двух респектабельных

мужчин, пивших ликер. — Есть мясные щи, гонять в собственном экипаже? Кутить с цыганами? Ездить в купеческий клуб на Дмитровку и пропивать там за один вечер столько, сколько составляет жалование учителя гимназии за год?

— Это крайности, — сказала Елена. — Я хочу помочь вам... Я буду давать вам ежемесячно некоторую сумму денег, чтобы вы могли снять приличную комнату, иметь необходимую еду, купить одежду... — И, увидев, как изменилось его лицо, воскликнула: — Подождите, я не хотела вас обидеть!

— Помочь? Мне? Но почему? С какого боку? — оскорбился он. — Простите, но так покупают уличную девушку... Я беден, конечно, но все же способен сам себя содержать.

Елена поняла, что поспешила со своим желанием обустроить жизнь Пустыгина, следовало сначала подготовить почву, а уж затем сажать зерно.

— Я не хотела вас обидеть, — повторила она. — Простите, если это так.

— Но почему? — вновь спросил он: ему виделся в ее предложении если не подвох, то какая-то закорючка. — Еще некоторое время назад, когда я, в силу известных обстоятельств, запрыгнул в ваш экипаж, вы хотели столкнуть меня на землю... Я это видел по вашим глазам. И я не осуждаю вас за это. Ведь я для вашей богатой публики — враг. И будь я на вашем месте, сделал бы это непременно. И вдруг вы предлагаете мне некоторое материальное обеспечение... Мне ваши цели не ясны.

Елена хотела объяснить свой порыв, но поняла, что сейчас не следует этого делать.

— Если вы хотите тем самым отлучить меня от нашего дела, — продолжал Пустыгин, — то у вас это не получится. Только смерть остановит меня! — воскликнул он с пафосом, обратив на себя внимание уважаемых мужчин, пивших ликер, сидевших к ним ближе прочих.

Елена почувствовала раздражение на самую себя за глупую затею переделать Пустыгина и на Пустыгина за то, что тот не хотел меняться. Ее мечта оказалась вздором. Правы были и отец, и Ланге, когда убеждали ее держаться подальше от людей, подобных Пустыгину. Не желая продолжать этот мучительный разговор, она поднялась.

Тут же к столику подлетел услужливый официант, рассчитывая на хорошие чаевые, и он не ошибся. Елена положила на стол деньги в оплату за чай, пирожные и бисквиты и, не дожидаясь, когда ей отсчитают сдачу, устремилась к выходу, гордая и оскорбленная тем, что Пустыгин не оценил ее благородных устремлений.

— Благодарю, сударыня! — бросил ей в спину официант. — Заходите к нам еще-с!

Пустыгин полез было в карман в поисках мелочи, чтобы самому расплатиться за свои бисквиты, но там, кроме трех копеек на конку на обратный путь, ничего не было, и он был вынужден смириться с тем, что за него заплатили. Пустыгин пребывал в растерянности. Он не ожидал, что разговор завершится подобным образом, не с тем он шел сюда, чтобы поссориться с той, которая занимала теперь все его мысли. Ему казалось, он имеет некоторое влияние на эту девушку, но просчитался. Минуту-другую он сидел неподвижно, не зная, что предпринять. Взгляд его, помимо его воли, все цеплялся и цеплялся за девочку с синим бантом на голове, сидевшую с мамой поодаль к нему лицом; эта малышка с ангельским ликом раздражала его — уж больно она была хорошенькая, чистенькая, ухоженная, и бант (дорогой, вероятно) небесно-синего цвета, подчеркивающий ее невинность, тоже раздражал, как раздражает быка красная тряпка. Пустыгин с тоскою вдруг подумал, что у него никогда не будет такой дочери. «Что же я сию? — спросил он себя и бросился сломя голову из кондитерской догонять Елену. Грохот стула, опрокинутого им по дороге, вновь привлек к террористу внимание мужчин,

пивших ликер. «Я где-то видел этого мальчишку», — подумал один из них, гладковыбритый, круглолицый, в золоченом пенсне, оседлавшем его крючковатый нос, и вновь повернулся к своему спутнику, с которым вел оживленную беседу.

Пустыгин нагнал Елену, когда она уже села в коляску. Извозчик дернул поводья, трогая лошадь с места. Лошадь еще не набрала ход, и Пустыгин пошел рядом, держась за край коляски.

— Елена Александровна, что же вы, право! — кричал он. — Слова правды вам не по душе! Вот она, разница между вами и нами... Вы, богатые, отказываете нам в праве поступать по собственному разумению, забывая, что мы не дети и нас не надо водить за руку!

Елена во время этого монолога молчала, чувствуя себя крайне неудобно.

Извозчик, не имея от барышни указаний, выжидал, давая Пустыгину выговориться, и не подстегивал лошадь, трусившую легкой рысцой.

— Ах ты, боже мой! — причитал Пустыгин, теперь он бежал рядом с коляской. — А я поверил, что вы лучше, благороднее других! Я полюбил вас! Я думал о вас все эти дни! Не разбивайте мне сердце! Не заставляйте меня думать о вас дурно, не отнимайте у меня надежду! Подумайте о моих словах!

Пустыгин рвал Елене сердце своими выкриками, и, не в силах больше слушать его, она крикнула извозчику:

— Гони!

Тот подстегнул лошадь, и та ускорила ход.

Пустыгин бежал некоторое время рядом, наращивая скорость, но потом начал задыхаться, не поспевая за лошадью, и вскоре отстал и стал удаляться, и скрылся в облаке пыли, летевшей из-под колес.

Господин в золоченом пенсне, сидевший в кондитерской и пытавшийся вспомнить, где он видел Пустыгина, вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.

— Бог ты мой! — вскричал он, обращаясь к своему спутнику. — Вы не обратили внимание, только что тут сидел студент... Это он на Страстной застрелил Москалева. Точно, он! Батюшки, как же так, надо городского!..

Господин в пенсне выбежал на улицу, чтобы кликнуть городского, которого видел часом ранее на углу, и указать тому на террориста, но Пустыгина и след простыл...

А коляска неслась вперед. И Елена не сдерживала извозчика: быстрая езда, прохожие, проносящиеся мимо, ветер в лицо, рвущий шляпку, которую приходилось придерживать рукой, действовали на нее отрезвляюще, возвращая вышедшую из берегов реку переживаний в свое привычное русло.

На пересечении улиц они чуть не наехали на цыганку в поношенной цветастой шали на плечах, с петухом под мышкой. Та возникла на пути экипажа, словно соткавшись из воздуха. Извозчик успел-таки натянуть поводья и увернуть лошадь, да и цыганка в последнее мгновение проявила прыть, резко крутанувшись в сторону, точно в танце. В общем, слава богу, обошлось. Только петух — крупный, рябой, как выгоревшая по осени осока, с массивным гребнем на голове — вырвался из рук своей хозяйки и, пролетев несколько метров, шумно приземлился на большое, уже сгнившее бревно, брошенное кем-то в давнюю пору у самой дороги, спугнув при посадке распластавшуюся поверху кошку, гревшуюся в солнечных лучах.

— Смотреть надо, черт рыжий! — Цыганка погрозила извозчику кулаком, и звяканье металлических браслетов, украшавших ее запястье, сопровождало этот жест.

Слова цыганки, обругавшей сидящего на козлах мужика «рыжим чертом», побудили Елену внимательно посмотреть на извозчика. После резкой остановки коляски тот сидел к ней вполоборота, и, хотя на голове у него был картуз, пряди волос, торчавшие наружу, свидетельствовали о том, что он и вправду рыжий, даже огненно-рыжий, чего Елена ранее, прочно занятая своими мыслями, не заметила.

— Сама не спи, коли дорогу переходишь, — отозвался извозчик, тыкая в сторону цыганки кнутом. И прибавил: — Племя воровское!

После слез с козел и, поправив упряжь, похлопал лошадь по влажному лоснящемуся боку, успокаивая ее.

— Не сердя меня, черт рыжий! — Цыганка ощерила рот в улыбке, и Елена обратила внимание, что у нее красивые ровные зубы и сама она довольно привлекательна, несмотря на свои не юные годы, — ей, видимо, было около сорока, что для женщин ее племени возраст немалый.

— Ой, барышня-красавица, давай погадаю! — предложила она Елене, заглядывая ей в глаза.

— Мне ехать надо, — растерялась та.

— Успеешь к сроку... — загадочно обронила цыганка.

— Держите покрепче сумочку, барышня! — предостерег Елену извозчик. — Обворует, глазом не моргнет!

— А ты не лезь! — строго приказала цыганка и так взглянула на извозчика, что у того похолодела спина. — Не нужна мне твоя сумочка, — сказала она Елене. — Дашь за гадание пятак — хорошо, а нет — и на том спасибо.

Если бы цыганка попалась Брянцеву, оказался он в этом времени, он нашел бы в ней поразительное сходство с женщиной, приходившей в худолеевскую квартиру и просившей пригреть ее, но Елена с той женщиной никогда не встречалась. Она сидела, откинувшись на спинку сиденья, побаиваясь черноглазой гадалки и в то же время не решаясь ей отказать. И когда цыганка, приблизившись, взяла в свои руки ее ладонь, то нимало не противилась этому, словно оказалась под действием гипноза.

— Ты, милая, и здесь живешь и там... вот как получилось, — сказала озабоченно цыганка, изучая линии на ладони девушки.

Елена не понимала, о чем та говорит. А та продолжила:

— Это грех... И будешь ты расплачиваться за то, что многое узнала, чего знать тебе не положено... Выйдешь

ты замуж, красавица, непременно выйдешь, но не сейчас, а много позже...

— Как? — расстроилась Елена. После сегодняшней встречи с Пустыгиным ей не терпелось увидеть Ланге и сказать ему, что она принимает его предложение и что не может жить без него.

— И будет твоим мужем не тот, о ком нынче твои мысли... — Цыганка оторвала взгляд от ладони и подняла глаза на девушку.

И Елена увидела, что глаза ее темны и не отражают света, хотя солнце над головой светило вовсю. Но потом в темных зрачках цыганки загорелись огоньки, словно она взглянула на пламя костра или горящую избу. Елена попробовала выдернуть руку, но цыганка крепко держала ее.

— Ты мечешься между двух сил, — продолжала цыганка. — Определись, с какой из них тебе по пути...

— Нет, нет! — заупрямилась Елена, ее пугали слова гадалки, и она предприняла новую попытку высвободить свою руку. — Не хочу позже (это говорилось о замужестве), не хочу другого в мужа... — Елена готова была расплакаться. Она не желала верить, что ей придется расстаться с Ланге. Но что-то в душе подсказывало ей, что в словах цыганки кроется правда.

— Эва, барышня! — пожалела ее цыганка. — Мышь в ящике хоть и думает, что она умнее факира, но это не так. Человек предполагает, а Бог творит...

Эти слова о том, «что человек предполагает, а Бог располагает», Елена неоднократно слышала от своей матери, но только сейчас ей вдруг открылся их истинный смысл.

Петух, шумно хлопая крыльями, взлетел с бревна и вернулся к цыганке, устроившись у нее на плече.

— Так оно и будет, как я сказала, — заключила цыганка. — Хочешь ты, не хочешь, а терпением следует запастись... И сил душевных потребуется немало.

Кровь ударила Елене в голову: цыганка смеется над ней! Сочиняет бог весть что, лишь бы выудить деньги. Никто не отнимет у нее Ланге, никто, если только она сама, Елена, не откажется от него.

— Прочь, прочь от меня, лгунья! — крикнула в отчаянии девушка, закрываясь от цыганки ладонью, будто ожидая удара хлыстом по лицу. — Гони, извозчик!

А тот только и ждал команды и сразу же стеганул лошадь.

Петух на плече цыганки дернулся, точно его пробил электрический разряд, и, запрокинув голову, звонко кукарекнул. Взвихрилась пыль на дороге. И вслед за этим все исчезло: цыганка, петух и спина извозчика, прыгающая на козлах перед Елениным взором. Исчезли бульжная мостовая, отзывавшаяся резвым грохотом, и летящие мимо дома с пестрыми вывесками лавок... Исчезли, словно чья-то рука стерла слова и формулы с гимназической доски.

Елена открыла глаза и увидела себя лежащей в постели. Мысль, почему она здесь, не посетила ее. В окне висело ночное небо, и в просветах облаков, то появляясь, то исчезая, бродила яркая полная луна. Когда луна выбиралась на свободу, начинала остро серебриться трепетная листва на деревьях под окнами (каждый лист, казалось, позванивал, словно был сделан из легкого металла), но лишь затягивалось плотное облачное одеяло, наступал мрак, и комната, где лежала Елена, лишалась стен и своих предметов. Где-то в неведомом дворе тоскливо выла собака. Что было причиной ее тоски — голодная ли жизнь, хозяин ли выгнал ее из дому, или болела спина, по которой проехала палка мальчишки-озорника, — кто знает?

Елена чувствовала тяжесть на сердце и пыталась понять, что же это такое было с ней на улице — сон? явь ли? — и от отсутствия ответа становилось еще туманнее на душе. Она не хотела перемен, не хотела терять

Николая Павловича. И ругала сейчас себя за то, что, проявив позавчера строптивость, не сказала ему «да». Она убеждала себя, что цыганка обманула ее, желая, вероятно, напугать или просто позабавиться, и тут же спрашивала, обращаясь к себе: какая в этом для цыганки корысть? Никакой. До этой встречи они с цыганкой не встречались... А раз так, то вещунья сказала то, что почувствовала. «Господи! — обратилась она к Богу, глотая слезы, бежавшие по щекам. — Помоги мне, не отнимай его у меня... Я не хочу никого другого, мне нужен лишь он... Не отнимай!»

В очередной раз луна ушла под темный облачный покров, как уходит рыба в глубокую воду, и ответом Елене была крошечная тьма, заполнившая все вокруг. Сердце громко стучало, не давая ей стать частью темноты, напоминая ей, что она жива, а не лежит в могильном склепе и нужно не раскисать и быть готовой противостоять ударам судьбы. Была, правда, у нее и другая возможность противостоять беде, о чем она не забывала: стоило ей только прикрыть ладонью левый глаз на пару мгновений, и она оказывалась далеко-далеко от нынешних печалей и забот. Что она и сделала.

28

— Ты знаешь, Катя, я беременна, — призналась Елена сестре, когда та приехала проведать родителей, и они после ужина остались наедине. — Уже второй месяц...

Екатерина вглядывалась в нее некоторое время, щури близорукие глаза, и затем спросила:

— Кто отец?

Елена пожала плечами, немало удивив этим сестру.

— Как?

— Подожди, — удержала ее Елена от поспешных выводов. — Я сама ничего не понимаю... Я больше полугода ни с кем не ложилась в постель.

— Ты уверена?

— В чем? Что не ложилась ни с кем?

— Что беременна.

— Да. Я была у врача...

Екатерина скептически посмотрела на сестру:

— Ну не святой же дух сделал тебе ребенка? Ерунда какая-то!

Елена молчала, погрузившись в думы. Она теперь постоянно думала о своей беременности.

За стеной в комнате родителей громко работал телевизор (отец с возрастом стал слаб на одно ухо и обычно прибавлял громкость, когда смотрел телепередачи, а мать мирилась с этим), и там кто-то смеялся на экране в полный голос; родители смотрели комедию, предпочитая это зрелище всему прочему, и идиотский смех одного из героев, не раз звучавший на протяжении фильма, делал, видимо, комедию по мысли авторов еще забавнее.

«Как можно так гнусно ржать? А другим это слушать?» — с неудовольствием подумала Екатерина, пытаясь сосредоточиться на сказанном сестрой.

— Может, ты выпила лишку на одной из вечеринок, — спросила она, — и какой-то оборотистый малый воспользовался этим и овладел тобой?

— Не было никаких вечеринок. Ничего ни с кем не было полгода и даже больше... Есть человек, который мне нравится, но до этого пока не дошло.

В голове Елены смутно, как свет далекого фонаря в тумане, маячил образ доктора Ланге, человека из иной жизни, но до недавнего времени она была уверена, что доктор и все с ним связанное (события, люди, впечатления, бытовые детали, звуки) всего лишь сон, часто повторяющийся, как это нередко бывает, в который она погружается с явным удовольствием. Но вот обнаружилось немало признаков того, что это не сон, а нечто иное —

другая реальность. И Елена вдруг ясно осознала, что живет в двух временных измерениях и, как спускаются в подвалы замка, спускается туда, где не следует быть и куда нет доступа обычному смертному. Время для нее теперь не только фактор горизонтальный, как у всякого смертного, но и вертикальный; и все, что там внизу, не сон, а такая же жизнь, и она делит себя между двумя мирами.

— Если я тебе кое о чем расскажу, — сказала она Екатерине, — ты все равно не поверишь... Скажешь, что я сошла с ума.

— И все же Расскажи... Интересно, как происходит непорочное зачатие? Может, твой случай обогатит богословскую науку! — усмехнулась Екатерина и, обняв Елену за плечи, усадила ее на диван, а сама уселась рядом.

Елена, поразмыслив, стоит ли быть откровенной с сестрой, и, решив, что стоит, стала рассказывать ей (так пересказывают сны, припоминая одно обстоятельство за другим) о том, что с ней происходит и как она по собственной прихоти (и странному сложению обстоятельств) оказывается в ином времени. И время это — Москва начала прошлого века, с газовыми фонарями и булыжными мостовыми, с многочисленными деревянными строениями, которые при пожаре сгорают так быстро, как пук соломы, и каменными домами в три-четыре этажа, с печным отоплением и запасами угля; где помои выливают прямо на улицу, а выстиранным бельем завешивают дворы; где по рельсам ходит конка (двухэтажный вагончик, запряженный лошадьми); где полно извозчиков и экипажей, а самоходная диковинка на колесах, называемая автомобиль, сверкающая никелированными частями и пахнущая заграничной кожей желтых сидений, еще редкость; где по улицам разгуливают монашки, франтоватые офицеры, дамы в длинных платьях, приказчики, мастеровые, прачки и гимназисты в форменных тужурках. Обрисовала Елена и тех, с кем живет под одной крышей, с кем общается и проводит

время. Рассказала о Ланге и о том, как стала случайным свидетелем убийства московского полицмейстера.

Когда она закончила свой рассказ, Екатерина показала головой:

— Чертовщина какая-то... Ненаучная фантастика!

Екатерина была старше сестры на семь лет, в силу этого между ними не было соперничества, а всегда была дружба. И не только Елена могла поделиться со старшей сестрой сокровенным, рассказать о своих школьных увлечениях и секретах, но и старшая могла поведать младшей свои тайны, рассчитывая на ее понимание и помощь; и та носила записки дружкам Екатерины или передавала им, что требовалось, на словах, и ни разу не выдала сестру родителям, если Екатерина что-то сделала не так. Елена росла умной, сообразительной девочкой, склонной скорее к прагматическим оценкам происходящего, нежели к юношеским преувеличениям и неумным фантазиям, и поэтому Екатерину немало смутило то, что она услышала.

— Я же говорила, что ты не поверишь... — вздохнула Елена, увидев растерянность сестры.

— А если бы я тебе рассказала нечто подобное? Любовь с доктором в другом времени, беременность от него... Ты бы поверила в это? — и, видя, что Елене нечего возразить, продолжила: — Вот видишь!.. Даже если представить, что ты иногда ходишь в другое время, но жизнь твоя здесь, а не там!

— Получается, и здесь и там.

— Но беременной ты стала, я уверена, не от виртуального доктора... Та жизнь, если таковая существует, в лучшем случае некий придаток к твоей сегодняшней жизни.

— Ты понимаешь, произошла странная вещь... Я одинаково нормально существую и там и здесь.

— И ты говоришь, что у тебя там есть родители?

— И старшая сестра есть. Но это другие люди.

Лицо Екатерины омрачилось. Она не могла представить себе, что у ее сестры Ленки, милой Ленки, которую

она знает с колыбели, которую ей даже доверяли нянчить, есть другая сестра. Другая — не она! И другие родители! Это было ужаснее всего, если верить в реальность рассказанного.

— А чего тут удивляться? — сказала Елена.

— Ты образованный человек, — с жаром заговорила Екатерина, — учишься в институте... И тебе хорошо известно, что и ты и я (и прочие!) есть суть определенных генетических комбинаций, сформированных нашими родителями! И не может быть иначе. Остальное, как я уже сказала, ненаучная фантастика. Давай покажем тебя психотерапевту. Может, он определит природу случившегося с тобой: последствия шока, галлюцинации... Слушай, а ты не балуешься наркотиками? — осторожно спросила она.

— Ну вот, приехали, — сказала отчужденно Елена, освобождаясь от руки сестры и поднимаясь с дивана. — Больше ничего рассказывать не буду. Считаю, что я пошутила...

— Подожди, — поднялась за ней Екатерина. — Не кипятись! Ну, допустим... допустим... — она не договорила фразу, не объяснила, что подразумевала под словом «допустим», и спросила: — А что ты будешь делать с этим ребенком? Рожать?

Елена неопределенно пожала плечами.

— Как ты будешь объяснять, кто его отец? — продолжала пытаться сестру Екатерина. — Некий симпатичный доктор с рыжей бородкой, который жил столетие назад... Но это же абсурд!

Екатерина уехала в сомнениях, так и не поверив до конца рассказу Елены о докторе Ланге, их любви и прочем, считая все это выдумкой и храня в себе удивление: зачем сестре так буйно фантазировать? Когда они прощались в прихожей, Екатерина шутливо погрозила сестре пальцем, и, вспоминая после этот жест, Елена вновь посетовала на свою откровенность. То, что с ней происходит, сложно понять нормальному человеку и лучше,

видимо, об этом никому не рассказывать. А то действительно дело может кончиться психушкой.

Лежа в постели, глядя на причудливые пятна света из окна, ложившиеся на стену и хорошо видимые в темноте, она вновь и вновь думала о двойственном характере своей жизни. И все же то, что происходило с нею в ином времени, больше походило на сон — бывают такие сны, где все настолько выпукло и ярко, что у спящего возникает иллюзия реальности происходящего. Видимо, так и следует это воспринимать. И не стремиться туда. Разве ей плохо здесь? Разве ей не по вкусу сегодняшняя жизнь, люди, с которыми она общается? Разве ей неприятен Брянцев, которому она взялась помогать? Наоборот, его присутствие в ее жизни наполняет Елену волнением, свидетельствуя о том, что она опять, как и тогда, будучи девочкой, когда он встречался с ее сестрой, влюбилась в него. Господи, а тут эта беременность! Зачем она? Действительно, звучит абсурдно: забеременела от человека, жившего сто лет назад. Может быть, врач, у которого она была на приеме, ошибся? Да нет, все признаки налицо... А что она скажет Брянцеву, когда скрыть это будет уже невозможно? Если она Брянцеву небезразлична, тому придется смириться с этим. Вот только вопрос: нужна ли ему беременная подруга? Дима вряд ли станет менять свой образ жизни и уж тем более заводить детей. А если сделать аборт?.. Уничтожить эту маленькую жизнь, которая формируется в ней, и закрыть тем самым тему?

29

А что же Брянцев, о котором мы несколько забыли? Что происходило с ним? Все последнее время он только и жил встречами с Еленой. Он продолжал ходить на работу, соблюдая при этом меры предосторожности,

но не усердствуя чрезмерно в обережении себя, и все никак не мой уйти в отпуск, как ему советовали. Брянцев намеревался поехать в Париж и уже оформил путевку, но время поездки еще не пришло, и приходилось маяться в Москве, мучиться от жары, дымного, прогорклого воздуха, прилетавшего с горящих в Подмосковье торфяников, оберегая себя от случайных встреч. Надо сказать, Брянцев все больше и больше заводился оттого, что какой-то неизвестный субъект в корне изменил его жизнь, заставив его существовать в расчете на постоянную опасность, грозящую ему. Ах ты, боже мой! Как он ненавидел этого неизвестного. Тоже мне, персонаж из лермонтовского «Маскарада»! Ярость Брянцева на этого неизвестного с каждым днем набирала обороты, и теперь он не боялся последнего, как раньше. Если ему суждено погибнуть от его пули, рассуждал Брянцев, значит, так тому и быть. Ежедневно телеканалы сообщают о заказных убийствах, происходящих в городе, и это как эпидемия, которую не остановить. И каких людей убивают! В этих обстоятельствах держаться за свою заурядную жизнь стоит ли? Знать бы только, что за сволочь преследует его и в чем его вина. Но с другой стороны, почему он по чьей-то злой воле должен уйти со сцены? А он не желает уходить! Он еще не доиграл свою роль, не пересекся со многими персонажами пьесы, не прошел по карте сюжета и полпути... Нельзя закалывать Гамлета в первом акте!

Когда в очередной раз, встретившись в квартире Худолеева, он с Еленой анализировал ситуацию, Брянцев вдруг спросил:

— Ну, хорошо, вот мы его вычислим — поверь, я этого очень хочу! — но что дальше? Что мы с этим знанием станем делать?

Этот вопрос застал Елену врасплох.

— Не могу же я, подобно этому типу, взять в руки пистолет и устроить охоту на него? — продолжал Брянцев. —

И вызвать на дуэль тоже не могу... Пожалуй, в отместку я мог бы удалить ему пару коренных зубов без анестезии, — пошутил он, — но для этого его потребовалось бы затащить к нам клинику...

— Мы обратимся в следственные органы, — сказала Елена, — чтобы его арестовали за попытку убийства...

— А доказательства?

— Пробитая пулей стойка в машине Бронштейна. Надеюсь, он не отдал свою машину в ремонт?

— Нет, только вставил новые стекла. В милиции не хотели браться за это дело, — пояснил Брянцев, — со скрипом согласились... И просили пока не заделывать повреждения от пуль.

— Вот видишь, — оживилась Лена. — Кроме того, у тебя есть пуля, найденная на месте первого покушения. Пробоина в машине Бронштейна и пуля с улицы помогут идентифицировать оружие... Впрочем, нет. С чердака этот тип, несомненно, стрелял из винтовки с оптическим прицелом, а тут у него был пистолет с глушителем...

— Соображаешь, — безрадостно заметил Брянцев, понимая, что шансов выявить преступника крайне мало.

Он принес с кухни две чашки кофе, сахарницу и коробку с зефиром. Поставил на стол.

— Может, включить музыку? — предложил он с легкомысленной усмешкой, намекая на то, что, раз дело тупиковое, не лучше ли заняться чем-либо более полезным.

Елена покачала головой:

— Ах, Дима! Перестань... Лучше послушай, что мне удалось выяснить по списку подозреваемых.

Так уж получилось, первым, кого Елена решила проверить из тех, кто значился в списке, был аккордеонист Ираклий Петухов. Найти адрес артиста оказалось несложно. Елена обзвонила ряд концертных организаций, нашла ту, с которой Петухов сотрудничал, и получила адрес и телефон. По счастью, в это время у Петухова не было гастролей, и он находился в Москве.

В один из вечеров Елена дозвонилась ему домой. Судя по взрывам смеха, громким голосам, звону посуды, доносившимся из трубки, у Петухова шла гулянка, и сам он говорил не совсем трезвым голосом. Елена представилась журналисткой и сказала, что хотела бы взять у него интервью. «Я готов! — жизнерадостно заявил Петухов, будто всю предыдущую жизнь только и ждал ее звонка. — Приезжайте ко мне прямо сейчас, и мы славно побеседуем... Тихо вы, неучи! — прикрикнул он на кого-то в комнате. — Это звонит журналистка из газеты, «акула пера» хочет взять у меня интервью... — и спросил игриво у Елены: — А вы хорошенькая?» — «Очень», — ответила та. «Так я жду», — обрадовался аккордеонист. «Нет, нет, у вас гости, — отказалась Елена. — Лучше встретимся завтра...» На другой день ровно в назначенное время она была по адресу, где Петухов репетировал с музыкальным коллективом, с которым работал последние полгода. Петухов оказался высоким, худым, подвижным человеком лет тридцати. Одет он был в черные джинсы и малиновую майку без рукавов, на левом плече была видна небольшая аккуратная татуировка, изображающая голову быка, — дань моде. Его бледное, помятое лицо, состоящее из складок, морщин, вмятин, говорило о многом. Оно, как географическая карта или путевой дневник, могло поведать о тех многочисленных точках на просторах нашей необъятной Родины, где Петухов побывал с концертами, где пил в случайных компаниях, любил женщин, получал за пьяную заносчивость по морде и был обласкан провинциальным благодарным зрителем, любившим его игру на аккордеоне. Дождавшись перерыва, Елена подошла к Петухову, представилась, и тот, просветлев взором, увел ее по коридору в небольшую комнатку с одним окном, которая, судя по находившимся там двум столикам с зеркалами, отражавшими небо с улицы, была гримерной. Следом в гримерную явилась верткая щуплая девица, довольно

юная, с черными завитыми волосами средней длины и нахальным выражением лица, похожая на непричесанную куклу, и бесцеремонно уселась в углу. «Это моя фанатка, — пояснил Петухов. — Она нам не помешает...» Елене пришлось смириться с присутствием девушки, хотя удобнее было бы беседовать с глазу на глаз. «Слушаю вас, — несколько жеманно начал аккордеонист, усадив Елену на стул и усевшись напротив. — Чем мы, скромные музыканты, привлекли внимание прессы?» Елена буркнула что-то невразумительное в ответ и, прежде чем расспрашивать артиста на интересные ее темы, решила для отвода глаз начать с вопросов, которые обычно в таких случаях задают журналисты: когда и где родился? в какой семье? чем занимались родители? как приобщился к игре на аккордеоне? и т. д. На вопрос: «Почему у вас такое странное сочетание — грузинское имя и русская фамилия — Ираклий Петухов?» — артист ответил: «Да, действительно... Логичнее было бы Ираклий Петухадзе, как зовут меня иногда приятели...» Фанатка в углу прыснула и похлопала в ладоши. Она и в дальнейшем не раз хлопала, когда Петухов говорил что-либо, с ее точки зрения, остроумное. А тот посмотрел на нее просветленным взглядом и продолжил: «У моего отца был друг-грузин, Ираклий... Он погиб, прыгая с парашютом... — здесь Петухов шмыгнул раз-другой носом, то ли валял дурака, то ли взаправду скорбел об усопшем. — Так я стал Ираклием. И всю жизнь отвечаю на этот надоевший мне вопрос. И вы, душа моя, не оригинальны... Одно время я хотел было взять сценический псевдоним и называться Иваном, но жена отговорила...» Как только Петухов заговорил о жене, Елена востропилась: это был повод поговорить с Петуховым про его личную жизнь и заодно прощупать его, что он за человек и способен ли нанять убийцу. «Вот, вот, — сказала она будничным тоном, — расскажите поподробнее о своей личной жизни. Читатели нашей газеты всегда

интересуются этим. Я сама удивляюсь, почему их так занимает личная жизнь музыкальных кумиров...» Петухов понимающе осклабился (хотя ему-то, не имевшему громких скандальных романов, нечем было особенно поделиться — не про пирушки же рассказывать в дальних гастрольных поездках и про любовные утехы там же?). «Личная жизнь артиста, душа моя, для читателя все равно, что для мух сладкий арбуз, лежащий кусками на тарелке!» Фанатка опять похлопала. Елена бросила на нее неприязненный взгляд. «Вы женаты?» — спросила она у Петухова. «Был, — с видом провинившегося подростка признался тот, словно женитьба была серьезным грехом. — Два раза!» — «О-о!» — последовал возглас Елены. А «лохматая кукла» опять похлопала в ладоши, на этот раз излишне оживленно: видимо, ей нравилось наличие у аккордеониста в прошлом двух не прижившихся жен. Елена вновь удостоила ее неприязненным взглядом — этот заморыш в углу мешал ей, но приходилось терпеть. «Извините, — сказала Елена, ангельски улыбаясь, — а можно о женах чуть поподробнее?.. Я оставлю в материале только то, что вы утвердите», — добавила она, вызывая Петухова на откровенность. «Дат тут интересного мало! — заявил Петухов, вдруг открыв для себя, что журналисточка весьма привлекательна и что за нею можно приударить. — Жены — это, блин, особая статья... Первая бросила меня, вторую — я». — «Как вы перенесли, что первая вас бросила?» — поинтересовалась Елена. «Весело!» — по-гусарски соврал Петухов (в рассказе Брянцева все выглядело иначе) и опять сорвал аплодисмент фанатки. На этот раз, видимо, отдавая себе отчет, что врет, Петухов сделал ей знак рукой — не надо оваций! — и та утихла, как говорят, на полуслове. «Весело перенес, — повторил аккордеонист, — хотя и запил на некоторое время...» (Это была правда.) «Она что же, ушла к кому-то? — продолжала тянуть за ниточку Елена, радуясь, что не она, а сам Петухов заговорил на эту тему. — Бросить талантливо-

го музыканта... Не понимаю! Не сошлись характерами? Расскажите, это в газету не пойдет...» — «Сей предмет — мало интересен для обсуждения! — высокопарно заявил Петухов, и Елена уже подумала, что тот не станет откровенничать, но, к счастью, Петухов продолжил: — Нет, вы подумайте! Бросила меня, гения аккордеона! И ушла, блин, к какому-то вшивому протезисту, который — дым, пена, фуфло! (В этом месте рассказа Брянцев поморщился.) Дай ему ноты, он Мориса Жарра от Пахмутовой не отличит! Как, бишь, его фамилия? — озадачился он, но так и не вспомнил. — Запамятовал...» И Елена почувствовала, что Петухов не врет. «Но, может быть, тот, к кому ушла ваша жена, талантлив в своей области?» — встала она на защиту Брянцева. «В чужой рот талантливый человек не полезет! — заявил Петухов. — Весь его талант, блин, — в штанах!» Тут девица в углу залилась смехом и опять принялась молотить в ладоши, словно сидела на концерте. Петухов бросил на нее веселый взгляд — этот заморыш в углу, в грязной джинсовой мини-юбке, блеклом топике и полоской крепкого молодого живота между ними, действовал на него благотворным образом, почему он, видимо, и терпел ее рядом. «Как же, блин, его фамилия? — вновь озадачился аккордеонист, будто оглашение вслух забытой фамилии могло стать свидетельством человеческой ничтожности Брянцева и грубой ошибки первой жены, променявшей музыканта на зубоврачебную вошь. — Вспомнил! Не то Глянцев... не то Прянецв! Как-то так...» Судя по всему, и Елена чувствовала это, Петухов был абсолютно искренен, говоря, что забыл фамилию Брянцева. Столько после этого было событий, лиц, любовных приключений, что он (Петухов) вспоминал о романе своей жены со стоматологом как о чем-то неприятном, но не смертельном, как вспоминают об излеченной гонорее, которая в свое время доставила больному немало неприятных минут. «Поначалу я, надо сказать, пережи-

вал, — вдруг признался Петухов. — И даже запил... Но потом убедился, что Бог не делает, все к лучшему! Жена оказалась глупой бабой, и мы все равно когда-нибудь разошлись бы... Кстати, этот зубодер вскоре ее бросил. Вот так. Попрыгунья стрекоза лето красное пропела! Прибегала ко мне потом в соплях: Ираклик! Ираклик! Но поздно! Гуд бай, Бразилия! — был мой ответ». Потом речь зашла о второй жене. Та застала Петухова в собственной ванной с одной известной эстрадной певицей. «Люся! — убеждал ее Петухов, оправдывая наличие в ванной голой женщины. — Поверь, у нас деловые отношения! Мы с ней как брат и сестра! Сама знаешь, только что прилетели с гастролей, а через час опять концерт — надо принять душ, а времени в обрез!» Жена что-то стала нервно выкрикивать, обвиняя Петухова, ругая общую мужскую неразборчивость и кляня весь род человеческий, способный на измену. Она потрясала кулаками, стучала ногами, бросала в мужа попавшиеся под руку банные предметы. Петухов некоторое время скорбно слушал, выставив напоказ мокрые гениталии, потом сказал: «Уйди прочь! Иначе я рожу от тебя... А мне по законам природы это не положено, я по другой части». Рассерженная супруга пыталась что-то договорить, но Петухов с напрягшимися на шее жилами заорал: «Вон!», и та ретировалась, оставив музыкального виртуоза наедине с самим собой. Певица сбежала несколькими минутами ранее, когда в голову Петухова полетели тюбики с зубной пастой и шампуни в пластиковых сосудах. Обо всем этом музыкант простодушно поведал Елене и заморышу в углу, смягчив, правда, при этом краски и остроту выражений и заверив слушательниц, что певица Тонька Запутина, с которой его застала жена, находилась с ним в ванной исключительно с целомудренными целями: и вправду через час у обоих был ответственный концерт в ДК Горбунова, и артистам требовалось обрести необходимый свежий вид. (Слушая эту историю, остроумно

пересказанную Еленой, Брянцев испытал чувство брезгливости к первой жене Петухова, с которой был когда-то близок, — как та могла жить с подобным недоумком? — и вдруг подумал, что и он не лучше этого пошляка музыканта, стремящегося обладать симпатичными женщинами без разбора.) Понаблюдав за аккордеонистом, послушав его рассуждения о том, о сем, Елена пришла к выводу, что Петухов, как человек поверхностный и незлобивый, далек от мысли мстить Брянцеву, о котором если и вспоминал, то так, походя, как об одном из многих, встретившихся ему на жизненном пути; и вообще Петухов был не из тех, кто станет мстить и уж тем более тратить на убийцу деньги, которым можно найти более приятное применение, например, прокутить их в кабаке с приятелями или спустить в казино. Убедившись, что Петухов не тот человек, которого они ищут, Елена решила поскорее завершить интервью и исчезнуть. Но не тут-то было. Петухов разговорился, из него лилось, как из лопнувшей водопроводной трубы, и Елене никак не удавалось прервать поток его красноречия. «Спасибо, спасибо! Достаточно! — наконец не выдержала она и что-то для видимости черкнула у себя в блокноте, который в раскрытом виде держала во время беседы на коленях. — Читатели, я думаю, будут довольны тем, что вы рассказали о себе...» Но Петухов не собирался так просто отпускать очаровательную журналистку, стимулировавшую его словоохотливость. «Подождите, душа моя! — воскликнул он. — Есть еще одна насущная тема, о которой следует поговорить...» — «Какая?» — простодушно поинтересовалась Елена. «Это мы с вами. Вы и я». — «В каком смысле?» — прикинулась не понимающей Елена. Петухов повернулся к фанатке. «Мышь, закрой уши! — приказал он и, когда та послушно зажала ладонями небольшие круглые ушки, сказал, устремив на Елену туманный взор, который, по его разумению, безотказно действовал на представительниц слабого по-

ла: — Что вы делаете сегодня вечером? Журналистов принято угощать... Мы могли бы сходить куда-нибудь... приятно провести время». — «Мы с вами?» Елена рассмеелась, представив себя с Петуховым в ресторане, свою руку, покоящуюся в его руке, а на столе графин с водкой и селедку на блюде, посыпанную зеленым луком, и тут же пририсовала рядом Брянцева, которого для полноты картины следовало бы привести. «Не понял! Что тут смешного?» — озадачился Петухов. «Ничего, — успокоила его Елена. — Просто вы и я — существа двух разных биологических видов, как лошадь и питон. Это несовместимо». — «Почему же? — опечалился Петухов. Он хоть и был из разряда тех, кто легко сносит женские отказы, но все же не любил, когда рыба срывается с крючка. — По-моему, очень даже совместимы...» — «Нет». Девица в углу поняла по огорченному лицу Петухова, что ее кумира обижают, и открыла уши, желая узнать, в чем тут дело. «А если я предложу вам руку и сердце?.. У меня давно не было подобных мыслей!» Аккордеонист с грохотом слетел со стула на паркет и оказался перед Еленой на коленях, и, судя по гримасе, исказившей на миг его лицо, больно ударился коленными чашечками об пол, но терпел боль, переплавив гримасу страдания в кривую улыбку. «Соглашайтесь, пока не поздно!» — воскликнула фанатка, готовая на все, лишь бы ее кумиру было хорошо. «Не могу! — заявила Елена, поднимаясь со стула и зависая над коленопреклоненным аккордеонистом, ей надоел затянувшийся спектакль. — Мы слишком продолжительное время знакомы, — объяснила она фанатке и взглянула на часы: — Ровно пятьдесят четыре минуты... А для брака это невыносимо много!» И вышла из гримерной в коридор, оставив за спиной сникшего Петухова, надеясь больше никогда не свидеться с ним.

— Итак, Петухов отпадает, — сказала Елена Брянцеву и вычеркнула фамилию аккордеониста в блокноте.

Вторым из тех, кого посетила Елена, был врач-офтальмолог Андрей Максимович Шухмин. Доктор наук, профессор, в свои шестьдесят пять крепкий еще мужчина, с седым пушком на лысине и загорелым решительным лицом, он работал в консультационном центре при офтальмологической больнице в Мамоновском переулке. Елена записалась к нему на прием и пришла. Когда он спросил, что ее беспокоит, сказала, что нередко к концу дня чувствует резь в глазах. Шухмин усадил девушку к японскому аппарату для проверки зрения, приказал придвинуть глаза к прибору, долго глядел в окуляры и затем сказал, что ничего такого не находит, что могло бы вызвать беспокойство. Потом усадил ее напротив буквенной таблицы и, тыча указкой в отдельные буквы в нижних рядах, проверил, насколько она хорошо видит, с этим оказалось все в порядке. Шухмин прописал ей глазные капли и сказал, если резь в глазах не пройдет, чтобы она пришла к нему через неделю, и тогда они будут разбираться, в чем тут дело: может, у нее что-то с кровью не в порядке или где-то идет воспалительный процесс. Пока Шухмин обследовал Елену, та сумела разговорить его, и профессор ответил на ряд вопросов, которые ее интересовали. Чтобы расположить его к себе, Елена сказала, что ее старшая сестра училась в одном классе с девушкой по имени Инга, а по фамилии Шухмина, и спросила, не дочь ли та профессора. При этом Елена присочинила, что Инга бывала у них в доме и она, Елена, будучи девочкой, восхищалась ею. При упоминании имени дочери лицо Шухмина омрачилось, стало на миг каким-то беззащитным, но потом он овладел собой и подтвердил: да, это его дочь. Чувствуя, что Шухмин настроен доброжелательно, Елена решилась задать ему довольно болезненный вопрос, чего при других обстоятельствах не стала бы делать. «Скажите,

Андрей Максимович... Я понимаю, мой вопрос не очень приятен, — сказала она, — но все же... Не открылись ли со временем новые обстоятельства гибели Инги?» Шухмин взглянул на нее бесстрастно. «Странно, что это вас интересует...» — сказал он. «Да, — согласилась Елена. И пояснила свой интерес: — Инга была незаурядной личностью... И когда я узнала, что произошло, долго пыталась понять, зачем она это сделала?» По рассказу Брянцева Елена хорошо представляла себе Ингу — ее внешность, характер, привычки, — и здесь она почти не врала. «Ну, особо яркой личностью я бы ее не назвал, — проговорил Шухмин, хмуря брови. — У нее был талант — это да. Она училась живописи, неплохо писала маслом... А так — существо неуравновешенное, — жестко констатировал он. — Может, это было по молодости и со временем прошло бы...» Шухмин задумался, воскрешая в памяти события восьмилетней давности. Потом взглянул на Елену, смотревшую на него со вниманием (она чем-то напоминала ему покойную дочь), но рассказывать ей то, что ему было известно, Шухмин не собирался. Трагедия произошла в квартире друга Инги и соседа по подъезду, где была веселая вечеринка. Как рассказывали участники вечеринки, Инга на глазах у подгулявшей компании, будучи сильно пьяной, выбросилась из окна, заявив предварительно, что полетит к Богу и свой полет посвящает человеку по фамилии Брянцев (его, кстати, не было среди гостей); дескать, он по недомыслию не сумел оценить ее любви. «Черт с ним, потом жалеть будет!» — якобы еще сказала Инга. И бросилась вниз. Узнав о смерти дочери, потрясенный Шухмин решил, что во всем виноват молодой протезист, с которым Инга некоторое время встречалась, собираясь за него замуж, и который неожиданно оставил ее. Инга тяжело переживала разрыв с ним. По этой причине Шухмин и набросился с кулаками на Брянцева, увидев его на похоронах. Еще бы! Задурил девчонке голову, а потом бросил, и вот вам результат! Но прошло время, и Шухмин,

трезво поразмыслив, понял, что Брянцев виноват только в одном, что оставил его дочь, в остальном же винить его нечего. К тому же, детально изучив обстоятельства гибели девушки и опросив свидетелей, следствие установило, что Инга не прыгала вниз, а случайно вывалилась из окна, сидя с ногами на подоконнике. Будучи сильно пьяной, девушка потеряла координацию и полетела вниз с шестого этажа, и никого в этот момент не оказалось рядом, кто бы мог удержать ее за край одежды или ухватить за руку. Но всего этого Шухмин не желал рассказывать любопытствующей пациентке, которую видел впервые. «Это был несчастный случай, — коротко объяснил он Елене. — Я, грешным делом, думал, что во всем виноват парень, с которым она до того встречалась, но это оказалось не так...» Далее он хотел сказать, что был вне себя от горя и готов был убить этого парня, но воздержался, посчитав, что Елене знать об этом ни к чему. Но та и сама поняла, что недоговорил профессор. Еще Елена поняла, что профессор давно не держит зла на бывшего любовника своей дочери. «Так, видимо, было суждено, — вздохнул Шухмин, подводя черту под этим разговором. — Вы меня растревожили, — он укоризненно взглянул на Елену. — Обычно я ни с кем не говорю на эту тему...» — «Простите меня», — сказала Елена. И, попрощавшись, вышла.

Слушая рассказ Елены, Брянцев воскресил в памяти облик Инги. Это была худенькая, порывистая девушка, довольно высокая, выше Брянцева на полголовы, с удивленными зелеными глазами, с выгоревшими на солнце светлыми волосами, напоминавшая своей пластикой балерину («Зря родители не отдали тебя в балет», — говорил Брянцев), особенно когда она, обнаженная, выгнув спину, короткими шажками передвигалась по комнате, направляясь к кровати, где он ее ждал с бьющимся сердцем, предвкушая сладость ее губ и горячего тела. Слов нет, Инга была хороша. Но при этом чересчур инфантильна. Поначалу это умиляло Брянцева, а потом

стало раздражать. Инга все никак не хотела становиться взрослой. Все ее ужимки и манеры больше соответствовали школьнице, чем молодой женщине, каковой она была. Вспомнив Ингу и все чудесное, связанное с нею, Брянцев почувствовал, что у него увлажнились глаза, а предметы в комнате и сидящая напротив Елена утратили резкость. «Жаль! Жаль!» — подумал он, не зная, кого ему жальче: погибшей ли в столь молодом возрасте Инги или себя, обделенного этой потерей. Несмотря на то, что они расстались, Брянцев тяжело переживал тогда ее смерть.

Елена заметила, что глаза Брянцева наполнились влагой. «О, толстокожего мальчика проняло!» — подумала она и хотела пошутить по поводу чувствительности, столь неожиданной у такого сдержанного господина, как Брянцев, но решила: это будет нетактично по отношению к памяти Инги.

А Брянцев, все еще видя окружающее нерезким, вдруг как-то единым духом охватил всю свою тридцатилетнюю жизнь, все хорошее в ней и плохое, все цветы, встреченные им на пути, деревья, облака, лица, события, впечатления и поступки, боль, испытанную когда-либо, и радость — все как-то разом прочувствовалось им, после чего ему вдруг ясно открылось, что вся эта охота, которую устроил на него неизвестный, его твердое желание убить Брянцева, есть не что иное, как возмездие за грехи, стремление сил свыше (Брянцев называл это Богом) покарать его за блуд, за нежелание остановиться и не губить свою бессмертную душу дроблением на множество осколков, подобно тому, как это бывает, когда разбивается зеркало. «Но почему, почему я должен быть наказан? — вслед за этим спрашивал себя Брянцев. — Где сказано, что у мужчины должна быть одна женщина? В священных книгах? Но и они, эти книги, отражающие разный религиозный опыт, спорят между собой. Бог во всем, и я, его чадо, тоже хочу быть во всем, и во множестве женщин в том числе». Мысль

Брянцева пошла бы дальше, тем более что Елена, словно почувствовав серьезность того, что происходило сейчас в его душе, не мешала ему думать, но тут позвонили в дверь, и второй раз, и третий... И это словно отрезвило его: змея, показавшая голову, снова скрылась между корней пня.

— Я никого не жду, — сказал Брянцев, посмотрев на Елену.

Он сделал движение в сторону двери, но Елена удержала его, сопроводив свой жест выразительным взглядом.

— Я открою, — сказала она и вышла.

Ее не было минуту или две. Пока она отсутствовала, Брянцев вновь с грустью подумал об Инге, по отношению к которой чувствовал свою вину.

Вернулась Елена. Она была не одна. Следом за нею вошла Валерия.

— Здравствуй... — уныло приветствовал ее Брянцев.

Приход Валерии не сулил ничего хорошего, и хотя та была женщиной интеллигентной, не способной на грязные скандалы, объясняться с ней сейчас по поводу присутствия в доме Елены у Брянцева не было сил.

Валерия кивнула на его приветствие.

— Что же это, — сказала она, — меня бросили, а я и не знаю об этом... Мог бы предупредить.

Елена, считая себя лишней при этом разговоре, удалилась на кухню, сказав, что приготовит чай.

— А она мила, ничего не скажешь, — сказала Валерия, глядя ей вслед. — И главное — молода. Впрочем, такие, как она, и в зрелые годы хороши собой, хотя теряют свежесть.

— Валерия, я все объясню... — начал резво Брянцев и осекся, понимая, что начинает играть пошлую роль неверного мужа, которого застали врасплох.

— Зачем? Не трать попусту силы... Я давно поняла, что ты охладел ко мне.

То, что Валерия оказалась такой понятливой и избавляла его от объяснений, следует сказать, смутило Брянцева: как же так? Он же должен что-то сказать в свое оправдание и произнести монолог «под занавес». Но та не желала ничего слушать — ей происходящее тоже напоминало пошлую пьесу, за героев которой было неловко.

Вошла Елена, поставила на стол чашки.

— Вам чай или кофе? — спросила она у Валерии.

— Мне бы лучше водки! — жестко сказала Валерия и добавила: — Но здесь я пить не стану.

Елена пожала плечами: как хотите. И опять устремилась к двери, но Валерия остановила ее.

— Девушка! — окликнула она Елену, словно они ехали в трамвае и та перекрывала ей выход к двери. — Знаете, обидно, когда тебя бросают... Понаблюдайте за мной — вам это будет полезно. Чтобы извлечь урок и вести себя более твердо, когда с вами произойдет подобное... Это — эгоистичный, легкомысленный человек, — сказала она, посмотрев на Брянцева, и тот втянул голову в плечи, ожидая других разоблачительных слов. — И все же, все же я люблю его... Хотя понимаю, что свеча уже погасла. — Валерия задумалась, решая, что еще добавить. — Кажется, все, — сказала она себе и направилась к двери. И уже в дверях бросила Брянцеву устало: — Если этот тип все же пристрелит тебя (имелся в виду «охотник»), знай, я приду на твои похороны и принесу цветы... Лилии, которые ты так любишь...

— Как трогательно, — поморщилась Елена, не скрывая раздражения, переполнявшего ее: у них с Брянцевым еще ничего не было, а ей уже предъявляют претензии как новой любовнице. Черт знает что!

Валерия уже шла к выходу, и Брянцев с Еленой, не сговариваясь, шли следом, как раздался новый звонок. Все, как по команде, остановились. Каждый понимал, что в дверь может позвонить и тот, кто намеревался убить Брянцева.

— Я открою, — сказала Елена и решительно шагнула к двери.

Каково же было ее удивление (Валерия лишь презрительно фыркнула), когда за дверью они увидели еще одну женщину. Убедившись, что незнакомка одна, Елена спросила:

— Вам кого?

Незнакомка слегка замялась.

— Того, кто здесь проживает... — И увидев за спиной Елены Брянцева и Валерию, стоящих в глубине, радостно взмахнула рукой: — Вот его!

У Брянцева скривилось лицо. Это опять была та самая Саша, которая искала Худолеева, когда Брянцев поселился в этой квартире, и кого он держал за ногу в ресторане. Гостья была хорошо одета, на шее и в ушах у нее сверкали дорогие украшения — и выглядела впечатляюще. Хотя, как понял Брянцев, опять была не совсем трезвой.

— Надеюсь, на этот раз ты не станешь выставлять беременную женщину за дверь! — заявила она, фамильярно обращаясь к Брянцеву на «ты».

Елене лицо нежданной гостьи показалось знакомым, и она силилась припомнить, где же могла ее видеть.

Валерию же реплика незнакомки чрезвычайно развеселила.

— Еще одна! — сказала она. — Не буду вам мешать.

И, пройдя между Еленой и успевшей войти в прихожую гостьей, вышла за дверь. Деланно смеясь, устремилась вниз по лестнице, не став пользоваться лифтом, чтобы поскорее покинуть это неприятное место.

Гостья, не спрашивая разрешения, прошла в комнату. Судя по тому, как она уверенно ориентировалась в квартире, Елена поняла, что та уже бывала здесь. Елена с мрачной веселостью взглянула на Брянцева: ну, Дима, ты и ходок!

Перехватив ее взгляд, Брянцев понял, что объяснять сейчас что-либо не имеет смысла. «Водевиль!» — поду-

мал он безрадостно и решил, будь что будет. Во всяком случае, Елена — это не Валерия и у них пока лишь деловые отношения, следовательно, перед Еленой у него нет никакой вины. Но все это — и приход Валерии, и появление любовницы Худолеева — значительно осложнит, понимал он, продвижение отношений с Еленой: одно дело — разговоры о его ветрености, другое — появление на сцене сразу двух женщин.

— Куда же подевался Худолеев? — спросила гостья, усевшись в кресло.

— На гастролях, как я уже говорил, — ответил Брянцев.

— Уж больно эти гастроли затянулись... — Гостья достала из своей сумочки сигареты, позолоченную зажигалку, закурила. Выпустила дым к потолку. — Глядишь, так и рожу до его приезда!

Брянцев ухватился за эту фразу гостьи и радостно спросил, желая тем самым показать Елене, что он и эта женщина — чужие люди:

— А вы уверены, что Константин отец ребенка?

Гостья с подозрением взглянула на Брянцева:

— Уверена.

— Вас, кажется, Сашей зовут? — победно продолжал Брянцев. Теперь Елена поймет, наконец, что к чему.

— Да, я — Саша.

— Между прочим, недавно я говорил с Худолеевым по телефону. Сообщил ему о вашем прошлом визите. Так он мне сказал: гони ее в шею! Не знаю никакой Саша, к тому ж беременной от меня!

Елена с интересом наблюдала за развитием событий. Теперь, когда она стала что-то понимать, происходящее показалось ей забавным.

— Он — дурачок, ваш Худолеев! — ответила гостья и опять выпустила в воздух струю дыма. — И не только он. Все вы, мужики, пакостники, как дети! Сломаете что-либо, а потом говорите: не я. Полгода за мной увивался, а теперь, видите ли, он меня не знает, мерзавец! И от

будущего ребенка отрещивается... А ребенок есть, и это его ребенок! А то, что он не знает — его беда, Худолеева. Ты тоже вот считаешь себя умным, а многого не знаешь...

— Например?

— Например, что это милое создание... — гостья указала на Елену, — без иронии говорю — она действительно мила... Это милое создание тоже ждет ребенка. Пиф-паф! — Она ткнула в сторону Брянцева указательным пальцем, словно сделала выстрел.

Услышав это, Елена вспыхнула и залилась краской.

— Что? — Удивленный Брянцев перевел взгляд на Елену. — Это правда?

Елена молчала, потрясенная словами гостьи. Откуда этой особе известно о том, что она беременна? Быть может, это знакомая Кати, подумала она, и та случайно рассказала ей об этом? Но тут же отвергла это предположение. Катя была не из породы болтушек. Кроме того, Елена никогда не видела эту женщину среди ее приятельниц.

— Чего ты молчишь? — спросил Брянцев, хмурясь.

Гостья сидела окутанная табачным дымом, словно в тумане, весьма довольная тем, что обострила отношения Брянцева с его молодой подругой.

Елена взгляделась в лицо гостьи. И вот, как проблеск солнца на воде, как короткая вспышка света, что вырывается из-за двери дачного домика, открытой в ночь на короткий миг, в сознании мелькнул облик похожей женщины, только та была попроще с виду и возрастом постарше, с плечами, покрытыми яркой шалью в цветах, из тех, что носят цыганки. Вот оно что, подумала Елена, вот почему лицо этой женщины показалось ей в первый момент знакомым; значит, там, во времени внизу, оно обозначилось в ее жизни. Вот только как? с какой целью? — это память держала в темноте взаперти.

Елене вдруг стало трудно дышать. Ей показалось, будто мебель и предметы вокруг утратили свои привыч-

ные места и выстроились в комнате совсем по-другому, словно с ними поработала бригада грузчиков: кровать оказалась у окна, книжный шкаф на противоположной стене, стол занял место у двери, хотя до того находился в центре; картинки на стенах поменялись местами, и безделушки, лепившиеся повсюду, тоже совершили рокировку. Только гостья, сидевшая в дымной пелене, оставалась на своем месте. Чувствуя приступ дурноты, Елена опустила на стул, страшаясь происходящего с нею.

— Вот видишь, барышне плохо! — сказала гостья, обращаясь к Брянцеву, и голос ее открылся Елене, как, несомненно, знакомый, и старомодное слово «барышня» только подтверждало это. — Это ребенок дает о себе знать...

Брянцев устремился к Елене, желая помочь ей, но та удержала его жестом: не надо, все в порядке. И, почувствовав облегчение, поднялась со стула.

— С чего вы решили, что я беременная? — сказала она с вызовом, устремив на гостью строгий взгляд. — Вы что, мой гинеколог? Осматривали меня?.. Мне кажется, мы с вами незнакомы.

Женщина усмехнулась:

— Не спеши отрекаться...

Брянцев решил, наконец, взять инициативу в свои руки.

— Хватит говорить загадками! — потребовал он. — В прошлый раз вам негде было ночевать, теперь чего вы хотите?.. Худолеев с цирком на гастролях. Был на Кипре, теперь, кажется, в Португалии... Кроме того, как я уже сказал, он вас не знает. Что вам еще? Судя по вашему виду и бриллиантам на вашей шее, от голода вы не умираете, а то я дал бы вам немного денег.

Гостья загасила сигарету в пепельнице.

— Между прочим, — сказала она ехидно, — недавно в ресторане, где я танцую в шоу, один сбрендивший тип чуть было не оторвал мне ногу! Алкоголик, у которого зашкалило мозги! Кажется, это был ты?

Брянцев испытал чувство жгучего стыда, вспомнив происшедшее в «Гранд-Оперá» и как он в тот день напился.

— Господи! С кем не бывает? — вздохнул он. — Я находился в подавленном состоянии, быстро опьянел... Но какое это имеет отношение к вашему визиту сюда? Ногу же я вам не оторвал?

— Да уж, — сказала гостья, подняв левую ногу и огладив ее поверх ляжки, — жалко было бы лишиться такой великолепной ножки! Я бы тебя тогда застрелила!

— А сейчас что вы хотите?

— Хочу, чтоб меня пожалели! — взрыднула наигранно гостья, точно так же, как это сделал Петухов во время беседы с Еленой. — И сказали слова утешения... — Гостья хлюпнула носом и вдруг, потянув за кончик, вытащила из дамской сумочки тот самый цветастый цыганский платок, память о котором хранило сознание Елены, — удивительно, как он там поместился? — и промокнула нос.

— Пожалеть? — растерялся Брянцев, удивленный столь неожиданным поворотом.

— Да, представьте, некому... Все — злые! Заняты лишь собой! Вот и ваш Худолеев... — Она опять шмыгнула носом. — Дайте коньяку!

Брянцев вынул из бара бутылку коньяка и рюмку. Наполнил рюмку, протянул гостье.

— Хорошо, — сказал он, — я вас жалею... Бедная вы моя!

— Спасибо.

Гостья отпила из рюмки больше половины, вкус коньяка ее удовлетворил.

— Вы будете рожать? Или намерены избавиться от ребенка? — неожиданно спросил Брянцев, подумав перед этим: а вдруг гостья говорит правду, рассказывая о своих отношениях с Худолеевым? И тот действительно зачал ей ребенка?

Женщина допила коньяк.

— Какое это имеет значение? — сказала она, озадачив Брянцева и Елену. — Мир ужасен! Стоит ли выпустить в него еще одно существо для мучений? Или пусть мучается... и мучает других? Во всяком случае, и то и другое не доставляет мне радости...

Елену немного знобило. Она не относилась к числу тех, кого можно легко напугать и запутать, но поведение женщины, взявшей невесть откуда, ее облик, рождающий смутные образы, опрокинутые в иное время, вся та неясность, что стояла за ее речами, — все это и тревожило и беспокоило Елену, заставляя почувствовать себя участницей странного спектакля, цели которого неясны.

Брянцев, наоборот, был спокоен, не видя в поведении гостьи ничего необычного. Оно, в его понимании, если и таило в себе загадку, то не более, чем всякий цветок, облик которого и запах трудно объяснить.

— В прошлый раз вы, — Брянцев подчеркнуто обращался к гостье на «вы», — сказали мне: до встречи в Париже! Что вы имели в виду?

— Разве? Я это говорила? — удивилась женщина или прикинулась удивленной. — Не помню...

— Ну, как же...

— Я, кажется, была тогда пьяна! — воскликнула она игриво, поднимаясь с кресла. И взглянула на Елену: — Не думай, барышня, между нами ничего не было... Этот жестокий человек меня выгнал. Выгнал в ночь! На улицу! А мог бы оставить, — она лукаво взглянула на Брянцева, — и пополнить свою обширную «коллекцию». Видимо, я не в его вкусе... Ладно, мне пора. Мне еще сегодня на прием в шведское посольство!

Брянцев пошел провожать гостью к выходу.

— Что передать Худолееву? — язвительно поинтересовался он.

— А кто такой Худолеев? — спросила та.

— Ну вот, — растерялся Брянцев. — Вы же сказали, что ищете Худолеева. Зачем же вы мне морочили голову?

Женщина повернула к нему свое лицо, которое вдруг оказалось совсем иным, нежели в комнате, — казалось, она как-то сразу прибавила в возрасте, возле глаз прострелили морщинки, — и взгляд ее стал жестче.

— Ты не догадался, зачем я приходила? — сказала она. — Я приходила к тебе.

— Но...

Брянцев не успел договорить фразу, гостя исчезла. Она словно прошла сквозь дверь. Но это было не так. Дверь щелкнула, свидетельствуя о том, что ушедшая закрыла ее за собой. И все же Брянцеву почудилось, что гостя прошла сквозь дверь, словно та не была предметом материальным, а являлась чем-то бесплотным.

Некоторое время он тупо смотрел на дверь, осмысливая приход женщины и ее последнюю фразу, ставшую точкой в разговоре. Кто она? С какой целью явилась? Откуда ей известно о беременности Елены, если та действительно в положении? И что означают ее последние слова — шутка? На самом ли деле Худолеев ее не знает или скрывает от меня эту связь? Если скрывает, то с какой целью? Странное дело, каждый раз после ухода этой особы он, Брянцев, задает себе множество вопросов... Быть может, судьба и направила ее с той целью, чтобы он задавал себе вопросы и искал ответы на них. Когда человек начинает задавать себе многочисленные вопросы, значит, что-то повредилось в ходе вещей. Брянцеву вдруг подумалось, что между этой женщиной и неизвестным, желающим его убить, существует связь. Нет, не прямая. Наверняка они незнакомы друг с другом. Но связь есть! В чем она? Вот загадка, которую следует разгадать.

Полный этих мыслей, он вернулся в комнату. Елена, сидевшая на стуле, поднялась ему навстречу. Он туманно взглянул на нее, и тут ее рука, лежащая на животе, напомнила ему о беременности.

— Это правда? — спросил он.

Елена сразу поняла, о чем он.

— Не суть важно, как говорит моя подруга... Ты же не мой муж. И не отец. — Врать что-либо ей не хотелось, а говорить правду было бессмысленно — сестра не поверила, а этот и подавно не поверит.

— И все же? — настаивал он на ответе, пристально вглядываясь в нее и решая для себя, как относиться к данному факту, если это окажется правдой.

— Если «да», ты что, отвернешься от меня?

— Почему же?

— Умоляю, — прошептала она, приложив палец к его губам, — больше не спрашивай ни о чем...

Он вдруг почувствовал прилив неудержимой нежности к ней.

— Дурочка, — сказал он и, взяв ее за талию, хотел поцеловать в губы.

— Не сейчас! — остановила она его.

Он не настаивал, понимая, что в скором времени все это случится. И душа его возликовала, забыв о тревожных мыслях, что мучили его.

31

Направление поисков злоумышленника, предложенное Еленой — при всей ее сообразительности и способности к анализу, — было неверным. Но ни она, ни Брянцев, доверившийся ей, этого не знали. Да и откуда им было знать?

У «охотника» была своя корысть, о которой Брянцев и его добровольная помощница вряд ли могли догадаться.

Убедившись, что и вторая попытка застрелить Брянцева не имела успеха, «охотник», крепко напившись по этому поводу и терзаясь от презрения к самому себе за неспособность сделать дело быстро и умело, стал готовить новую попытку.

Первым делом он сменил машину, которая после стрельбы из нее оказалась засвеченной. «Охотник» продал «опель» и приобрел подержанный «ниссан». Он намеренно, как и ранее, купил автомобиль иностранного производства — кроме знатоков, мало кто из свидетелей, если будут таковые, сумеет определить марку машины. На этот раз он решил подловить Брянцева в вечернее время возле его дома, когда тот, вернувшись к себе, оставит на стоянке машину и пойдет к своему подъезду. Тут сидящий в засаде «охотник» нагонит его и уложит тремя выстрелами в упор. Способ, конечно, неоригинальный, отдающий плесенью, но надежный, хотя и рискованный, если поблизости окажутся менты. Но тут уж надо рисковать.

Несколько вечеров кряду «охотник» просидел в «ниссане» у дома Брянцева, ожидая до глубокой ночи свою жертву, но Брянцев так и не появился. И вообще ни разу не зажглись окна в его квартире. Поразмыслив, «охотник» пришел к выводу, что Брянцев после стрельбы по нему из машины на время поменял местожительство. Ну что же, разумно, подумал он. Придется проследить его путь от работы до нового жилья. Если тот поедет на метро, «охотник» спустится за ним в метро и, следуя по пятам — с эскалатора на эскалатор, из вагона в вагон, — аккуратно, чтобы протезист не обнаружил слежку, сопроводит его до дома. Для успешного проведения слежки «охотник» решил несколько изменить свою внешность. Он отрастил небольшие усики, благо на это потребовалось чуть больше недели, сходил в парикмахерскую, где осветлил волосы и слегка завил их. Теперь в его облике было что-то от поэта Сергея Есенина, правда, Есенин не носил усов и телосложением был пожиже. Обретя иную внешность, которая, надо сказать, была ему не по душе (утешало лишь то, что это временно), «охотник» решил пару дней расслабиться, отдохнуть, а уж потом продолжить начатое дело.

«Охотнику» захотелось женщину, и он пригласил на дом девушку по вызову из массажного салона, услугами которого иногда пользовался, сделав заказ по телефону. Вызывать кого-либо из своих сексуальных подруг, с которыми он время от времени совокуплялся, «охотник» не захотел — те непременно стали бы расспрашивать, почему он изменил цвет волос и с какой целью завил их, ведь он же не педик, а совсем наоборот. А иметь дело с приглашенной проституткой было надежнее: та не знает ни его образа жизни, ни как он выглядел ранее, и, следовательно, не станет задавать ненужных вопросов; отношения с проституткой проще — потрахались за бабки и разошлись. Кроме всего прочего, «охотник» с симпатией относился к девочкам по найму. Выходцы из провинции, как и он, где текла серая, унылая жизнь, лишенная каких-либо перспектив, где пьянство и драки являлись существенной частью реальности, где порнофильм на видео был точно окно в большой мир, в котором все иначе, начиная от макияжа и кончая свободой нравов, — они, оказавшись в Москве, отчаянно боролись за выживание, и здесь торговля собственным телом приносила определенный доход и давала возможность держаться на плаву и быть причастным к яркой жизни, о которой они мечтали в своих маленьких городках; многие из них впоследствии стремились выйти замуж и заняться каким-либо приличным делом, но не всем это удавалось.

В ожидании проститутки «охотник» взял в руки «Бесы», книгу, забытую в машине кем-то из его девиц и которую он, наконец, принес домой, чтобы полистать ее на досуге. Вот и представилась минута. Думалось, что книга эта мистического содержания, нечто вроде украинских историй Гоголя про ведьм, вурдалаков и покойников. Он прочел одну страницу, вторую, третью... Ничего похожего. Вот и четвертую перевалил. Прервался. Заглянул чуть подалее, там прочитал пару страниц. И окончательно убедился, что перед ним умная книга. А

умная книга — как трудная для восхождения вершина, на которую, он знал, ему не взобраться. И все же он заставил себя читать еще, мучаясь и все же добираясь до смысла каждой фразы и пытаясь определить для себя тропинку, как это делает путник в лесу. Несколько раз в своей жизни он брался за трудные книги и каждый раз отбрасывал их после прочтения четырех-пяти страниц, не в силах прорваться сквозь заграждения слов, растянувшиеся на бумажном листе подобием колючей проволоки. Но сейчас в нем сидела злость, и хотелось пропахать эту книгу до конца, точно поле для посадки зерновых. Если человек сочинил эти страницы, думал «охотник», то, значит, другой в силах это прочесть, иначе зачем пишущему затевать эту канитель. Неужели он настолько туп, что не в силах одолеть написанное? Это же, в конце концов, просто слова, а не набор физических формул, понятных только специалистам. И «охотник» продолжил чтение, часто останавливаясь и перечитывая некоторые фразы, а отдельные — перечитывая и по два раза.

Проститутка, появившаяся минут через сорок, худая, улыбчивая, убого-милая, назвавшаяся Анной, прервала его сражение с книгой, и он даже пожалел, что вызвал ее. Но отступить было поздно. Девушку пришлось впустить, а книгу отложить, и он еще некоторое время поглядывал на полку, куда ее сунул, не в силах разорвать свою невидимую связь с ней.

Проститутка, получив вперед деньги, о которых было договорено заранее, прошла на середину комнаты и встала там, словно вышла на подиум, где ее можно было внимательно рассмотреть, и покорно ждала, когда человек, к которому она приехала, озабоченный чем-то, сможет переключиться на нее. Дождалась. Вот он сфокусировал на ней взгляд и увидел, что она есть такое. Прибывшая, судя по выговору, была родом с юга России, возможно из-под Астрахани, где и было вскормлено ее небогатое костистое тело и оформилось простоватое, но

миловидное личико, искусно покрытое сейчас тонким слоем косметики. Вид ее, еще довольно свежий (девушка, вероятно, только недавно стала заниматься этим ремеслом), не столкнул с налаженного ритма сердце «охотника», оно не стало биться чаще, грудь его не воспламенилась, давая ход желанию. Но охотник не был разборчив. Хотелось женщину, и вот она, чего еще надо?

— Так, значит, Анна? — сказал он, отступая от нее задом и также задом усаживаясь на диван, который предстояло впоследствии раздвигать — в чистом виде кровати у него в доме не было.

— Анна, — призналась та.

— А то у вас там все Анжелики, Элеоноры и чер-те что еще! А ты — Анна, — повторил он, оглядывая ее.

— Анна, — согласилась та с виноватой интонацией: дескать, она здесь ни при чем — родители так называли; выступать под вымышленным именем она еще не созрела.

Теперь, оглядев ее всю с дивана, как из театральной ложи, — от завитых темных волос до узконосых красных туфель: небольшие плечи, среднего размера грудь под сиреневым топилом, чуть загорелый открытый живот, короткая юбка из ткани в красную клетку, покрытые загаром яблоки коленей, сошедшиеся одно к одному, пока она стояла, икры, чуть более крупные, чем полагалось ее длинным худым ногам, — он сказал:

— Устраивайся...

Проститутка послушно присела на стул, который был к ней ближе, и замерла, ожидая дальнейших указаний. «Охотник» действовал на нее гипнотически — было в его остановившихся серо-зеленых глазах и во всей крепкой фигуре нечто завораживающее, понуждающее к подчинению, и обычно деловая, стремящаяся поскорее удовлетворить клиента и уйти, здесь она полностью подчинилась чужой воле.

При явной миловидности девицы было что-то в ее облике заурядное, жалкое (отсутствие лоска, что ли, и

шарма?), и это всколыхнуло в «охотнике» давно забытое чувство сострадания, точно ковырнули пальцем темный ил на дне его души, и оно, сострадание, проглянуло оттуда, подобно потерянной монете, свидетельствуя о том, что оно живо, дышит, и вместо того, чтобы раздеть проститутку и заняться с ней делом, для которого она пришла, захотелось погладить ее по голове и сказать что-либо утешное. Но он не дал этому чувству увлечь себя. Девица приглашалась сюда с другой целью, а не затем, чтобы он искал в себе ненужные забытые чувства.

Желая дать толчок своей скучающей плоти, он протянул руку к столику, стоявшему справа от дивана, снял с него початую бутылку водки и основательно отхлебнул из горлышка. Вкуса водки он не почувствовал. Уже два месяца, как он перестал ощущать вкус всякой пищи и напитков, и смирился с этим. Но подспудно в нем сидела мысль: сходить после устранения Брянцева к врачу и выяснить, в чем дело.

— Хочешь выпить? — спросил он проститутку.

Та отказалась.

— Я на работе не пью, — сказала она.

— Похвально... — вымолвил он, чувствуя, как в груди пошел огонь. — И никто силком не заставлял... из клиентов?

— Заставляли, — призналась проститутка. — Но лучше не надо, — добавила она, опасаясь, что он станет принуждать ее пить.

«Охотника» опять охватило острое чувство жалости. «Вырвалась, несчастная, — подумал он, — из своего унылого поселка или вонючего городишки с пятью улицами, где ни кино, ни клуба, и вообще ничего! Всей-то радости — пить суррогатную водку и трахаться в картофельной ботве на огороде! А в столице — круговерть, ярко, шумно, но погано, и попробуй удержаться на плаву! И пожалеть ее, сикуху, некому».

— Я могу пойти в ванную? — осторожно поинтересовалась проститутка, рабочий день только начинался, и

надо было активизировать процесс, чтобы еще сегодня что-то заработать.

— Ты торопишься? — спросил у нее «охотник».

— Нет, — соврала та.

— Тогда сиди, не суетись. Все оплачу...

И он вновь хорошо отхлебнул из водочной бутылки и с приступом вернул ее на полированную поверхность столика.

Проститутка ощущала себя неуютно под его строгим взглядом, хотя нутром понимала, что опасаться его не следует, по крайней мере, ей. А он все смотрел и смотрел на нее, находя какую-то странную привлекательность в ее провинциальной убогости, удивляясь тому, что способен еще кого-то жалеть, и от этой жалости, пробужденной в нем, проститутка была ему еще больше мила. По сути, размышлял он, она мало чем отличается от него, не очень образованная, не имеющая потребности заглядывать ни в театр, ни в церковь, такая же бес-таланная, как и он, иначе нашла бы себе применение в каком-либо другом деле. А так приходится ложиться под всякую шушеру — он не имел в виду себя — и вылизывать этой шушере то, что топорщится между бедер. Значит, нет в ней никаких талантов. И, судя по всему, это ее не мучает. А вот его в свое время мучило и очень крепко. Вот ведь, рассуждал он в минуты мучений, этот на скрипке пиликает, вызывая одобрительные улыбки, тот мажет кистью по холсту, и весьма умело, третий автомобильный мотор перебрал, да еще к нему приспособление собственной выдумки присокупил, четвертый — как Егор Остапов, окончивший ту же школу, что и он, хмыреныш в очочках, — в серьезные математики выбился, степень какую-то получил, и лишь он, «охотник», ничего не может — обделен талантами, хоть убей! Ни стишка никогда сочинить не мог, ни юридической бумаги — писать-то без ошибок не научился! А это обидно, себя в неполноценных числить, при выносливом теле и крепких кулаках. Надо себе (не в себе, а себе) талант

найти, не раз думал он. И вот во время армейской службы в десантной бригаде, где он все же не затерялся и не дал всяким прытким умникам и хмырям себя подломить, «охотник» вдруг однажды пришел к мысли, что его талант — бороться с разной человеческой дрянью. И понять это помог случай.

Был у него однополчанин по фамилии Гвоздев, мерзкая личность, с прыщавым лицом, мощным торсом и длинными, как у обезьяны, руками. Этот Гвоздев, будучи «дедом», верховодил среди солдат и вместе с дружками, такими же уродами, как и он, бил первогодков, издевался над ними, заставляя делать всякие унижительные вещи. Доставалось от него и «охотнику», которого однажды под угрозой пыток он заставил съесть кусок протухшей украинской колбасы, отчего тот блевал полночи, доставляя радость весельчакам из гвоздевской компании. Поразмыслив над происходящим, «охотник» пришел к выводу, что если он и впредь станет от этой человеческой плесени обиды сносить, то потеряет к себе всякое уважение, чего он позволить не мог. Себя «охотник» уважал, несмотря на отсутствие в себе каких-либо дарований, и считал, что для человека главное — уважать себя. «Охотник» решил отомстить за унижения, через которые прошел, и ждал только подходящего случая. И случай представился. Как-то Гвоздев, получив увольнительную, отправился в соседний поселок, где у него была в любовницах тридцатилетняя вдовушка, чей муж приказал долго жить, выпив как-то суррогатной водки, которую купил у случайной бабки на автобусной остановке, прельстившись дешевизиной напитка. Дорога из поселка в воинскую часть лежала через небольшой лесок. Там и подловил «охотник» ничего не подозревавшего сластолюбца, когда тот возвращался обратно, насытившись вдовушкой и перцовкой, которой его угощали. Вывалившись, как зверь из укрытия, «охотник» завалил наземь нетвердо стоявшего на ногах Гвоздева, ударом палки по голове лишил его сознания и после

долго и яростно бил ногами — по животу, ребрам, спине, — отчего тот испустил дух. Только убедившись, что Гвоздев мертв, «охотник» сумел остановить свой запущенный ненавистью внутренний механизм, заставлявший сокрушительно работать ноги, и овладел собой. Глядя на гримасу муки, запечатлевшуюся на лице убитого, на кровавый пузырь, оседлавший его пухлые губы, «охотник» вдруг ощутил небывалый восторг. Нечто сродни тому, что чувствовал во время учебных прыжков с парашютом, когда, выпрыгнув из люка самолета, со скоростью болида мчался к земле, разрывая надвое плотный, как полотно, свистящий воздух, а потом, дернув кольцо, обрывал набранную скорость раскрывшимся куполом, отчего его резко дергало назад, и уже в медленном полете смотрел, как стелется внизу земля, прорисованная солнцем во всех низинах, возвышенностях, в каждой лесной проплешине, в каждом пятачке болота, с которых еще не отошли клочки тумана, ощущая себя здесь, на высоте, неким существом высшего порядка, которому дана возможность видеть мир, откуда его видит Господь. Это чувство восторга, которое возникло в нем, пока он стоял над телом мертвого врага, удивило его самого. Так, наверное, в древние времена стоял первобытный человек над телом убитого им зверя, мамонта или еще кого-то, поставив ногу на голову поверженного животного, и радость и торжество звучали в его душе. Не сразу «охотник» спрятал тело (в эти минуты торжества его мало заботило, что он может быть обнаружен случайным прохожим, и, случись подобное, не стал бы отпираться), но, когда все же справился со своими чувствами, заволок тело в лес, подальше от дороги, и забросал его еловыми ветками. Покончив с этим, он вернулся в часть, прошел на территорию через дыру в заборе, тенью проскользнул в комнату отдыха, где солдаты смотрели телевизор, неслышно осел за спинами сидящих, благо там обнаружился свободный табурет, и долго еще похохатывал вместе со всеми

над веселой комедией «Кавказская пленница». Тело Гвоздева нашли на третий день. Поначалу решили, что он ударился в бега, но кто-то сообразительный отметил, что все вещи пропавшего на месте и не может такого быть, чтобы Гвоздев ничего не взял с собой в дорогу; кроме того, пропавший был авторитетом в солдатской среде, его боялись, от него могли уйти в бега, но только не он; и тогда стали искать. Наткнулись на тело в лесу: то ли ветер, то ли малый лесной зверь разворотил ветки, оголив кисть руки в наколках. Убийцу так и не нашли. Грешили на сельских: может, кто из них приревновал греховодника в солдатской форме к аппетитной вдовушке и расправился с ним. Как бы то ни было, военному следствию ничего обнаружить не удалось. Неделю армейские дознаватели опрашивали солдат, изучали место, где был обнаружен труп, пытаясь найти улики, но так и уехали ни с чем. Скорбный вид матери Гвоздева (она чем-то напоминала «охотнику» собственную мать), приехавшей в часть за телом сына, ее красные от слез, с припухшими веками, выцветшие глаза, ее серые неприбранные волосы, топорщившиеся на голове, ее сцепленные от горя в замок руки, которые она была не в силах расцепить, не тронули сердце «охотника», он не испытывал жалости к ней: нечего было рожать такого ублюдка! Кое-кто из десантников догадывался, что с Гвоздевым расправился свой — обиженных было немало, — но кто он, разве узнаешь? По крайней мере, «деды» после этого случая стали вести себя осмотрительнее и не злобствовались оголтело, как прежде, понимая, что и до них может добраться карающая рука. «Охотник» впоследствии не раз возвращался мыслями к содеянному. Не являясь человеком религиозным, но, веря некоторым образом в существование Бога (Бог, возможно, есть, рассуждал он, но все прочее вокруг него — мишура, бенгальский огонь!), «охотник» сделал вывод: раз Гвоздев погиб, значит, так угодно Всевышнему. В противном случае Он помешал бы «охотнику» распра-

виться с насильником и сохранил бы ему жизнь. Отныне «охотник» жил согреваемый этой мыслью. И постепенно целая теория сложилась у него в голове. Бог хотел этой смерти! И выбрал его, «охотника», в качестве судьи и палача в одном лице. Отныне он облечен высшим доверием. «Как только Господь решит, что я творю не угодное ему, он остановит меня, найдя для этого подходящий способ, — рассуждал «охотник». — Видимо, мой дар, мое предназначение заключается в том, чтобы полоть человеческую ниву, освобождать ее от разного рода дряни...» И «охотник» с чувством радостного согласия с самим собой вспоминал, как он ловко, выпрыгнув из кустов, завалил Гвоздева, как с ходу ударом палки привел его в бесчувственное состояние, а затем довершил начатое, нанося удары ногами, точно прошел хорошую школу по совершению подобных действий. Если поначалу это были только мысли, опираясь на которые «охотник» избавился от мук совести и ощутил впервые свою значимость, то впоследствии это сложилось в твердое убеждение, что это и есть его путь.

Свое второе убийство «охотник» совершил в Москве, куда приехал за лучшей долей после окончания армейской службы и где устроился работать охранником в одной перспективной коммерческой фирме. Люди, работавшие в этой фирме, были полны честолюбивых желаний, хотели добиться успеха, трудились с верой в то, что можно неплохо зарабатывать, действуя честным путем, никому не кланяясь, полагаясь лишь на собственное умение, и это было «охотнику» по душе, тем более что платили ему за службу хорошо. Наблюдая за неутомимой деятельностью энтузиастов, «охотник» внутри себя, хотя и посмеивался над ними, завидовал тому, как у этих людей устроены мозги, как они умеют оригинально мыслить, и служил им верой и правдой. Однажды во время ночного дежурства, когда в здании находились только «охотник» и его напарник, чей пост был на втором этаже, внутрь вломились двое грабителей в масках,

проникшие в помещение через окно одного из кабинетов. «Охотник» в это время пил чай и смотрел ночную телепередачу, глядя на экран небольшого телевизора, устроенного на стене, слева от его поста. Угрожая оружием, грабители потребовали от «охотника», чтобы он отвел их на второй этаж в комнату, где находился сейф с крупной суммой денег, оставленной кассиром до понедельника, о чем нападавшие, видимо, знали. «Охотник» в считанные мгновения вспомнил о своей миссии борца с человеческим мусором, о праве, дарованном ему свыше, и решил проверить, так ли это. Он выхватил пистолет, лежавший наготове в коробке из-под печенья — эта его привычка во время ночных дежурств держать пистолет не в кобуре на поясе, а в коробке из-под печенья завладела его товарищей из охраны, но он так и не изменил ей — и продырявил обоим бандитам головы, стреляя поочередно то в одного, то в другого... Бездыханные грабители повалились замертво у барьера, за которым он восседал. Взирая на них сверху, уже поднявшись в рост, на их странные позы, на их головы в темных тряпичных масках с прорезями для глаз, «охотник» подумал, что лежащие на полу у его ног похожи на негров, спящих вповалку после тяжелых трудов на кофейной плантации. Следственные органы признали действия «охотника» правомерными — он защищался — тем более, что в руках у нападавших было оружие: действующий пистолет ТТ с полной обоймой и не стреляющий обрез, который преступники использовали для устрашения, но кто знал, что он не стреляет. «Что ж, — подумал «охотник» удовлетворенно, когда дело прекратили, — значит, Господу надоели эти прыткие парни, и он решил избавиться от них». И опять с чувством довольства собой «охотник» отметил свои умелые и своевременные действия по нейтрализации грабителей. Правда, лихость, с которой «охотник» исполнил свои обязанности, в результате чего на тот свет отправились двое полных сил молодых парней, некоторым образом обеспокоила

руководителей фирмы, и не то чтобы это их напугало, но, скажем, серьезно озадачило. Стоит ли, задумались они, держать в охране такого героя, который при желании может так же лихо расправиться и с каждым из них? Видимо, не стоит. И вскоре, найдя предлог, «охотника» уволили, заплатив, правда, за верную службу хорошее выходное пособие. С чувством грусти расставался «охотник» с синим форменным костюмом с серебряными галунами на рукавах, которые носили сотрудники охраны и который он любил надевать, ощущая себя в нем похожим на гауляйтера СС, что его немало развлекало. В остальном свое увольнение «охотник» перенес стойко. Ушел, не показав и виду, что удручен случившимся. Но в первый же вечер напился до бессознательного состояния и уснул, уронив голову на голый живот своей подружки, с которой тогда встречался и которой не дал в тот день уехать на отдых в Сочи, сняв ее в последнюю минуту с поезда; «охотник» полез на нее, чтобы овладеть ею, но из-за отсутствия необходимых сил и ясного сознания так и не сумел этого сделать. Большую часть ночи его сознание пребывало в темной яме, в которую он провалился и где отсутствовали какие-либо образы и чувства. Но под утро он увидел сон: кто-то — неведомо кто — вытолкнул его ударом в спину в открытый люк самолета, и он стремительно полетел к земле, падая вниз головой, навстречу лугам, пашням, ртутно-сверкающей реке, прихотливо петлявшей среди взгорков и осенних пятнисто желтеющих лесов. Поначалу радость полета перекрывала все остальные чувства, но, когда рука, привычным движением потянувшаяся к парашютному кольцу, не обнаружила его, а затем оказалось, что он и вовсе летит без парашюта, «охотник» пришел в ужас. Мимо проносились его товарищи, десантники, они были в порядке, и парашюты прочно держали их тела в воздухе, словно они были пришиты к небу. Из всех увиденных картин одна поразила «охотника»: он увидел своего комбата, капитана Сыромятникова, опускавшегося на

парашюте вниз; что самое удивительное, капитан летел не один, а держал в своих объятиях армейскую докторшу, Ольгу Викторовну, крупную, грудастую, строгую, отнесившуюся обычно с подозрением ко всяким солдатским недомоганиям, и, вместо того чтобы думать о выполнении боевой задачи после приземления батальона в поле, капитан беззастенчиво целовал докторшу в губы. Увидев падающего камнем «охотника», докторша прервала поцелуй и весело помахала ему рукой, так машут малые дети проносающемуся мимо поезду: счастливого пути! Когда до земли оставались считанные метры и смертельный удар, казалось, уже был неизбежен, «охотник» проснулся в холодном поту. Вдохнув полной грудью и порадовавшись, что это был всего лишь сон, он окинул взглядом комнату, пытаясь понять, где он и что с ним. С удивлением обнаружил рядом нагое женское тело с большими белыми грудями, полоской рыжей растительности между широкими бедер, полноватыми ногами и желтыми пятками и долго не мог сообразить, каким образом его подруга оказалась на соседней подушке, хотя по всем данным должна была находиться сейчас в поезде «Москва—Сочи». И решил, что не следует столько пить, чего бы в жизни ни случилось.

Бывшие начальники «охотника», следует отдать им должное, дали ему хорошую рекомендацию и помогли устроиться в охранную службу известного банка, где сотрудники охраны работали по двенадцать часов и двое суток затем отдыхали. Работа была из нудных, большую часть рабочего времени приходилось быть на ногах, но двое суток отдыха после стоили того. Отоспавшись после дежурства, «охотник» два с половиной дня мог делать то, что хотелось. В один из таких дней он совершил свое третье убийство.

Как-то в ресторане, куда он нередко заходил и, случалось, просиживал там час-другой за столиком в углу, тупо разглядывая посетителей (следует сказать, это тупое созерцание доставляло ему удовольствие), «охот-

ник» увидел Алебастрова. Алебастров был заметным политическим деятелем и в период избирательной кампании по выборам в Государственную Думу часто мелькал на экране телевизора, обещая с ясным взором апостола улучшить жизнь рядовых граждан. Придя во власть, став депутатом Думы, а затем министром, Алебастров мало того, что с легкостью забыл свои предвыборные обещания, но спустя некоторое время оказался замешанным в крупном финансовом скандале, где фигурировали украденные десятки миллионов долларов. Скандал с трудом удалось замаять, но с министерским портфелем пришлось из-за этого расстаться. Вместо того чтобы коротать время на нарах где-нибудь в Лефортово или Бутырках, «демократ с ясными глазами, но неясными намерениями», как говорили про него остряки, беззаботно веселился в ресторане в компании состоятельных господ и увешанных драгоценностями красавиц. Глядя на гладкую, сытую физиономию Алебастрова, на его лысоватую голову, в центре которой одиноко торчал клок каштановых волос — все, что осталось от некогда буйной шевелюры, — на его белозубый рот, над которым поработал умелый дантист, на его руку с короткими пухлыми пальцами, украшенную кольцом с бриллиантом, порхающую раз за разом над обнаженным плечом сидевшей рядом томной красавицы, «охотник» сделал заключение: «По-моему, этот малый спекся!» Услышь эти слова, кроме автора, какой-нибудь любопытный гражданин, он непременно поинтересовался бы: почему? И что значит «спекся»? Но не получил бы ответа. Смысл был понятен только «охотнику», а он не любил откровенничать. За этим «спекся» стояло решение: убрать с лица земли эту вошь. «Охотник» пообещал себе: что, если бывший министр появится здесь, в ресторане, еще раз, он обязательно пристрелит его в туалете. «Часто ли приходит сюда этот господин?» — спросил «охотник» у официанта, расплачиваясь за ужин и кивая в сторону Алебастрова. «Приходит, — сказал

официант. — Раза три-четыре в месяц появляется здесь». — «И бляди с ним?» — поинтересовался «охотник», имея в виду смазливых женщин из окружения Алебастрова. «И они», — подтвердил официант. Больше не было сказано ни слова.

Спустя две недели «охотник» застрелил бывшего министра в туалете, как и замыслил. Произошло это следующим образом. «Охотник», бродивший в тот вечер с подружкой по улицам, случайно зашел в ресторан и неожиданно обнаружил в зале Алебастрова, сидевшего, как обычно, в компании приятелей и дам. «Охотник» тут же уселся за свободный столик, решив, что настал его час. Немало времени провел он, маясь, не притрагиваясь к еде и наблюдая, как с аппетитом ест его подруга, ожидая, когда подвыпивший Алебастров надумает посетить местный туалет. А тот все не шел и не шел, точно лишен был мочевого пузыря, и в силу этой причины мог спокойно обходиться без столь необходимого каждому человеку места. «Охотник» даже подумал, что, видимо, сегодня у него не будет шанса и придется ждать другого подходящего случая. И когда он уже примирился с этой мыслью, Алебастров вдруг поднялся из-за стола и двинулся в сторону туалета. «Охотник» без промедления последовал за ним, распаленный нетерпением, полный решимости застрелить не только Алебастрова, но и всякого другого, если таковой окажется там и будет помехой: раз уж сложилось, не откладывать же дело до следующего раза. Алебастров был в туалете один. (Повезло посетителям ресторана — никого из них судьба не привела сюда в эту минуту.) Бывший министр, слегка покачиваясь, будучи пьяным, стоял у писсуара и мочился. «Охотник» зашел предварительно в кабинку и, нагнувшись там глушитель на пистолет, который носил с собой теперь постоянно, выстрелил Алебастрову два раза в затылок. Алебастров молча рухнул набок, точно куль, и, судя по всему, сразу отправился в мир иной, где его, вероятно, ждали с распростертыми объятиями, хотя все

еще, теперь уже лежа, продолжал мочиться, и соломенного цвета жидкость текла по кафельному полу в поисках отверстия для стока. А «охотник», сделав дело, вернулся в зал, расплатился с официантом и незамедлительно покинул ресторан, тиская свою подружку, с которой собирался сегодня оторваться от души.

Бывшего министра похоронили с почестями. Убийцу не нашли.

Вот еще один оказался ненужным Всевышнему в земной юдоли, размышлял «охотник», ни секунды не жалея о содеянном, наблюдая на экране телевизора транслируемую на всю страну народную скорбь: плотные очереди желающих проститься с убитым, помпезные шмелеподобные от торчащих цветочных головок венки с траурными лентами, где лепились бессмысленные теперь для покойного слова, духовой оркестр, играющий у могилы и ловающий яркие краски весеннего дня золочеными раструбами труб, скорбные речи ораторов, хмуро-сосредоточенные лица разного рода начальников из числа «силовиков», клятвенно заверявших собравшихся, что непременно найдут убийцу и накажут его. Но Господь вложил оружие в руки «охотника», значит, так она была его воля. Покойный был образованным человеком, окончил с красным дипломом Московский университет, имел докторскую степень, написал несколько книг об экономике современной России, возбуждал интерес на Западе, да вот, поди ж ты, оказался несостоятельным перед рядовым, не шибко образованным мужиком (под этим рядовым мужиком «охотник» имел в виду себя), лишенным каких-либо серьезных дарований, кроме дарования — теперь это окончательно определилось — брать на себя трудное бремя: судить и устранять; и в этом акте устранения черпать недюжинную силу, возвышающую исполнителя Божьей воли над себе подобными. Все эти мысли не были параноидальным бредом. Голова «охотника» была ясной как никогда. Выводя себя за рамки общепринятой морали, считавшей

убийство грехом (а как же бесконечное умерщвление животных, птиц, рыб, насекомых, которое постоянно осуществляет человек? Часть из них имеет высокоорганизованное сознание, сродни человеческому), «охотник» утверждал себя как личность, утверждал наперекор всем тем, кто не верил в него когда-то, находя его бесталанным и почитая за бесполезную ненужность на земле. А вот он служит Богу, как его помазанник, служит в известном смысле и России, избавляя ее от тех, кто ей не нужен, кто строит свое благополучие на обмане и унижении других. И на этот раз «охотник» чувствовал мощный прилив сил, словно тот, кого он убил, отдал ему часть своей энергии, заставляя сильнее биться его сердце.

После убийства Алебастрова «охотник» окончательно определил смысловую составляющую своей жизни (хотя и не знал таких мудреных слов, как «смысловая составляющая», понимание его было, скорее, на чувственном уровне) и решил, что миссия судьи и палача оправдывает его жизнь, как деяния полководцев, ученых, артистов оправдывают их жизнь. А раз жизнь оправдана нужным делом, то и умереть не страшно, даже в молодые годы. Следует отметить, смерти «охотник» не боялся. Вон Есенин, всего тридцать лет прожил — а какая слава! (К слову сказать, с творчеством Есенина «охотник» был знаком весьма поверхностно. Из его стихов знал в основном те, что были положены на музыку и пелись под гитару в минуты душевной тоски. Но любил поэта за крестьянское происхождение, за способность понять русскую душу, за умение крепко выпить, за интерес к нему женщин, за раннюю смерть и был убежден, что, делая свое жестокосердное дело, он, «охотник», поднимается на уровень таких величин, какою был прославленный поэт.) При этом образ защитника слабых, какими, к примеру, являлись известные по книжкам, читанным в школе, Робин Гуд или Стенька Разин, не был ему особенно близок, и он не отождествлял себя с ними.

Следующей жертвой «охотника» стал преуспевающий хирург. Тот у живого еще двадцатилетнего мальчишки, находившегося в коме после тяжелой травмы головы, полученной в автокатастрофе, вырезал почку для последующей трансплантации, подписав тем самым смертный приговор юноше, родители которого до последнего надеялись, что сын придет в себя, и для надежды этой имелись основания; смерть мозга юноши констатировали преждевременно. Родители юноши, люди немолодые, жили по соседству с квартирой, которую снимал «охотник», и тот в течение нескольких дней слышал через стенку, как выла мать, потерявшая единственного сына. Узнав, что явилось причиной страданий соседей, «охотник» сразу понял, что хирург его «клиент». Выяснить, кто этот «гуманист» со скальпелем и место его жительства, не составило труда. И однажды, в свободные от дежурства в банке дни, «охотник» дождался хирурга в подъезде его дома и тремя выстрелами в упор отправил его вслед за несчастным сыном соседей в мир иной; а выйдя на улицу, не отказал себе в удовольствии позвонить по мобильному телефону в больницу, где работал хирург, и сообщил, что такой-то был застрелен десять минут назад и можно воспользоваться его почками, печенью и прочим, ежели коллеги погибшего проявят прыть и немедленно приедут за телом. Переговорив с больницей, «охотник» тут же выбросил в мусорный бак мобильный телефон, который приобрел на чужое имя, чтобы сделать этот единственный звонок.

Потом был хмурый узколицый чеченец с тяжелым, как камень, взглядом, собиравший мзду и наводивший ужас на владельцев торговых палаток у одной из станций метро. Один из группы притесняемых, знавший, что «охотник» работает в охране банка, обратился к нему с вопросом: нет ли у него какого-либо толкового человека на примете, способного разобраться с жестоким чеченцем? И предложил хорошие деньги за работу. «Охот-

ник» сказал, что сам этим не занимается, что его вполне устраивает работа в банке, но обещал посодействовать и кое с кем переговорить.

Чеченца он убил из винтовки с оптическим прицелом, которую приобрел специально для этого случая. Чеченца хорошо охраняли, и подобраться к нему близко было непросто. Он застрелил его, сидя у чердачного окна в доме напротив парикмахерского салона, куда чеченец обычно ходил стричься, когда тот, стриженный, гладко выбритый, пахнувший дорогим одеколоном, выходил оттуда, с прищуром неулыбчивого монарха поглядывая на окружавших его «шестерок». Две пули попали в голову, опрокинув сладко пахнущего чеченца на руки потрясенных телохранителей, и он тут же скончался, не приходя в сознание.

Так «охотник» впервые сделал дело на заказ. После этого случая подобное было еще не раз. Однако он никогда не убивал только ради денег. В первую очередь «охотника» интересовала фигура того, кого ему предстояло убрать. И если эта фигура явно проигрывала с позиции его представлений о добре и зле, он принимался за дело.

После убийства чеченца был долгий перерыв, когда «охотник» не брался за оружие. И не то чтобы он хотел затаиться на время и уйти в тень. Просто в этот период он жил ощущением того, что при желании может убить кого угодно, и это чувство питало его не меньше, чем сам акт убийства. Встречал ли он какую-либо известную физиономию в банке, где работал, или видел подобную на экране телевизора, или где-либо на городской улице возникал перед ним властный, уверенный в себе господин, и «охотнику» являлась согревающая его мысль: вот ты, братец, ходишь, пыжишься, что-то из себя изображаешь, а стоит мне только захотеть, и ты тут же отправишься на кладбище! И цена твоим ужимкам и прыжкам не больше цены прошлогоднего снега... Я могу убить тебя. И тебя... И вот тебя! Конечно, «охотник» понимал,

что достойных наказания в этом городе немало. И одному их всех не одолеть. Но избирательно жизнь любого из них, пожелай он того, окажется перерезанной надвое, точно броская красная ленточка на открытии памятника...

Воспользовавшись тем, что «охотник» погружен в свои думы, проститутка отправилась в ванную комнату, решив тем самым все же активизировать процесс любви, находившийся в мертвой точке. Оголившись и оставив в ванной комнате одежду, она появилась перед «охотником» с обнаженной грудью, повязанная широким махровым полотенцем поверх бедер, готовая единым махом сбросить и его. Без одежды она выглядела более привлекательно, чем до того. Проститутка опустилась перед «охотником» на колени и, заглядывая ему в глаза, потянулась рукой к ремню на его брюках. Все еще думая о своем, «охотник» не сразу понял, чего от него хотят. А когда сосредоточился на девушке, не стал препятствовать ей делать то, что она делала. Расстегнув ремень и молнию на его брюках, проститутка погрузила руку внутрь и, добравшись до детородного органа, извлекла его наружу, явив из недр, точно кукушку, выглядывающую в окошко часов.

Некоторое время проститутка ласкала «охотника», подталкивая его к активным действиям (ведь тот уже был готов для совокупления), но «охотник» чего-то медлил... Потом, глотнув еще водки и брякнув бутылкой по полированной крышке столика при возвращении ее на место, он окончательно вышел из дум и стал гладить голову проститутки, склоненную к его чреслам, ее завитые волосы, источавшие приятный запах шампуня, ее маленькие ушные раковины, похожие на две скорлупки от грецкого ореха. В какое-то мгновение у него мелькнула мысль о хрупкости этой девичьей головки, и он подумал, что хватило бы одной пули, чтобы разнести вдребезги затылочную кость, — и, стыдясь этой мысли, он жадно накинудся на голову девушки с новыми ласками,

погружая в шелковистые кольца ее волос свои крепкие мужицкие пальцы и совершая полукружия, как если бы делал ей массаж. А та, почувствовав, что он прибавил в ласках, освободила губы от его крайней плоти и заглянула «охотнику» в глаза, поощряя его и желая понять, готов ли он перейти к другой стадии любовной близости, и что-то в ее глазах на мгновение удивило его, озадачило и, быть может, напугало, но мгновение это было столь коротким, не способным погасить в нем огонь желания. Он поднял девушку с пола, привлек ее к себе, присосался губами к ее тонкой влажной шее и затем резко бросил на диван, сорвав предварительно полотенце с бедер.

Девушка удержала его и, только когда устроилась половчее на неудобном диване, сбросив на пол разноцветные диванные подушки, притянула к себе, вцепившись пальцами в ворот его майки. Он тяжело вошел в нее и опять присосался к ее влажной шее, словно там был живительный родник, из которого он жаждал испить, — губ ее он избегал. Он работал бедрами, навалившись на нее тяжестью своего тела, чувствуя, как все в нем заполняет огонь, и вдруг ощутил себя некой живой машиной, хрипящей и рычащей, где работают все узлы и все шестеренки, цель которой воспарить вверх, а там, в сполохах света и круговерти двух тел, его и ее, должно произойти то главное, что венчает соитие мужчины и женщины, — взрыв, слияние в единой точке двух встречных энергий, и как следствие этого — погружение обоих партнеров на несколько мгновений в чудные воды райской реки.

Светлый вечер за окном давно окрасился темно-синим, вспыхнули россыпи огней в домах напротив. Лифт за стеной в подъезде гудел не переставая, словно жители дома гоняли его туда и обратно, развлекаясь, как шаловливые дети. В комнате было темно, и только отраженный свет с улицы позволял что-либо различить вокруг.

Проститутка стонала под ним, а потом даже стала подвывать, и он, не прекращая своих действий, заглянул в ее лицо, пытаясь понять, действительно ли она испытывает наслаждение или просто профессионально изображает страсть. То, что он увидел, поначалу не осозналось им как реальная картина; подумалось — это следствие прихотливой игры света, падающего из окна и уродующего лицо девушки. Но потом, вглядев-шись, он понял, что свет здесь ни при чем, и пришел в ужас. Лицо и тело проститутки, изгибавшейся под ним, выглядели, мало сказать, странно. Пугающе странно! И причина была в том, что и тело и лицо были без кожного покрова и являли собой сплетение мышечных волокон красного цвета, как это бывает на муляжных экспонатах в мединститутах или в анатомическом театре, где студентам на трупах показывают, что у человека имеется под кожей. Самое удивительное, тело это двигалось, хрипело, издавало звуки, имело на лице гримасу страсти, которая могла бы украсить любой фильм ужасов, и, как показалось «охотнику», ощутимо смердело. «Охотник» подумал, что он сходит с ума. Он попытался оторвать от себя то, что было под ним, но, к его ужасу, собственное тело не повиновалось ему, словно кто-то другой теперь управлял его энергетикой, движением бедер, рук и прочим. Чья-то злая воля не давала ему быть самим собой. Оплетенные красными волокнами, руки той, что лежала под ним, крепко держали его за бедра, и голос, хриплый голос, мало похожий на провинциально-певучий голос проститутки, шептал «охотнику» в ухо: «Ну, давай, что же ты? Быстрее! Не останавливайся!» — точно уродливое тело, прежде чем отдать концы, хотело в полной мере насладиться плотскими радостями и призывало его к тому же. Нет, «охотник» не желал совокупляться с разлагающейся плотью и заорал в голос. Впервые после раннего детства, когда его мучили кошмары и он кричал по ночам, у «охотника» сдали нервы. Он захрипел, чувствуя, что ему не хватает воз-

духа, и, не в силах прервать ход своего непослушного тела, работавшего бедрами, как заведенный механизм, провалился во мрак...

32

Брянцев попал в поле зрения «охотника» случайно. Неожиданные причины побудили «охотника» заняться устранением стоматолога. Брянцева никто не заказывал, и те подозреваемые, что значились у Елены в списке, не имели к покушению никакого отношения.

Восемь лет тому назад «охотник», только что прибывший в Москву и решивший осесть в ней, давший себе зарок никогда не возвращаться в унылый поселок на берегу Урала, откуда он был родом, пришел на вечеринку к своему армейскому товарищу Борису Мещерину, с которым в один год призывался и отслужил в одной воинской части весь срок. Кроме Мещерина, у «охотника» в Москве знакомых не было, и Борис, зная это, на первых порах опекал своего однополчанина. В большой мещеринской трехкомнатной квартире в тот вечер, в отсутствие родителей, живших на даче, было шумное сборище, на которое пришло немало народу. Громко играла музыка. В двух комнатах и на кухне были накрыты столы, где громоздились бутылки со спиртным и сосуды с соками и квасом. Имелась и закуска, но ее было меньше, так, кое-какие бутерброды, сделанные на скорую руку, и несколько наспех вскрытых консервных банок, с торчащими кверху металлическими языками. Собравшиеся ходили из комнаты в комнату (даже в родительской спальне сидели какие-то типы со стаканами в руках, не смущаясь, что мнут родительское ложе), толкались в тесноте спинами, тянулись удлиняющимися руками через головы сидящих к бутылкам и еде, вели не-

скончаемые разговоры о том, о сем, плавно перетекавшие из одного в другое, никого особенно не напрягая (каждый был волен осесть там, где ему интересно), изредка взрываясь смехом, когда что-то обнаруживалось смешное, и уже через минуту не помня, что же так развеселило их.

Молодые люди есть молодые люди. Перемены в стране, новые настроения в обществе были им по душе, но политические игры взрослых их не интересовали, они предпочитали держаться от них на расстоянии, как от заразного больного, контакт с которым может повредить, и говорили поэтому о том, что было им ближе.

И здесь «охотник» увидел ее. Проходя вслед за хозяином квартиры из коридора в комнату, он соприкоснулся с нею плечом (последовало «извините» с его стороны), и Мещерин познакомил их. «Это моя соседка, — сказал он. — Знаю — вот с таких!» И он показал рукой расстояние в метр от пола. После чего послал девушке воздушный поцелуй, сдув его, как божью коровку со своей ладони.

Такого с «охотником» никогда не было: он влюбился в Нее сразу и навсегда. Все в этой девушке, по его понятиям, было прекрасно: и лицо с утонченными чертами, и широко распахнутые зеленые глаза, и гибкая фигура с тонкой талией, и несколько нервные тонкие руки с жемчужными ногтями. Если бы в ту минуту ему предложили обвенчаться с нею, он сделал бы это, не задумываясь.

Беседуя с Мещериным или с кем-либо из гостей, «охотник» все время ловил ее глазами, куда бы она ни направлялась, он искал ее. Она была грустна. Какая-то внутренняя печаль точила ее, но она пыталась бодриться и даже пару раз улыбнулась.

Освоившись, «охотник» уловил момент, когда она оказалась одна, и подошел к ней с рюмкой. Предложил вместе выпить. Она, ни слова не говоря, коснулась его рюмки краем своей, вызвав мелодичный звон, на долгие годы осевший в его сознании вместе с выражением

ее глаз в эту минуту. И выпила почти весь коньяк, бывший у нее в рюмке, при этом как-то мило и трогательно поморщилась — напиток для нее был чересчур крепким. А он смотрел на нее не отрываясь, забыв о своей рюмке, решив, что положит жизнь, чтобы завоевать эту девушку.

— Не смотри на меня так, — попросила она с болезненной гримасой. И пояснила: — Я люблю другого... Тебе понятно?

Ее слова больно ранили «охотника», но он не показал виду.

— Кто же этот счастливец? — спросил он.

— Его здесь нет... Он, между прочим, меня бросил, — хмыкнула она, не стесняясь в этом признаться.

— Он дурак. Посмотри на меня! — вдруг велел «охотник». И когда она посмотрела, сказал: — Я тебя не брошу.

Его слова развеселили девушку. Она несколько мгновений вглядывалась в его лицо, и тут он заметил, что она пьяна, но это никак не повлияло на его чувства.

Завершив изучение его лица, она поморщилась:

— Ты не в моем вкусе!

— Уверен, твой вкус изменится, — заявил «охотник».

Но она уже отделила себя от него.

— Оставь меня! Мне надо выпить...

И вписалась в круговерть тел, заполнявших комнатное пространство, выискивая глазами, где обустроен стол с напитками, который на время потеряла из виду.

Через некоторое время «охотник» опять оказался возле нее.

— Подожди, дай мне прийти в себя, — сказала она, ткнув его в грудь жемчужным ногтем.

Ее приоткрытые, сладостные на вид губы манили «охотника», и ему стоило немалых усилий, чтобы сдержаться и не совершить глупость.

А она, словно разгадав его желание, погрозила ему пальцем и вновь отправилась бродить по комнатам, имея какую-то неясную для «охотника» цель.

Она все больше и больше пьянела. Но всякий раз, когда «охотник» появлялся перед ней, вставая на пути, желая продолжить начатый ранее разговор, следовал жест рукой — между ним и нею взлетала ее растопыренная ладошка — и она говорила:

— Не сейчас...

Потом она влезла на подоконник и, устроившись там с ногами, сидела так некоторое время, глядя в открытое окно. «Охотник» в эти минуты удалился в туалет, куда долго не мог попасть из-за застрявшей там влюбленной парочки.

Когда он вернулся в комнату, все было кончено. Инга Шухмина погибла, выпав из окна.

Возбужденные гости толпились у подоконника и, мешая друг другу, заглядывали вниз. Кто-то охал, кто-то грязно ругался. «Да выключите, наконец, музыку!» — потребовал чей-то высокий женский голос, и музыку, гремевшую на полную мощь, тут же убрали.

Не сразу «охотник» протолкался к окну. Решительно отодвинув кого-то в сторону, он занял место у подоконника и посмотрел вниз. Инга лежала на газоне между деревьев, раскинув в стороны руки, похожая в коротком светлом платье на ангела, летавшего до того над землей, а сейчас прилегшего в траву отдохнуть. Что же это такое? Как же так? — спрашивал себя потрясенный «охотник». Он собирался жить с ней долго и счастливо! А теперь ее нет! Разве такое возможно?.. До сознания его дошел какой-то клацающий звук, и «охотник» не сразу сообразил, что от нервной дрожи стучат его зубы. Грудь сдавило, казалось, чья-то нога в крепком солдатском ботинке наступила на сердце, готовая его раздавить, словно неосторожную лягушку, оказавшуюся на пути. И чтобы вырвать сердце из-под этого ботинка, он почти на ощупь добрался до стола, где беспорядочно громоздились расстроенной в бою флотилией бутылки с крепкими напитками, налил себе стакан водки и залпом его выпил...

Внутренняя опустошенность, вызванная смертью девушки, была так велика, словно «охотник» потерял самого близкого человека, из тех, кого имел. Получи он в этот день известие о смерти матери или отца, которых навсегда оставил в далеком поселке, он не опечалился бы так. «Охотник» долго не мог оправиться от этой утраты, хотя знал Ингу всего каких-нибудь два-три часа. Он был убежден, что никогда больше не встретит подобную девушку. Так оно и складывалось. Шло время, у него появлялись подруги, с которыми он спал, но все это было так — упражнения для тела — ни одна не зацепила его всерьез. Не попадалась, подобная Инге, которой он мог бы отдать всего себя и боготворить ее. Нередко, лежа в постели и пытаясь уснуть, он твердил, как заклинание: «Ин-га! Ин-га!» Даже имя ее таило в себе притягательную силу. А лицо ее снилось ему часто. «Охотнику» казалось, будь Инга жива, и жизнь его сложилась бы иначе. И думая о том, какая могла бы быть замечательная жизнь, улетающая в бездну возможного, но не состоявшегося счастья, картины которого заполняли его воображение, он задыхался и грыз зубами подушку, роняя на нее слюну.

Конечно же, он был в числе тех, кто пришел на похороны Инги. И видел, как отец девушки, не в силах сдерживать эмоций, набросился на Брянцева, считая его виновником несчастья. Видел, как потерявшего голову профессора с силой оттащили в сторону и усадили на стул какие-то люди, видимо его друзья, бывшие впоследствии рядом.

«Охотник» тогда был погружен в свои чувства и особо не разглядывал молодого человека приятной наружности, страдавшего от гибели Инги, судя по его потерянному лицу, не меньше прочих и пытавшегося что-то объяснить налетевшему на него отцу. И этот эпизод забылся. Осталось лишь где-то на краешке памяти одно: в облике парня, которого любила Инга, не было ничего особенного, и можно только удивляться, почему она так остро переживала их разрыв.

Прошли годы, и однажды, шагая по залу супермаркета, куда он зашел сделать покупки, «охотник» неожиданно увидел Брянцева, катившего с отрешенным видом сноба тележку с продуктами. Не сразу «охотник» вспомнил, кто это. (За восемь лет, прошедших со дня гибели Инги, Брянцев изменился, превратился в мужчину, округлился в лице и имел вид преуспевающего человека.) А когда вспомнил, почувствовал сильное возбуждение. К этому моменту на счету «охотника» было уже с десяток убийств. «Как же так? — рассуждал «охотник», шагая следом за Брянцевым и глядя в его спину, мокрую от капель начавшегося на улице дождя. — Инги нет, а этот... живет себе припеваючи, покупает колбасу, пельмени... Это неправильно!» И он решил, что непременно убьет Брянцева. «Охотника» не интересовало, виноват ли в действительности Брянцев в смерти девушки или нет. Ему было ясно одно: человек, идущий сейчас перед ним и кладущий продукты в тележку, должен отправиться в свой последний круиз. При мысли о круизе перед внутренним взором «охотника» возник многопалубный океанский пароход, который, разорвав свою непрочную связь с причалом, уходил в морскую даль, унося в своем многосложном теле умные машины, дающие ему ход, ящики с провизией, громоздящиеся в складских помещениях, офицеров команды, одетых в светлую безукоризненную форму и следящих за порядком, пассажиров, отдыхающих в каютах с персональным сортиром и смакующих дорогое вино в ресторане первого класса или играющих в рулетку в местном казино, и среди них был и этот человек с тележкой. Мокрые пятна от капель дождя на спине Брянцева, лепившиеся в беспорядке на ткани его куртки, будили в голове «охотника» мысль изрешетить его подобным образом свинцовыми каплями.

Выследить Брянцева и узнать, кто он такой и где живет, не составило для «охотника» труда. Оставалось только сделать главное. Но вот, поди ж ты! — не склады-

валось. Стрельба с чердака из-за помехи не имела успеха; потом сломанная нога и месяц в гипсе; попытка убить стоматолога на ходу из машины тоже оказалась неудачной — тот даже не был ранен, хотя «охотник» выстрелил три раза; потом Брянцев исчез из собственной квартиры, и потребовалось немало сил, чтобы найти его нынешнее жилье, где он, по всей вероятности, решил временно укрыться, сообразив, что на него идет охота.

И собственная неудачливость, и то, что Брянцеву, наоборот, везло, и тот до сих пор сумел избежать пули, — все это заводило «охотника», не давая ему спокойно жить. Он привык идти до конца, даже если обстоятельства усложнялись; надо было изжить, и как можно скорее, эту головную боль. «Охотнику» было ясно, что теперь Брянцев будет вести себя крайне осмотрительно, станет просчитывать каждый свой шаг (вероятно, и ментов подключил), и долго прикидывал, где же ему поставить окончательную точку, понимая, что еще одной промашки быть не должно. И решил, что ловить жертву надо не в подъезде и не на улице, где стоит автомобиль Брянцева, а внутри квартиры, там, где его нынешнее жилье. Здесь было два варианта. Первый: проникнуть внутрь с помощью отмычек, когда хозяина не будет дома, и ждать его там, спрятавшись где-либо в углу. Но не факт, что протезист явится один! С ним может прийти гость, какая-нибудь девушка, к примеру. В этом случае придется застрелить и гостя (или гостью), что нежелательно. Кроме того, лезть в квартиру, используя методы «домушников», «охотнику» представлялось делом унижительным. Это некоторым образом принижало его высокую миссию. Был и второй вариант: явиться к Брянцеву открыто, представившись следователем МУРа. (Предъявить документы, если потребуется; на этот случай у «охотника» имелся качественно изготовленный пропуск сотрудника уголовного розыска, и только специалист высокого класса смог бы определить, что это, подделка.) Явиться и сказать, что он занимается расследованием дела о

стрельбе по машине (а дело наверняка заведено), и когда Брянцев впустит его в квартиру, застрелить его, наконец, убедившись предварительно, что тот в квартире один. «Охотник» избрал второй вариант.

Если на этот раз дело пройдет без запинки, подумал «охотник», тогда он в своей внутренней табели о рангах повысит себя в звании. Нередко после той или иной особо сложной «операции», если она проходила с блеском, он в шутку присваивал себе очередное воинское звание. Теперь в случае удачи, учитывая сделанное ранее, он вполне заслуживает трех звезд и полковничьих погон. И необходимо распить по этому поводу бутылку коньяка. Коньяк должен быть соответствующий — «три звезды». А может, и «пять звезд», весело подумал он. А что такое коньяк «пять звезд»? Лейтенант и полковник — в одном флаконе! — если вспомнить рекламу.

33

Наконец, когда они встретились в очередной раз, это произошло.

Не сговариваясь, еще в прихожей, лишь только Елена закрыла за собою дверь, оба шагнули навстречу друг другу и слились в поцелуе, которого оба долго желали, долго ждали, долго (особенно она) ему противились и который теперь, как и все последующее, не имело смысла откладывать, потому что в чувствах, как и в природе, нельзя остановить цветение деревьев, если этому цветению пришел срок, можно только помешать ему неожиданными заморозками, да и то не все цветы погибнут, немало найдется таких, которые устоят, — такова сила жизни. И никто из обоих не думал — ни он, ни она, — с кем они были до того; та, прошлая любовь, или то, что ею считалось, не имело теперь значения, как не имеет

значения, куда поедет дальше поезд, с которого вы только что сошли.

Брянцев прижимал к себе Елену, и теперь, когда искра, рожденная первым слиянием губ, пробежала по телу, не в силах был остановиться и покрывал поцелуями лицо девушки. словно, выпусти он ее хотя бы на миг, она исчезнет, растает, как туманное облако, так и не раскрыв своих тайн. Он не спешил ее раздеть, а хотел в полной мере насладиться тем, что держит ее в объятиях, ощущает ее, касается губ. Впервые увертюра была для него не менее важной частью, чем последующая музыка, где по воле композитора находят развитие мотивы, заявленные вначале, чтобы далее в финале торжествовать во всей красе...

Потом, когда минуты близости остались позади и они обнаженные лежали в постели, еще переживая в душе тот праздник чувств, что обрушился на них, он все никак не мог отделиться от нее, то жался к ней телом, то гладил ее плечо, то целовал ее груди, то трогал ласковой ладонью небольшой аккуратный ее живот, совсем не думая о том, что там внутри формируется новая жизнь, толчок которой дал кто-то другой, а не он. Лишь только он улавливал в ее теле движение, желание выскользнуть за пределы постели, на которой они лежали, тут же препятствовал этому, то целуя ее, добравшись до губ, то придерживая ее ноги своей сильной ногой. Это ее забавляло.

— Подожди, — сказала она, наконец. — Что с тобой? Дай мне дойти до ванной... — И видя, что он молчит, но нога его по-прежнему препятствует ей, добавила: — Не бойся, я не уйду.

И прежде чем единым порывом встать с постели, потрепала его волосы: чудак!

Она прошла к выходу, ступая босыми ногами по паркету, не стесняясь своей наготы, прелестная в своем естестве, а он, проводив ее глазами и откинувшись на спину, стал прислушиваться к своим чувствам, к тому, что

творилось у него внутри. Обычно, когда женщина, с которой он только что был близок, уходила в ванную комнату, он, оставшись один, проверял себя: то ли это, чего ему хотелось? Столь же желаема она, как и прежде, или общение с ней будет в тягость и лучше побыть некоторое время одному, пока его желание вновь не обретет силу? Вот и сейчас он ставил сеть, чтобы поймать в себе некоторую отчужденность, но ничего похожего не обнаруживал, даже больше: удивлялся себе, что не хотел отпустить Елену и по-прежнему желал ее, словно ничего и не было до того.

Он услышал, как она пустила воду и вода приглушенно барабанила, подобно пишущей машинке, по клеенчатой шторе, кафельной плитке, дну ванны. Некоторое время он напряженно вслушивался в звуки, доносившиеся из ванной комнаты, ожидая, станет ли она напевать что-либо, довольная случившимся, как это делали некоторые ее предшественницы, и чего, надо сказать, он не любил: женщина, поющая в ванной после любовного соития, вызывала у него брезгливое чувство, напоминая кошку, которая мурлычет после удачной случки; связь с такими, как правило, длилась недолго. Брянцев даже загадал: запоет Елена или нет. Прошла минута, другая, третья... Никаких звуков, кроме дождевого шелеста воды. Потом звук воды оборвался, и наступила тишина. «Боже, какое счастье!» — подумал Брянцев, ощутив новый прилив нежности к Елене, которая не обманула его ожиданий.

— Я готова, — сказала она, появляясь в комнате и еле слышно касаясь босыми подошвами пола.

Что она имела в виду, сказав «я готова», Брянцеву было не ясно: готова ли опять к любви или беседе, которая следует за любовными ласками? А сам он трепетал, вновь почувствовав желание.

Елена подошла к кровати, ступила на нее коленями.

— Музыка есть? — спросила она.

— Нажми двухкассетник.

Изогнувшись в поясе, она дотянулась до магнитофона, нажала клавишу и сидела некоторое время так, изогнутая, слушая, что звучит и созвучно ли это ее настроению. В магнитофоне стояла кассета с музыкой Эннио Морриконе для кино, и это ее устроило.

Когда она улеглась на подушку, он жадно припал к ее губам, давая понять, что готов повторить все то, что делал ранее, но она удержала его.

— Мне кажется, тебе надо сходить туда... — она указала в сторону в ванной комнаты.

Он поднялся, подчиняясь ей и испытывая от этого радость, и, когда уже был в дверях, услышал:

— Только прошу тебя, не пой под душем... Это пошло!

Он расхохотался и, услышав ее удивленное «Ты чего?», замахал руками, не в силах что-либо объяснить.

Когда он вернулся, посвежевший, с влажной кожей и влажными волосами, она все так же лежала на подушке, устремив глаза вверх, не изменив своей позы, в которой была до его ухода.

— Ты не сможешь меня бросить, — вдруг сказала она счастливым голосом, когда он улегся рядом.

— Почему? — спросил он по инерции и тут же осекся, удрученный глупостью своего вопроса.

— Потому что я сделаю это первой...

— Не спеши, — сказал он и хотел что-то объяснить ей. — А вдруг...

Она прижала свой палец к его губам, давая понять, что не следует ничего объяснять. Она не нуждалась в объяснениях, не верила им. Образ жизни, который вел Брянцев, был ей предельно ясен (да и он сам ничего не скрывал от нее), но она любила его и не хотела заглядывать вперед: будь, как будет. Она понимала, что прогнозировать свои чувства так же бессмысленно, как прогнозировать повороты судьбы. Гораздо больше ее беспокоило то обстоятельство, что есть неизвестный, желающий убить ее возлюбленного. И, судя по всему, этот человек не думает отступаться. А они до сих пор не мо-

гут нащупать ниточку, которая могла бы привести к нему. Елена страшилась подумать, что может потерять Брянцева в любую минуту.

А Брянцев был победно возбужден в эти мгновения. Он вдруг почувствовал себя абсолютно свободным, не зависимым ни от кого и ни от чего — ни от преследующего его злоумышленника, ни от воли сильных мира сего, играющих людскими судьбами, как пешками, ни от законов государства, чаще всего неразумных, ни от денег, ни от чего-либо другого. Он ощущал внутренний подъем, словно спортсмен, готовый к рекорду, и не испытывал страха. Пусть стреляют в него, четвертуют, повесят на веревке и даже сбросят вниз с воздушного шара! Это все сейчас не имело значения. Значение имели только его любовь и эта девушка, что была рядом с ним здесь.

А Елена, продолжая размышлять об опасности, грозившей Брянцеву и омрачавшей ее счастье, вдруг сказала, удивив его тем, что и сейчас продолжала думать о злоумышленнике:

— Кто же он? Знать бы, кто он...

— Да плевать на него!

— Ты хочешь оставить меня неутешной вдовой? — невесело пошутила она.

— Ну что ты! Я еще не наслаждался нашей любовью. И, кажется, никогда не смогу насладиться.

— Лжец! Какая я по счету в твоей коллекции пойманных бабочек?

— Тебе не место среди прочих. Ты сама по себе. Как главная драгоценность в праздничном наряде королевы...

— О, вы опасный оболъститель! — сказала она. — А теперь давай серьезно...

— Давай, — согласился он и поцеловал ее в живот.

— Подожди, — отстранилась она.

И, подчиняясь ей, он замер, опершись на вытянутую руку, стараясь быть серьезным, любуясь ее ладным обнаженным телом.

— У нас слишком мало времени, — сказала она, — чтобы успеть размотать каждую ниточку... У меня появилась мысль: тебе следует опять ездить в клинику на своей машине. А я буду сопровождать тебя (в этом деле мне поможет сосед по дому) и прослежу, нет ли за тобой хвоста. Вполне вероятно, так мы его обнаружим.

— К черту! Через неделю я улетаю в Париж... Хочешь со мной?

34

Пока Елена проводила время у Брянцева, в том же доме находился еще один герой нашего повествования.

Это был ее сосед Дурко. Обуреваемый любопытством, он вновь отважился на слежку и, увидев Елену, севшую возле их дома в такси, поехал следом. Только чудом он не отстал в дороге из-за пробок, но все же сумел удержаться в значительной близости от машины, которую преследовал.

Такси привезло Елену к дому, где Дурко уже был однажды и где жил этот лохотный тип (Брянцев).

Выждав, когда Елена зайдет в подъезд, Дурко открыл машину и поспешил за девушкой, желая проследить, на какой этаж она поедет, и, быть может, впоследствии даже узнать номер квартиры, где она была. Для соблюдения маскировки он вынул из кармана брюк темно-синюю бейсбольную кепку с мятым козырьком и нацепил ее на голову, надеясь таким образом изменить внешность, ощущая себя чем-то вроде Шерлока Холмса, когда тот в целях конспирации менял свой наряд. При этом Дурко понимал, что ему следует действовать осторожно и не лезть на рожон, дабы не оказаться обнаруженным Еленой, иначе скандал неизбежен.

На его счастье, домофон на двери подъезда был сломан, и он беспрепятственно попал внутрь.

Прошмыгнув тенью по ступеням лестницы вверх мимо кричащей на стене надписи «ОГЛОЕДЫ!», взывавшей неизвестно к кому и сотворенной краской из баллончика неизвестной личностью, он оказался на площадке первого этажа перед лифтом и почувствовал, как одна из дверей на этаже отозвалась звонким игривым щелчком, видимо, впуская ту, за которой он следовал. Дурко устремился к этой двери и замер с мучительной гримасой напротив, обнаружив на ней прямоугольную табличку из серебристого металла, где была изображена с помощью чеканки изящная шаланда, летящая под парусом, и строгая надпись под нею: «Студия “Парус”». «Надо же!» — почувствовал прилив возбуждения Дурко и решил, что, если проникнет за эту дверь, сумеет убедить всякого, и Елену в том числе, что явился туда не за нею, а с целью потрудиться во славу студии «Парус», не смущаясь тем, что лишен знания, чем в этой студии занимаются. Сбоку у двери на потрескавшейся стене, в окружении сальных пятен, торчала грязно-белая кнопка звонка, и, выждав немного, Дурко ткнул ее пальцем.

Человек со стертой внешностью и отсутствующим взглядом, открывший ему дверь (может, охранник, а может, и не охранник вовсе), пропустил его внутрь, не спрашивая ни о чем, словно был предупрежден о его приходе. Другого бы это насторожило, но только не Дурко. Послушно проследовав за «привратником» по узкому коридору, Дурко оказался в проходном помещении метров двадцати пяти, которое все было заставлено различной съемочной аппаратурой, предметами реквизита, состоявшими из обеденной посуды, мутных от пыли бокалов для вина, ваз с засохшими цветочными стеблями и прочей ерунды, на стенах висели разноцветные драпировки из плотной ткани, собранные в одном месте, чтобы, видимо, можно было выбирать из них, сравнивая одну с другой, а также несколько натюрмортов большого размера в позолоченных багетовых рамах, в основном это были копии с известных картин. Был здесь и «Завтрак с ежевич-

ным пирогом» Виллема Класа Хеды, оригинал которого нашел приют в стенах Дрезденской галереи, радуя тамошних любителей живописи. (Дурко прекрасно знал эту картину, и кто ее автор. Хорошая ее копия висела в гостиной в доме его тетки по отцу, и, когда мать водила его ребенком туда в гости, мальчик подолгу разглядывал полотно, получая удовольствие от созерцания последнего, хотя, что там особенного — поваленный серебряный кубок, бокал с недопитым вином и остатки ежевичного пирога на тарелках, — но зрелище это, тем не менее, завораживало мальчика. Потом мать и тетка рассорились по неизвестной причине, и мальчик лишился возможности изредка любоваться этим образчиком живописи.)

В помещении находились какие-то люди, каждый из которых был занят делом: один копался с осветительным прибором, работая отверткой, отлаживая его, другой чинил с помощью молотка и гвоздей старое кресло, третья с серьезным видом перебирала разноцветное постельное белье, лежавшее в большой картонной коробке из-под телевизора... Бездельничали только двое парней, широкоплечие, мускулистые, с атлетическими торсами культуристов; парни сидели на коротком топчане и играли в карты, и, что самое странное, оба были абсолютно голые, в буквальном смысле, лишь легкие банные халаты грязно-белого цвета были наброшены на их спины. «Надо же», — вид голых картежников озадачил Дурко. Особенно неприятно было сознавать, что мимо них прошла и Елена, — другого прохода, судя по всему, здесь не было. Во второй комнате, она была поменьше и тоже проходной, стоял гримерный столик с большим зеркалом и двумя электрическими лампочками над ним. Перед зеркалом сидела девица в халате и тапочках на босу ногу, в распахнутые полы халата видны были ее большие с коричневыми сосками груди; другая девица в юбке и короткой зеленой майке, с навыками парикмахера, трудилась над ее прической. Рядом на длинной металлической палке, укрепленной вдоль стены, на плечиках ви-

село много разной одежды — мужской и женской. Видимо, это была костюмерная пополам с гримерной. Здесь было тесно, неудобно, душно, люди, находившиеся здесь, постоянно задевали друг друга локтями и спинами, когда перемещались в ту или иную сторону; каждый второй курил, сбрасывая пепел в жестяные банки из-под консервов, торчавшие по разным углам. Повсюду стоял стойкий запах искуренных сигарет, смешанный с тошнотворным запахом духов, от которого щипало ноздри. Убедившись, что и в этой комнате Елены нет, Дурко хотел было проследовать дальше, но был остановлен небритым человеком в шортах, с длинными сальными волосами до плеч, глаза которого прикрывали модные темные очки. «Чего так долго? — набросился он на Дурко. — Капустин, режиссер, уже спрашивал... Живо раздевайся!» Не успел Дурко и слова сказать, как с помощью двух курящих девиц в считанные секунды оказался в чем мать родила — те оставили ему только бейсбольную кепку. «Однако!» — подумал Дурко, не ожидавший такого поворота. Небритый коротко оглядел его неспортивное белое тело, чуть дольше задержал взгляд на детородном органе и скептически поморщился. «Можно было и получше найти... — заявил он недовольным тоном. — Впрочем, не мне решать!» Дурко не понял, что имел в виду небритый, делая свое бесцеремонное замечание, но, как человек деликатный, все же прикрыл ладонями причинное место. Взгляд его метнулся в поисках снятой с него одежды, но так и не смог ее обнаружить. В следующую минуту несчастный был утащен чертовками, что его раздевали, в соседнее помещение, куда направился небритый. «Где я? Куда попал? — тоскливо подумал Дурко. — Что делает Елена в этом вертепе?»

Соседняя комната, куда доставили Дурко, являла собой съёмочный павильон. Здесь горели осветительные приборы, работала видеокамера, и была деловая обстановка, свидетельствующая о том, что присутствующие занимаются крайне важным и полезным для жизни об-

щества делом. Взгляды работников съемочной группы были устремлены на большую двуспальную кровать, на которой двое — мужчина и женщина — беззастенчиво совокуплялись друг с другом, мычанием и стонами подчеркивая свою страсть. Судя по предметам вокруг, одежде, разбросанной на стульях, и висевшей на стене копии с картины «Белая утка» Жана-Батиста Удри (теперь стало понятным назначение картин, находившихся в первом помещении, — они были призваны, вместе с драпировками, видоизменять интерьер), снималось «кино» из жизни состоятельных господ. Простуженный режиссер, возбужденный желчный человек в жилете из джинсовой ткани, с преждевременно лысеющей головой, хлюпая носом и страдая от отсутствия носового платка, громким голосом подавал команды, призывая совокупляющихся то прибавить, то убавить темп. Увидев эту картину, Дурко с колотящимся сердцем вдруг ясно осознал, что студия «Парус» есть не что иное, как организация, стоящая на передовых рубежах культуры и занимающаяся изготовлением порнофильмов. Загадкой оставалось одно: какое к этому всему имеет отношение Елена, которой и в этой комнате не оказалось. Понаблюдав за голым молодым человеком, детородный орган которого находился в возбужденном состоянии, и за девушкой, его партнершей, Дурко, надо сказать, немало возбудился и готов был оттолкнуть сластолюбца и занять его место на постели, и только природная скромность и застенчивость не позволили ему совершить столь опрометчивый шаг — ведь вокруг было столько зевак, все эти операторы, осветители, ассистенты, была даже очаровательная гримерша, которая в паузах между дублями поправляла макияж героине данной сцены.

— Богдан, мы здесь... — шепнул режиссеру небритый в шортах, добравшись до него и став у него за спиной.

Тела на постели еще некоторое время продолжали сладострастную битву полов, пока не последовала команда режиссера «стоп».

Режиссер объявил короткий перерыв, после чего совокуплявшиеся тут же деловито встали и, набросив на себя халаты, перешли на стулья у окна, где им предложили кофе в белых пластиковых стаканчиках и бутерброды; героиня при этом была чем-то озабочена и что-то объясняла партнеру, нервно жестикулируя.

— Ну, покажите, покажите его... — Режиссер закурил сигарету и, наконец, повернулся к пришедшим. Взгляд его, минуя лицо Дурко, устремился на причинное место последнего, которое, следует сказать, хотя и пребывало в возбужденном состоянии, но оставило служителя кинематографии неудовлетворенным. Он поднял глаза и заглянул в лицо Дурко. — Вы кого мне привели? — воскликнул он, удивленно таращась. — Это же не Стаканов...

— Как — не Стаканов?! — в свою очередь удивился небритый. — А кто же он в таком случае?

— Вот и я спрашиваю — кто?

Небритый строго взглянул на Дурко:

— Ты кто?

— Я пришел за Леной. Она у вас...

— За какой Леной?.. Что ж ты не сказал, что ты не Стаканов?

— Не успел. Меня тут же раздели!

— Да-а, король действительно голый... — хмуро съязвил режиссер. — Помощнички, блин! От вас заколбасит! Ничего поручить нельзя! Вы хоть иногда смотрите на лица? — спросил он у небритого и двух девиц, раздевавших Дурко.

— А нам-то что? Нам сказали — мы раздели и привели, — обиделись девицы и нервно задымили сигаретами.

— Стаканова надо знать в лицо! — воскликнул режиссер. — Он у нас снимался в «Похотливом милиционере»... С вашими мозгами — навоз вилами кидать. Там ума не надо! — И кивнул в сторону Дурко: — Убрать!

Девицы, раздевавшие Дурко, подхватили его под руки и потащили обратно в костюмерную. Там не без тру-

да отыскали его одежду. Что-то он успел натянуть на себя, другое надеть ему не дали, а сунули в руки, дабы поскорее выпроводить вон. Вскоре он стоял полуодетый на лестничной площадке у двери, с которой началось его путешествие в студию «Парус», похожий на любовника, срочно бежавшего из квартиры, куда через минуту должен явиться муж. «Сволочи! — негодовал про себя Дурко. — Я вам устрою порнобизнес! Завтра же тут будут ребята из МУРа...»

В эту минуту открылась дверь лифта, и оттуда появилась та, которую он безуспешно искал в стенах студии «Парус». С сияющими глазами, с улыбкой, блуждающей на устах, что так украшает влюбленную женщину. Увидев расхристанного Дурко, с рубашкой и обувью в руках, Елена была крайне удивлена.

— Вы? И в таком виде? — вымолвила она. — Что вы здесь делаете? — И подозрительно прищурилась. — Опять следили за мной?

— Ни в коем разе! — воскликнул Дурко, переступая босыми ногами по холодной керамической плитке пола.

Узнай сейчас Елена о том, где побывал Дурко и что там происходило, пока они с Брянцевым предавались любви, она, несомненно, пришла бы в ужас оттого, что ее чувства и проявление этих чувств оказались в соседстве с распутством, поставленным на поток. И настроение ее было бы надолго испорчено. Но Елене не дано было этого узнать. К счастью, часто многое из того, что творится у нас под боком, скрыто от наших глаз, и мы мирно сосуществуем с тем, что нам не по душе. И Дурко, хотя и был глуп, не спешил поведать девушке о том, чему явился свидетелем, даже когда впоследствии недосчитался в своем бумажнике некоторой суммы денег, которая исчезла в «Парусе» в те минуты, когда он был разлучен со своей одеждой, хорошо еще оставили права и ключи от машины, иначе совсем было бы худо...

Гадалка — или кто там она была? — оказалась права. События, последовавшие после встречи с нею, серьезным образом изменили жизнь Елены.

На следующее утро, в половине одиннадцатого, явился посыльный и принес Елене записку от доктора Ланге. Сердце Елены забилося от нехорошего предчувствия, когда Даша, горничная, подала ей конверт. Вот что писал Ланге:

Дорогая Елена,

так складываются обстоятельства, что мне необходимо завтра же уехать из Москвы.

Объясняю причину столь скорого отъезда. Из письма матушки, полученного мною вчера, я узнал, что бабушка мой очень нездоров и мне следует немедленно прибыть в наше имение Колонтаевку Орловской губернии. Надеюсь быть ему полезным и, быть может, излечить его, ведь я же доктор и вроде бы неплохой. С этой мыслью и еду. Думаю, мое пребывание в Колонтаевке продлится месяца два или три, а там как Бог даст.

Своих пациентов я оставляю на попечение своего коллеги, доктора Корсакова Ильи Ивановича, и Вы — вся Ваша семья — сможете запросто обращаться к нему, как ко мне; он — опытный практик и милый человек.

Сегодня вечером приду к Вам прощаться.

Милая моя, знай, чувства мои к тебе остаются неизменными. Даже покойную жену я, кажется, любил меньше.

С уважением Николай Ланге.

Прочитав записку, Елена почувствовала, что ей нехорошо, что ей не хватает воздуха. Как? Вот так сразу, в одночасье, Ланге оставляет ее? И она не увидит его до осени? Или даже до зимы? Разве это возможно? Нет, она не

сможет пережить эту разлуку! Как она была глупа, не сказав ему «да», когда он давеча приходил просить ее руки. Это же ужасно — лишиться его на долгие месяцы.

Подавленная, она добрела до бюро, опустила на стул.

— Посыльный еще ждет? — спросила она у Даши, ожидавшей в дверях.

— Да.

— Тогда скажи ему, что будет ответ...

Не глядя на горничную, Елена вынула из бюро бумагу, перо и чернила и села писать ответ Ланге.

Она несколько раз начинала письмо, но, написав пару фраз, неудовлетворенная, комкала написанное и бралась за новый лист. Волнение и мысли о скорой разлуке мешали ей сосредоточиться и высказать то главное, что ей хотелось. Наконец с четвертой попытки, когда она уже некоторым образом справилась со своими чувствами, ей удалось написать следующее:

Дорогой доктор!

Вы меня сводите с ума. Ваш отъезд — это кара за мою строптивость. Не знаю, как я это переживу.

Я должна Вас видеть. Немедленно! Сейчас без четверти одиннадцать. С учетом утреннего туалета и времени на дорогу я буду у Вас в начале первого.

Ждите меня, милый.

Несчастливая Елена.

Запечатав письмо, она сама вышла в переднюю, отдала посыльному конверт, присоединив к нему серебряный полтинник с царским профилем на нем. Посыльный, губастый мальчишка лет четырнадцати, сын дворника в доме Ланге, маявшийся в передней и вертевший в руках свой картуз, повеселел, ощутив в ладони тяжесть монеты, и тут же умчался.

Двумя часами позже, оказавшись в кабинете Ланге в объятиях доктора, она долго не могла оторваться от его

губ, не боясь быть застигнутой экономкой Николая Павловича, которая занималась его сборами в дорогу и, укладывая вещи в два чемодана и баул, не раз до прихода Елены обращалась к нему по вопросам белья и платья, которые рекомендовала взять с собой; но сейчас Августина Ивановна, понимая деликатность ситуации, не спешила к доктору в кабинет, давая ему возможность побыть с девушкой наедине.

Ланге почувствовал, что у Елены подкашиваются ноги, и усадил ее на стул. Справившись с волнением, она воскликнула с жаром:

— Я поеду с вами!

— Господь с тобой, Елена! Нельзя! — воспротивился Ланге. Он опустился перед ней на колени и стал гладить ее руку. — В качестве кого ты поедешь со мной? В качестве содержанки? Я слишком уважаю тебя и твоих родителей, чтобы позволить это. Только после того, как мы сможем обвенчаться.

— Я не выдержу столько времени, — застонала она.

— Ты сильная, — сказал он, целуя ее пальцы, — ты выдержишь... Мне тоже будет тяжело без тебя, — признался он.

Она высвободила свою руку, взяла ладонями его голову, заглянула в глаза:

— Почему едешь ты, а не твой брат? Пусть поедет он, если такая срочность...

— Ну, во-первых, я врач... И могу быть полезен как никто другой. Во-вторых, брат уладит кое-какие дела и тоже приедет.

— Я хочу тебя, — вдруг сказала она. — Сейчас!

Ланге покачал головой, удивляясь столь откровенным словам — не в характере Елены было заявлять подобное, — обычно инициатива исходила от него, а она либо молча соглашалась, не противясь тому, как он расстегивает пуговицы на ее платье, либо говорила «нет».

— Невозможно, — сказал он. — Сюда всякую минуту может войти Августина Ивановна...

— Тогда поедем куда-нибудь, — попросила она, не думая о том, что ей не следует говорить подобные вещи. — Снимем номер в гостинице... Или возьмем коляску и уедем просто за город. — Елена сама не понимала, что с нею происходит. Скажи ей кто-нибудь еще полгода назад, что она станет упрашивать Ланге бросить все и снять номер в гостинице для любовного свидания, она пришла бы в негодование. В эту минуту она чувствовала себя гадкой, похотливой, но противиться своим чувствам не могла.

Надо признать, что и Ланге хотел того же, но, как человек более зрелый и рассудительный, не мог позволить Елене сделать то, о чем она впоследствии станет жалеть.

— Не спеши, — остановил он ее. — У нас впереди целая жизнь.

— Не знаю... — Елена покачала головой. Ей на память пришло предсказание цыганки о не скором ее замужестве, и она разрыдалась.

— Что с тобой? — спросил потрясенный Ланге, он никогда не видел Елену в таком состоянии.

Ответа не последовало. Елена не могла рассказать ему о встрече с цыганкой и о том, что услышала от нее. Как человек практический, доктор обычно смеялся над подобными вещами. Но сейчас причина была в ином: Елена боялась говорить на эту тему. У нее еще была надежда, что цыганка ошиблась в своем прогнозе, но повторила она вслух сказанное гадалкой, это, казалось ей, может обрести действительную силу.

— Возьми себя в руки... — Ланге поднялся с колен, ушел за ширму и принес оттуда флакончик с нюхательной солью. Открыв пробку, сунул флакончик Елене под нос.

От резкого запаха ее качнуло на стуле.

— Придумай что-нибудь, — попросила она спустя минуту, глядя на него истоиво, как глядят религиозные фанатики на своих духовных наставников, готовые отдать за них жизнь.

Ланге посмотрел в ее глаза и понял, что должен что-то предпринять, чтобы не потерять ее. А это могло случиться, если он станет упорствовать. Доктор несколько мгновений мучительно размышлял, придумывая, как им уединиться.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Я отправлю Августину Ивановну и Лизу в магазин за покупками... Мне надо привезти подарки матери... Да и отцу тоже. А я не все купил, что надо.

Ланге ушел. Его долго не было. Елена ходила по кабинету туда и обратно, не находя себе места. На мгновение она задержалась у окна и, тронув штору, выглянула на улицу. Ей показалось, что она увидела Пустыгина, идущего по другой стороне улицы, — тот был в своей студенческой тужурке, ему ее, вероятно, отстирали от крови и заштопали дыру от пули. Проходя мимо, он коротко взглянул вверх на окна квартиры доктора. «А этому что здесь надо?» — с раздражением подумала Елена и резко отклонилась назад, чтобы ее не было видно с улицы. Но Пустыгин (если это был он) вряд ли ее заметил, потому что уже прошел вперед и был виден со спины через прутья решетчатой ограды, отделявшей двор перед домом от улицы.

Елена стала думать о Пустыгине. Что он здесь ищет? Может, решил зайти к Ланге и поговорить о своей заживающей ране? Но он говорил, что рана его уже не беспокоит... Или почувствовал, что она здесь? Нет, ей не хотелось его видеть. По крайней мере, в ближайшее время. В ней боролись два чувства: жалость и неприязнь. С одной стороны, ей было жалко этого неухоженного, полуголодного юношу, с горящим взором фанатика, готового пожертвовать собой ради неясных целей; с другой — он был ей мерзок, он убил человека, он опасен, ведь он не раскаялся в содеянном и отказался дать слово, что не станет убивать впредь. Самое правильное в ее положении — перестать с ним общаться, забыть его, пусть живет, как хочет. Доносить на него в полицию

она не станет — все в ней противилось роли доносчика, хотя было очевидно: если Пустыгина не изолировать, он принесет обществу немало бед. При этом она укоряла себя за то, что слишком быстро отступилась от него. Все ее благородные помыслы — переделать этого заблудшего, привить ему вкус к иной жизни — оказались не чем иным, как прожектерством. С другой стороны, оправдывала она себя, изменить можно только того, кто этого желает. И все же, все же, вслед за этим думала она, наверное, не следует ставить крест на этом несчастном юноше, он не безнадежен. Но вот его любовь пугала Елену. Она боялась этой любви. Боялась пустыгинской страсти даже в малых дозах. Встретаться с человеком, чувства которого не разделяешь, было слишком мучительно. А сейчас это особенно не ко времени.

Думы о Пустыгине на некоторое время заняли Елену и помогли дождаться возвращения доктора, который отсутствовал слишком долго.

Наконец Ланге появился.

— Ну вот, они ушли, — сказал он. — Мы одни. — И замер, не зная, как действовать дальше. И когда Елена подошла к нему, обнял ее и сказал ей тихо на ухо: — Идем в спальню...

В минуту блаженства, когда Елене казалось, что она и Ланге стали единым целым и ничто теперь не может их разъединить — ни предстоящая дорога на поезде от Москвы до Орла, ни дальнейшая поездка доктора на лошадах от станции до имения, ни долгие дни и месяцы, которые им предстояло прожить в разлуке (сейчас он принадлежал только ей, и судорога сплетенных тел, думалось, обрела силу того, что не может быть порушено никогда), — вдруг до слуха обоих донесся звонок колокольчика из передней.

Пик любовной страсти остался позади, и Ланге, перевернувшись на спину, несколько мгновений с неудовольствием вслушивался в звуки колокольчика: кого это

несет нелегкая? Подниматься, надевать халат и выходить в переднюю не хотелось. Ради нежданного гостя он не желал лишать себя удовольствия побыть еще некоторое время с Еленой наедине. Даже если бы знал, что это звонит дворник с целью сообщить, что в доме случился пожар, и тогда бы он, кажется, не тронулся с места. Пусть все полыхает в огне, черт с ним!

Но колокольчик все звенел и звенел. Нежданный гость был настойчив.

Ланге взглянул на Елену.

— Видимо, какой-то случайный пациент... У Августины Ивановны и Лизы есть ключи, и они не станут звонить, — объяснил он Елене с виноватым видом, хотя она не спрашивала его ни о чем.

На некоторое время колокольчик умолк, потом звонки повторились с прежней настойчивостью.

У Елены возникла мысль, что, быть может, это звонит Пустыгин. Но, минуя дворника, тот вряд ли попадет в дом, и, значит, дворник будет его сопровождать. Подумав о Пустыгине, она не стала делиться этим предположением с Ланге.

— Невоспитанный господин! — рассердился Ланге. — Если не открывают, значит, хозяев нет дома. Чего понапрасну дергать ручку звонка?

Он попытался переключить свое внимание на Елену и, наклонившись к ней, поцеловал ее в губы. Но новый перезвон колокольчика не дал ему в полной мере ощутить сладость момента.

— Это он, — вдруг сказала Елена, когда Ланге с негодующим видом прервал поцелуй.

— Кто — он?

— Ну, тот молодой человек... Террорист.

Ланге удивленно сел на постели:

— С чего ты взяла?

— Так мне кажется... Я видела его примерно с полчаса назад, когда ты выходил из кабинета. Он ходил возле дома.

— Что ему здесь надо? — нахмурился Ланге. — Ты сказала ему, что едешь ко мне? Зачем? Это уже черт знает что такое! Я его застрелю, как он полицмейстера!

— Успокойся! — Елена положила ладонь на его широкую мускулистую грудь. — Уверю тебя, я не говорила с ним. Он не знает, что я здесь, если только не следил за мной...

36

В дверь действительно звонил Пустыгин. После бессонной ночи, которую он провел в мыслях о той, которую любил, и новом теракте, готовившемся на послезавтра (на этот раз неистовому борцу за народное благо предстояло бросить бомбу в князя NN), в полдень он отправился к Елене домой. Не обнаружив ее дома, он обманым путем узнал у горничной, сославшись на то, что имеет послание для ее хозяйки, куда та поехала, и устремился следом.

— Вот видишь, нет никого, — сказал ему сопровождавший его дворник, справный мужик в поддевке и сапогах с высокими голенищами. — Я давеча видел, как экономка с Лизою уехали на извозчике...

— А я говорю: доктор должен быть дома, — хмурился Пустыгин, не желавший уходить.

Он настроился на встречу с Еленой, заготовил нужные слова, хотел просить у нее прощения за вчерашнее, за то, что так резко отнесся к ее предложению. Но самое главное — собирался, не объясняя причины, попрощаться с нею накануне боевого дела: кто знает, увидятся ли они вновь? Пусть сохранит о нем память как о человеке благодарном, сумевшем оценить ее участие в его судьбе. Уйти ни с чем Пустыгину не хотелось.

— Все ушли, — повторил дворник. Ему надоело торчать возле дверей. Было обеденное время, и душа его

рвалась в ближайший трактир, куда он заходил, по обычаю, выпить перед обедом лафитник водки, а затем уже отправлялся домой есть наваристые щи, отчего у него в душе всякий раз, словно ангел пел. — А раз женщины ушли, — продолжал он, — следовательно, и барин отсутствует. Они без прислуги дома не бывают.

— Как ты не понимаешь, у меня письмо к доктору, — Пустыгин хлопнул ладонью по нагрудному карману ту-
журки.

— Отдай мне, я передам.

Пустыгин покачал головой:

— Велено передать лично...

— Тогда зайдешь другим разом... У меня вона сколько обязанностей, не могу я тут с тобою лясы точить.

Расстроенный Пустыгин еще раз дернул звонок, нехотя отошел от двери и стал спускаться по широкой мраморной лестнице вниз, нет-нет, да и поглядывая назад — а вдруг кто выйдет? Интуиция подсказывала ему, что доктор в доме и Елена с ним. Сидят, пьют чай, беседуют... Или... От этого «или» у него похолодела спина, и он стал убеждать себя, что ничего предосудительного там быть не может, ведь Елена девушка из хорошей семьи и, следовательно, не станет вести себя, подобно куртизанке. Это куртизанки ходят к мужчинам в дома и вытворяют, бог знает что! Елена, вспомнил Пустыгин, говорила ему, что Ланге — их семейный доктор и пользуется всю ее семью. Видимо, она страдает каким-то нездоровьем, и в силу этих причин отправилась сюда сегодня. Так почему, в таком случае, ему не открывают дверь? Вновь иголочка подозрения кольнула его в сердце. «Чудак-человек, — ответил себе Пустыгин, — вероятно, он осматривает ее. А выйти в прихожую на звонок некому». На этом он успокоился.

Пустыгин вышел из здания и, не глядя на дворника, который рассчитывал получить за труды на чай и остался ни с чем, пересек палисадник и оказался на улице. Оттуда в последний раз глянул на докторские окна и направился в сторону бульвара.

Несмотря на неудачный визит к доктору, Пустыгин все же был счастлив. Мысль о том, что он не дал подавить себя убогой жизни, от которой немало людей ударяются в пьянство и сгорают до срока, приятно согревала его душу. Теперь в его жизни была цель — борьба за лучшее будущее для трудового человека, и эта цель делала его личное бытие оправданным и значительным. Его имя навсегда останется в истории, подобно именам Желябова, Каляева, Засулич... С некоторых пор (не без помощи всякого рода революционных теоретиков, запустивших свои теории в его горячую голову и ему подобным) он был убежден, что террор — самый надежный способ по переустройству жизни, самый надежный путь в «райские кущи» на земле. Механизм прост: чем меньше будет душителей свободы, пекущихся о сохранении статус-кво в пользу богатых, тем быстрее наступит справедливая жизнь, о которой мечтало не одно поколение просвещенных русских людей. И если поначалу душа его пребывала в некотором разлаженном состоянии в связи с убийством Москалева и нечто похожее на муки совести омрачало его мысли (появление Елены в немалой степени способствовало этому процессу — ему не хотелось выглядеть в ее глазах заурядным душегубом), то после того, как поднялся его авторитет в среде товарищей, исповедовавших необходимость террора, он с особым подъемом готовился к предстоящей акции по устранению светлейшего князя, отвечавшего за систему наказаний в России. Став на дорогу атеизма, не сопрягая отныне свою жизнь с христианскими заповедями, Пустыгин не считал убийство неугодного человека грехом, тем более, если этот человек совершает дурные поступки, от которых страдает множество униженных и беззащитных душ. Проблема, с точки зрения Пустыгина, решалась просто: нет насильника, по чьей вине страдали люди, и множество несчастных, избавившись от страданий, с облегчением вздохнут. И Пустыгин был готов день за днем стрелять из оружия в царских приспешников или бро-

сать им под ноги бомбы. Пусть у них отрываются ноги, кисти рук, вываливаются внутренности... Убивает же человек назойливую муху. Или собаку камнем — и такое бывает, — ежели оголтелая псина хватает его за штанину. Режут баранов, свиней, птицу всякую, лишая их жизни, чтобы употреблять затем в пищу. А это твари, в общем, безобидные... Не то, что там генерал-губернаторы или начальники тюрем! Те — особи вредные, опасные, наподобие ядовитых змей!.. Пустыгину было радостно чувствовать в себе силу, благодаря которой он вел поединок с властью. Кто сказал, что существующая власть — это то, что необходимо русскому народу? Что существующее государственное устройство — самое нужное ему? Где это записано? Нигде! А если так, то простой человек имеет право на иную — лучшую жизнь. Это им, царю, его жандармам, генерал-губернаторам вкупе с большепузыми фабрикантами, необходим существующий порядок, но не таким, как Пустыгин и миллионы ему подобных людей. При этом Пустыгину даже в голову не приходило, что новый миропорядок, который виделся в мечтах ему и его товарищам по борьбе, может быть неугоден бесчисленному числу русских людей как с той, так и с другой стороны. Опьяняли цели, которых можно было достичь. Опьяняла сила, которую Пустыгин ощущал в себе и благодаря которой эти цели становились ближе. Порою у Пустыгина перехватывало дыхание от осознания накопившейся в нем мощи. Ему казалось: возьми он сейчас в руки тяжелый камень-валун или дубовое бревно на лесопилке, или рессорную бричку, то бросит и то и другое играючи, куда пожелает. Но самое важное: от его воли в немалой степени зависела отныне жизнь той или иной человеческой особи, надумай он убить эту особь или оставить ее в живых. Мысль об этом заставила его самодовольно улыбнуться. Встретив на пути хорошо одетого господина или франтоватого офицера, или краснощекого городского со свинячьими глазками, исторгающего чесночный перегар, или барыню,

надменно глядящую из коляски, он прикидывал, что его жертвой могли бы стать и первый, и второй, и третий, и четвертая, пожелай он только этого. Наверняка у каждого из них найдется что-либо гадкое в биографии, связанное с унижением бедного человека, или растлением юной девушки из числа белошвеек, или выуживание обманным путем денег у какой-нибудь несчастной старухи, да мало ли что еще! А он, Пустыгин, призванный судьбой в народные защитники, может убирать разного рода нечисть, точно фигуры с шахматной доски! Стоит только сделать выстрел из пистолета или бросить бомбу, и вот часть суши свободна от присутствия на ней одного из тех, кто записан в угнетатели. По какому праву он и его товарищи присвоили себе роль судей, призванных определять вину того или иного человека, — эта мысль не приходила Пустыгину в голову. Бога нет — в этом Пустыгин был убежден давно, — ведь Бог никогда ни в чем ему не помог, не вытащил его из нищеты, о чем он не раз просил его в детстве, не дал желаемого куска хлеба, когда он в этом нуждался, не утеплил его одежду в морозные зимы, чтобы спасти от холода, не уберег от смерти его мать и сестру. Бог не откликнулся ни на одну из его просьб. Следовательно, Бога нет, его место вакантно, и он, Пустыгин, с товарищами могут занять это место, определяя, кому жить, а кому следует умереть. Пустыгин до того вдохновился своими мыслями, что решил, что станет каждые две недели (с учетом времени на подготовку акции) убивать по одному царскому сановнику или жандарму. В такие минуты вдохновенных помыслов он вдруг ощутил, что перестал бояться смерти. Ткни его сейчас кто-либо ножом в грудь и скажи, что это во имя нового миропорядка, он умрет без страха и чувства сожаления. От сознания этого ему стало так хорошо на душе, что он даже замычал себе под нос нечто напоминавшее песню.

Какое же место в мечтах Пустыгина о будущем занимала Елена, ведь так или иначе мыслями он обращался

к ней. Ему страстно хотелось сблизиться с девушкой, но он понимал, что это вряд ли возможно. По крайней мере, пока. Но Пустыгин верил в свою звезду, верил в то, что он, как человек отважный и решительный, посвятивший себя служению народу, сумеет со временем по-настоящему заинтересовать ее. Сердце девушки не сможет остаться равнодушным. Одно его смущало: она была из класса богатых, с которым он боролся. Она жила в каменном доме, в богато обставленной квартире. Она хорошо одевалась, носила дорогие украшения. Отец ее был правительственный чиновник... Конечно, ее окружение не из приятных, но сама она себя ничем не запятнала, не совершила ничего плохого, убеждал себя Пустыгин. Наоборот, помогла ему скрыться от полиции, отвезла к доктору... Вот доктор, тот первостатейный враг, хотя и соображает по медицинской части!

Мысль о докторе напомнила Пустыгину, откуда он держит путь, и иголка ревности вновь кольнула его в сердце. «Ладно, — сказал он себе, — с существованием доктора в ее жизни придется пока примириться». Думы о докторе в некоторой степени омрачили радостное настроение Пустыгина, но не смогли его перечеркнуть — слишком силен был заряд от его честолюбивых планов.

Когда он ступил на свою улицу в рабочем районе, со старыми убогими домами, покосившимися заборами и чахлой зеленью за ними, грязную от многочисленных сливных помоек, над которыми роились скопища жирных мух, и шел в направлении к дому, где снимал комнату, случилось нечто, что в немалой степени позабавило его: из ворот, мимо которых лежал его путь, неожиданно прямо ему под ноги вылетел петух (или курица?), беспорядочно взмахивая крыльями. У птицы была отрублена голова, и тело ее, как сообразил Пустыгин, билось в конвульсиях, орошая кровавыми брызгами все вокруг: дворовую землю, деревянный столб, на котором крепилась распахнутая створка ворот, траву у дороги и его, пустыгинские, штаны, оказавшиеся не к месту;

создавалось впечатление, что обезглавленное существо, при всей беспорядочности движений, будто бы ищет у ног Пустыгина защиты от своего обидчика. А обидчик, рыжий жилистый мужик с козлиной бороденкой, вскоченный от своего кровавого дела, с топором в руке, выскочил следом, злясь на себя, что не сумел удержать в руках свою жертву. За спиной мужика, там, куда вела кровавая дорожка, виднелась широкая деревянная колода, а на ней лежала отрубленная петушиная голова с большим красным гребнем. Чем провинился дворовый красавец, исправно оглашавший округу звонким голосом и регулярно топтавший кур? Нашкодил чего-то? Или просто постарел, и пришла пора пустить бедолагу в суп, отдав его место и права молодому прыткому кочету? Увидев забрызганные кровью штаны Пустыгина, рыжий мужик испустил огорченный вздох: «Ах ты, Господи!..» И, бросив топор на землю, попытался ухватить петуха за крылья. Но не тут-то было! Петух не давался, словно все еще был при голове, — сильна же матушка-природа! — и, совершая беспорядочные круги, уходил от своего погубителя. Но вот сила, дарованная петуху свыше, иссякла, взмахнув последний раз крыльями, он омертвел и завалился в дорожную пыль, и из его иссеченной шеи истек кровавый ручеек, точно последние капли вина из опрокинутого сосуда. Тут его и ухватил за ногу рыжий убивец.

Несмотря на чувство досады от испачканных кровью штанов, Пустыгин позабавился предсмертной пляской петуха и неумелостью рыжего мужика, взявшегося (видимо, по просьбе хозяйки) рубить голову птице. Все это было слишком смешным и нелепым, чтобы озаботиться случившимся и увидеть в нем недобрый знак. Вот штаны действительно придется отстирывать от куриной крови!

— Ах ты, мил человек, — обратился к Пустыгину рыжий мужик, держа теперь петуха за оба крыла, словно опасался, что тот снова вздумает проявить свою прыть, —

приноси свои штаны. Глафира тебе их отстирает... Она мастерица хоть куда!

Пустыгин махнул рукой: то ли отказывался от услуг неизвестной Глафиры, то ли соглашался — дескать, зайду. И уже хотел продолжить путь, но какая-то мысль тормознула его.

— Принеси-ка воды! — попросил он мужика.

Мужик убежал и вскоре вернулся с ковшом воды. Следом вышла крупная женщина в светлой ситцевой блузке, облежавшей ее большую грудь, и длинной темной юбке, подпоясанная фартуком, с нездоровым румянцем на щеках, — видимо, та самая Глафира, для которой и старался рыжий мужик, подрядившись зарезать петуха.

Пустыгин взял ковш в руку, сунув туда ладонь, черпнул воды, попробовал замыть кровь на обеих штанинах, что оказалось весьма своевременным. «По крайней мере, отстирать их можно», — подумал он. С чем и ушел, ткнув мужика ковшом в брюхо.

Весь оставшийся до дома путь Пустыгин проделал, поминутно веселясь, вспоминая обезглавленную птицу, несущуюся в танце смерти (она напоминала ему своим вращением балерину, кружащую по сцене, — однажды Пустыгин попал в Большой театр на балет и сидел на галерке), и нелепого рыжего мужика, безуспешно гонящегося за петухом, пока тот не свалился замертво в дорожную пыль, а убийца не схватил его с торжествующим видом за ногу. «Не просто получить курятину в суп!» — ехидно подумал Пустыгин, удивляясь тому, что так развеселился.

Потом ему пришло на ум странное сравнение: он представил застреленного им Москалева в роли обезглавленного петуха и себя с нелепым лицом и топором в руке, бегающим за ним. Эта картина отозвалась брезгливой гримасой на лице террориста. Она снижала высоту его подвига, а в том, что он совершил подвиг, Пустыгин не сомневался. Потом Пустыгину вдруг подумалось,

что и он когда-нибудь может оказаться без головы, наподобие этого петуха, мало ли! «Что ж, — сказал он себе строго, — значит, так тому и быть! Лишь бы за справедливое дело!» Правда, жить хотелось, очень хотелось...

37

Ланге уехал вечером следующего дня. В ночь после его отъезда Елене приснился сон. Едет она в поезде. За окном летит прыткая яркая луна, изредка скрываясь за серыми рваными облаками или верхушками елей, растущих поблизости у железнодорожного полотна. Потом Елена увидела Ланге. Николай Павлович сидел в купе напротив нее и читал газету, закрывая лицо газетными страницами. Был момент, он открыл лицо, глянул на Елену с печальной улыбкой и вновь закрылся газетой. Елене надоело лицезреть газетный лист, и она дернула его рукой на себя. Каково же было ее удивление, когда вместо лица Николая Павловича перед ней предстало лицо той самой гадалки-цыганки, которую она встретила на улице. Та и на этот раз была с петухом, крупным, остроглазым, важно восседающим на плече своей хозяйки, наподобие заморского попугая, с которыми бродят шарманщики. Гадалка была опрятно одета, плечи ее украшал, скрещиваясь на груди в узел, новый цветастый платок, в ушах сверкали серьги с красными камешками, только вот по сравнению с прошлым разом гуще стал темный пушок над губой, свидетельствуя о зрелом возрасте женщины. «А где доктор?» — спросила обескураженная Елена. «Какой доктор? — прищурилась гадалка. — Не было никакого доктора...» — «Как это — не было? Он только что читал газету...» Гадалка покачала головой: «Газету, милая, читала я... Мы ведь грамоте обучены... А доктор твой тебе приснился!» — «Ну, вот еще!» — не согласилась с ней Елена. Девушка резко

поднялась с дивана, открыла дверь и выглянула в коридор, оглядела оба его конца, отыскивая Ланге. Николая Павловича в коридоре не было. Тогда Елена пошла по вагону, надеясь найти его в одном из купе. На душе у нее было тревожно. Вагон был необычный, к тому же весьма шумный — голоса, звуки гармошки, лязг посуды и металлических предметов звучали отовсюду. Двери в каждом купе были распахнуты, и происходящее внутри представало ее взору. В первом купе, в которое она заглянула, Елена увидела мертвого Москалева, тот покоился в сидячей позе в углу дивана у окна. Белое лицо его напоминало гипсовую маску и мало походило на лицо покойного полицмейстера, но Елена была убеждена, что это именно он. Над головой Москалева, в такт хода поезда, покачивался висевший на крюке траурный венок из белых лилий, опоясанных черными лентами. Здесь же в купе находилось несколько жандармов высокого ранга. Сгрудившись у стола, они играли в карты. В паузах пили шустовский коньяк из маленьких рюмок. Некоторые курили, и над их головами вились клубы дыма, истончаясь до состояния еле ощутимой дымки и вновь обретая четкий рисунок, когда курящие, сделав затяжку-другую, выпускали дым изо рта. При этом играющие в карты вели жаркий спор, смысл которого был Елене непонятен. Пугало и безразличное отношение игроков к трупам, находившемуся тут же. «Куда везут тело? — подумала она. — И играют при этом в карты... Нехорошо это!» В следующем купе находилась совсем другая публика. Там все были штатские господа от тридцати до пятидесяти, по виду из «университетских», одетые в добротные сюртуки и белые рубашки с галстуками. Эти пили чай, закусывая бутербродами с рыбой, и громко спорили. Слух Елены улавливал отдельные слова: «Россия!.. Свобода!.. Равноправие!..» И среди этих господ Ланге не оказалось. В третьем купе публика резко отличалась от той, что была в первом и втором купе. В основном это были солдаты (человек пять-шесть) и с ними двое младших офицеров.

Каждый имел при себе оружие: солдаты — винтовки, которые они держали между колен, офицеры — пистолеты на поясе в кобурах. Лица воинов были веселы и одухотворенны, как у людей, готовых во славу отечества потрудиться на поле брани. На столике на газете лежала простая еда: хлеб, вареные яйца, несколько луковиц, соленые огурцы. Здесь также много курили, дружно выпуская дым к потолку. Один из солдат, с бабьим лицом, звонким тенорком выводил строевую солдатскую песню, но старался при этом несколько смягчить ее маршевый характер и придать ей бытовую простецкость. «Солдаты едут в первом классе? — удивилась Елена. — Да еще при оружии...» И двинулась дальше. Следующее купе было заполнено мещанской публикой. Больше половины из них были женщины, шумные, потные, болтающие без умолку, что-то при этом постоянно жующие, шлепающие своих шаловливых детей. Даже не верилось, что купе может вместить такое количество народу, а если вместило, значит, оно не стандартного размера. Трудно было охватить всех разом, но Елена сделала это. Ланге и здесь не оказалось. Да и вряд ли бы он стал искать пристанище среди подобных людей. И Елена устремилась дальше. В следующем купе громко визжала гармошка, веселя сидящих там. Тут сидели вперемешку какие-то пьяные матросы, обвешанные оружием, и штатские, оголившиеся до пояса от жары. Все лузгали семечки, сплевывая шелуху на пол, прикладываясь изредка к мутной жидкости, разлитой по стаканам. В лицо Елене ударил спертый воздух, смешанный с запахом грязных, давно немых тел, и ей почему-то в этой связи вспомнился Пустыгин, когда тот раздевался у доктора. Увидев миловидную девушку, заглянувшую в купе, пьяная братия пришла в волнение, и к Елене потянулось множество дрожащих рук, шевелясь, точно щупальца большого осьминога. Громкие голоса звали ее присоединиться к ним. Кто-то даже успел цапануть ее за подол платья, и она в ужасе рванулась в сторону. Когда

она почти поравнялась со следующим купе, дверь там резко захлопнули. Постояв немного в раздумье, Елена все же решила на свой страх и риск открыть ее. Только она дернула ручку, приоткрыв дверь на ширину двух ладоней, как оттуда в коридор брызнул поток крови, хлеставший, точно вода из садового шланга, орошая все вокруг, и пол, и стены, и подол ее платья, и лицо, и грудь. В сумраке купе мелькнул человек с топором в руке, зыркнув на нее безумными глазами. Закричав от ужаса, Елена бросилась наутек, надеясь найти спасение в последнем купе. Когда она вбежала туда, то тут же подавалась назад, обнаружив еще одну пугающую картину. В купе отсутствовала стена, где было окно, словно ее вырвало взрывом, и в образовавшуюся огромную дыру со свистом хлестал холодный ночной воздух, выстуживая все вокруг и пугая своей леденящей силой. Казалось, еще немного, и Елену вырвет наружу и понесет в ночь на стволы летящих мимо деревьев.

Здесь Елена проснулась в холодном поту. «Что это было? — подумала она, с трудом справившись с волнением. — Зачем этот бред? Кто эти люди? И кровь...» И не имея ответа, она поднялась с постели, прошла на ощупь к столику в углу комнаты, где стояли фарфоровый кувшин с водой и таз, и, помочив пальцы в кувшине, ополоснула лицо, стараясь обмыть его от крови, которая, казалось, все еще была у нее на щеках и лбу. Потом осознала, что действия ее лишены смысла, ведь кровь привиделась ей во сне. И чтобы удостовериться в этом окончательно, зажгла свечу и, взглянув на свое отражение в зеркале над туалетным столиком, убедилась, что лицо ее чисто.

Но чувство знобкого страха не ушло и мучило ее остаток ночи. Неясная тревога сжимала ее сердце, и, стараясь избавиться от нее, она закрывала глаза, ища спасение во сне, и всякий раз на короткий миг перед ней возникало лицо цыганки, что-то толкующей ей, и вслед за этим она проваливалась в темноту.

Вот и настал день, на который Пустыгин и его товарищи запланировали убийство князя NN. Бросить бомбу предполагалось неподалеку от особняка, где жил князь, когда его коляска, запряженная тройкой лошадей, выедет на улицу и, набирая скорость, устремится вперед. Место для акции было подходящее. На пути следования княжеской коляски на тротуаре в непосредственной близости от проезжей части стояли две афишные тумбы, находившиеся на расстоянии метров шестидесяти друг от друга. За десять минут до предполагаемого выезда князя у первой тумбы должен появиться Пустыгин, одетый расклещиком афиш; в руках у него ведро с клеем и кистью, на плече сумка с афишами, где спрятана бомба. По сигналу курсистки Фенченко, участницы боевой группы, совершающей в этот момент прогулку у ворот княжеского особняка в ожидании, когда появится коляска, Пустыгин приступает к подготовке бомбы, поджигает фитиль и, дождавшись приближения коляски, бросает бомбу. Сигналом должен явиться взмах белого носового платка. Предварительно Фенченко должна убедиться, что князь находится в коляске. Если попытка окажется неудачной — к примеру, не взорвется бомба или Пустыгин не рассчитает расстояние и бомба пролетит мимо цели, — на этот случай за второй тумбой будет находиться еще один боевик, студент Пряжкин, изображающий господина, читающего афиши; он бросит вторую бомбу. Когда обсуждали детали операции, Пустыгин самоуверенно заявил: «Второй не потребуется... Я метая камень тяжестью в три фунта в цель с точностью до ширины ладони!» — «И все же, — сказали ему, — пусть Пряжкин будет на страховке... Если князя не удастся «подорвать», другой случай представится не скоро». Пустыгину пришлось согласиться. Но он был уверен, что все сделает как надо. После взрыва бомбы

Пустыгину по плану надлежало добежать до пролетки, которая будет ожидать его на другой стороне улицы, и немедленно уехать с места события. «Только бы с пролеткой не вышло б ерунды, как в прошлый раз, — строго заявил Пустыгин, оглядывая товарищей. — Я, конечно, неплохо бегаю, но лучше все же — на лошадях...» — «Нет, нет, — успокоили его, — коляска будет в нужном месте, мы за этим проследим».

Утром Пустыгин тщательно вымылся по пояс над лоханью с водой — теперь он взял за правило мыться так каждый день, — затем протер одеколоном щеки и шею, после чего хозяйский кот по кличке Драный, оскорбленный едким запахом искусственной свежести, тут же покинул кухню, не желая нюхать эту, по его мнению, дрянь; а Пустыгин обрядился в рубаху из серого сатина и штаны мастерового, надел сапоги и сел пить чай. Есть ничего не стал, только ломанул одну баранку и сгрыз от нее половинку, предпочитая делать дело на голодный желудок.

Несмотря на ранний час, солнце за окном набирало силу, обещая жаркий день. Птицы, колготившиеся в листве дворовых лип, были необычайно оживлены, словно старались поскорее — до жары — спеть все, что им полагалось, и их возбуждение было Пустыгину по душе. «Резво щебечут, — подумал он, — словно птичий праздник какой!» Вдохновленный птичьим пением и важностью предстоящего дела, Пустыгин надел фартук и картуз, взял в руки холщовую сумку с афишами, где была спрятана бомба, и ведро с клеем и кистью. «Станный у вас вид, господин Пустыгин», — удивилась встретившаяся ему кухарка хозяйки, выносившая на улицу помои и возвращавшаяся с пустым ведром. «Да вот работу нашел... — объяснил Пустыгин. — Афиши расклеивать подрядился». И хотя не верил в приметы, все-таки отметил про себя, что ведро — пустое. И тут понял, что на душе у него не так благостно, как хотелось, червячок страха все же посасывал его.

Уже выйдя на улицу, Пустыгин увидел молодую монашку, одетую во все черное, шедшую ему навстречу. У монашки было привлекательное лицо — живые глаза, темные брови вразлет, алые губы. Пустыгин счел встречу с монашкой за добрый знак и размягченно подумал: зачем такую красоту в монастырских стенах прятать, лишая ее возможности подарить миру столь же приятных деток?

Монашка перекрестилась, глянув на Пустыгина исподлобья.

— Не ходи туда, — сказала она. — Не ходи...

Пустыгин, не ожидавший, что монашка обратится к нему с речью, замер точно вкопанный.

— Куда? — спросил он.

— Ты знаешь, о чем я, — загадочно шепнула монашка, и, если бы не ее серьезное лицо, Пустыгин подумал бы, что она подшучивает над ним. — Там потеряешь часть себя... — добавила монашка.

«Неужто она знает, куда я иду? — подумал Пустыгин. — Это невозможно».

Он был уверен, что монашке вряд ли известен его сегодняшний маршрут, а уж тем более, что он и его товарищи замыслили, и все же озаботился словами христовой невесты.

— Я должен там быть, — заявил он твердо, удивляясь, что пустился в объяснения. — Пути назад нет...

Монашка скорбно покачала головой:

— Всегда можно остановиться...

— Мне незачем останавливаться... Я сделал свой выбор.

Продолжать этот разговор дальше не имело смысла, и Пустыгин, кивнув монашке, пошел своим путем, тем более что время поджимало.

В квартале от своего дома он сел в ожидавшую его пролетку, в ту самую, которой предстояло увезти его с места событий после того, как он бросит бомбу. Извозчик был свой — посвященный, участник дела. В пролет-

ке уже сидели Фенченко и Пряжкин. Был там еще один пассажир, Халдин, также член боевой группы, до срока облысевший мужчина лет тридцати двух, с внешностью лавочника, скрывавший лысину под картузом (он даже чай на вечерних сборищах садился пить в картузе), в чьи обязанности входило отвлекать городских или филеров, если таковые появятся у афишных тумб во время движения княжеской коляски.

Когда Пустыгин занял свое место в пролетке, извозчик, ждавший только его, дернул поводья, и лошадь тронулась с места. Почти всю дорогу ехали молча. Только Фенченко, с бледным от волнения лицом, что-то пару раз спросила негромко у Халдина, сидевшего по левую руку от нее, и тот, также негромко, ответил ей. Но Пустыгин не вслушивался в их недолгий разговор. Он старался не думать ни о чем постороннем, только о предстоящем деле. Один раз у него мелькнула мысль: жаль, что его не увидит Елена, когда он будет бросать бомбу. Он понимал: застань она его за этим занятием, она не испытает радости, наоборот, это может осложнить их отношения, но все же ему хотелось, чтобы она стала свидетелем его героизма. Пустыгин воскресил в памяти милое лицо Елены, улыбнулся и снова стал серьезным и сосредоточенным, решив, что все мысли, связанные с Еленой и его чувствами к ней, лучше отложить «на потом», когда с князем будет покончено и ничто не будет мешать Пустыгину предаваться думам о ней.

Как ни странно, и Елена в это же самое время подумала о Пустыгине. Она тоже была в дороге — ехала в гости к Поле, с которой хотела поделиться своим несчастьем, вызванным неожиданным отъездом Ланге, и рассказать о тех новостях, что произошли с момента их последней встречи. При мысли о Пустыгине у нее возникло странное чувство. Ей подумалось: раз судьба связала их — ее, Николая Павловича и Пустыгина, — то теперь, после отъезда Ланге, всякая встреча с Пустыгиным, образ мыслей которого приводил в негодование

доктора, будет некоторым образом в радость, как знак незримого присутствия ее любимого, разлука с которым была для нее столь мучительна.

И надо же было такому случиться: как только она подумала о Пустыгине, тут же увидела пролетку, катившую ей навстречу, в которой сидели четверо озабоченных молодых людей, и среди них он, Пустыгин. Юноша, сосредоточенный на предстоящем деле, не обратил внимания на встречную коляску и Елену, сидящую в ней. Елена же успела хорошо его разглядеть, несмотря на то, что оба экипажа разъехались весьма быстро, и была удивлена странным нарядом своего знакомого. Он был в картузе и фартуке поверх рубашки, словно мастеровой. Этот необычный наряд зародил в ней нехорошее предчувствие. Она не могла ответить себе, что же ее так обеспокоило, но интуитивно почувствовала, что видит Пустыгина в тот момент, когда он готовится совершить еще одно трагическое безумство. «Стой! — приказала она извозчику. — Развернись и поезжай за той пролеткой... Но держись от нее поодаль». Извозчик послушно придержал лошадь, натянув поводья, и, развернувшись, поехал за пролеткой.

«Если это так и он готовится опять стрелять, — думала Елена, — надо помешать этому...» Некоторое время коляска Елены следовала за пролеткой, аккуратно повторяя все ее маневры — также сворачивала налево или направо, также пересекала улицы на перекрестках, прыгала на тех же ухабах... Наконец пролетка затормозила. «Езжай мимо, — велела Елена извозчику. — Остановишься впереди, где скажу...» Извозчик послушно проделал все, что от него требовали. Когда коляска остановилась, Елена посмотрела назад. Пустыгин со своим грузом (холщовой сумкой с афишами, ведром и кистью) вылез из пролетки и направился к афишной тумбе. Оглядев тумбу, оборвав на ней какие-то бумажки, стал готовиться к поклейке афиш. Вместе с Пустыгиным вылезли двое его спутников — хмурая девушка (Фенченко)

и молодой человек в пиджаке и студенческой фуражке (Пряжкин), державший в руке медицинский саквояж. Девушка пошла в обратном направлении, а молодой человек, наоборот, пошел по улице вперед, туда, где остановилась коляска Елены.

Пустыгин без спешки намазал клеем часть округлой поверхности тумбы и, вынув из сумки афишу, свернутую в рулон, приложил ее к намазанному месту. Несмотря на расстояние, Елене удалось прочитать текст афиши: «Московский Общедоступный художественный театр. — Антон Чехов — «Три сестры». В том, что Пустыгин занимался расклейкой афиш, не было ничего предосудительного, и Елена подумала, что она, видимо, ошиблась, решив, что ее знакомый едет на место совершения очередного теракта. Но вот с какой целью здесь же вышли девушка и молодой человек в студенческой фуражке, это озадачило ее. Они не были похожи на расклейщиков афиш.

Молодой человек приближался к ее коляске, поглядывая на нее с явным неудовольствием, и, чтобы не вступать с ним в разговор, если тот надумает обратиться к ней, Елена сказала извозчику: «Трогай! Едем на Страстной бульвар, как договаривались». — «Как прикажете, барышня», — отозвался извозчик и, дернув поводья, причмокнул, подбадривая жующую удила кобылу. Та побежала рысцой.

Разгладив ладонями наклеенную афишу, где зритель приглашался на «Трех сестер», Пустыгин стал намазывать клеем место рядом. Делал это аккуратно, обстоятельно, как добросовестный работник. Спешить ему было нельзя. У тумбы требовалось пробыть еще не менее десяти минут — столько оставалось до выезда княжеской коляски.

Улица, застроенная богатыми особняками, была в эту утреннюю пору пуста. Только где-то в самой середине ее махал метлой дворник, наводя чистоту на вверенном ему участке, не успев это сделать ранее и мешая

Пряжкину занять свое место у второй тумбы, где ему полагалось с видом любопытствующего прохожего заняться чтением афиш. Что у товарища возникли проблемы, это Пустыгин понял, увидев Пряжкина, топтавшегося с медицинским саквояжем в стороне от положенного места. Пустыгина, надо сказать, это не огорчило. Он все сделает сам, и никому не придется ничего за ним доделывать. Пустыгин верил в себя и свою удачу. Он проверил бомбу, лежавшую в сумке и обложенную тряпками. Проверил наличие в кармане спичек, необходимых ему, чтобы поджечь фитиль.

Наклеив еще одну афишу, Пустыгин взглянул на циферблат карманных часов на цепочке, которые ему выдали на время проведения операции. Часы показывали время, когда должна была выехать со двора княжеская коляска. Пустыгин присел на корточки, запустил обе руки в сумку, нащупал бомбу.

Вот в конце улицы загромыhalo, и показался княжеский кортеж — коляску с князем сопровождало несколько конных жандармов.

Пустыгин бросил взгляд туда, где стояла Фенченко. Девушка достала из-за пазухи белый платок, взмахнула им два раза, что свидетельствовало о том, что в коляске едет князь и нужно немедленно готовить бомбу.

39

Княжеский кортеж приближался.

Пустыгин, зайдя за тумбу, извлек из сумки бомбу, бережно, как младенца, уложил ее на землю. Достал из кармана спички. Чиркнул одной, она тут же загорелась в безветренном воздухе, и веселое пламя ее обожгло конец фитиля, отчего сердце Пустыгина сильно забилося. По его расчетам, коляска князя должна была по-

равняться с ним через несколько секунд. Где-то за пределами внимания Пустыгина возник оголтелый собачий лай, но юноша, занятый бомбой, и слышал и не слышал его, да и до собак ли, брехавших где-то поблизости, было ему сейчас.

Неожиданно, не доехав несколько до террориста — и Пустыгин, таивший за спиной бомбу, увидел это — двое жандармов, скакавших перед коляской, резво придержали своих лошадей. Следом за ними и княжеский кучер натянул поводья, придерживая набравших ход коней. Причиной заминки послужила свора дерущихся псов, вывалившаяся на дорогу наперерез кортежу. Псы, возбужденные течкой грязной, отощавшей суки, стоявшей в стороне, злобно терзали друг друга за право первенства, вращаясь кольцом на булыжной мостовой, и лай стоял такой, что от него закладывало уши.

— Прочь, прочь с дороги, брехливые твари! — крикнул один из жандармов и, свесившись с седла, хлестнул плеткой сердцевину стаи, пытаясь сместить озверевших псов с проезжей части.

Пустыгин, не готовый к этой заминке, растерялся. Что делать? Ведь он уже поджег фитиль, и до взрыва бомбы осталось совсем немного. Гасить фитиль не имело смысла, да и можно было не успеть. Выход был один: бежать вперед до кортежа, пока горит фитиль, и на бегу бросить бомбу в княжескую коляску. Он прикинул расстояние — оно оказалось не столь значительным, и можно было успеть, — и он побежал.

Жандармы, занятые освобождением проезжей части, не сразу заметили молодого человека в рабочей одежде, бегущего по улице им навстречу. А когда заметили, сразу поняли, что за шар у него в руке. Один из них, тот, что наблюдал за товарищем, разгонявшим собачью свору, выхватил шашку из ножен и направил лошадь Пустыгину наперерез.

Увидев это, Пустыгин взял чуть правее и решил бросить бомбу через голову жандарма — он уже понимал,

что бомба может не долететь до князя, но решил идти до конца. Резко остановившись, Пустыгин откинул руку назад и, что было силы, швырнул бомбу в цель. Лишь только шар отделился от его пальцев, он тут же взорвался в воздухе. В короткое мгновение в сполохе огня Пустыгин увидел, как правая кисть его оторвалась от руки, словно кусок свернутого в валик теста, и исчезла в дыму, а жандарм, скакавший наперерез, повалился вместе с лошадью на землю, опрокинутый силой взрыва. В лицо Пустыгина что-то резко брызнуло — куски ли горячего металла, кровь ли из разорванной головы лошади? «Как же так? — подумал он про отлетевшую кисть. — Такого не должно быть! Это неправда! Это могло случиться с кем-то другим, но не с ним!» Последняя его мысль была: неужели это все? Неужели это финал его короткой и малорадостной жизни? И он провалился в темноту.

Елена услышала взрыв, когда они отъехали за два квартала от места событий. Как только отдаленный грохот достиг ее ушей, она сразу подумала о Пустыгине. Она не сомневалась, что несчастье случилось именно с ним.

Елена ткнула извозчика зонтиком в плечо.

— Поворачивай! — велела она. — Едем обратно.

На этот раз извозчик заартачился:

— Что вы, право, барышня... Две четверти часа, как в пути, а дорогу третий раз меняем! Вы уж решите, куда вам, а мы с Зорькой довезем...

— Езжай туда, где вылез расклейщик афиш! Гони, не обижу!

Обещание прибавки подействовало, извозчик развернул лошадь и, щелкнув кнутом, резво поехал в обратном направлении.

Когда они прибыли на место, Елена обнаружила там возбужденную толпу, городских, оцепивших место происшествия и не пускавших зевак дальше положенного,

хмурого жандарма на лошади — это был один из двух, что ехали впереди княжеского кортежа. Елена привстала в коляске, чтобы лучше видеть то, что закрывали спины городских и зевак. Она увидела мертвую лошадь, лежащую на булыжнике мостовой, и возле нее окровавленного жандарма, не подававшего признаков жизни. Чуть поодаль лежало тело Пустыгина. Лицо и грудь молодого человека были залиты кровью, правая рука была короче, и не сразу Елена сообразила, что у руки отсутствует кисть. От увиденной картины она почувствовала приступ дурноты и упала на сиденье.

К коляске, на которой приехала Елена, подошел городской, прихватил лошадь за уздцы.

— Поворачивай, — приказал он кучеру. — Не видишь, что ли, здесь нет проезда...

— Вашество! А что случилось? — поинтересовался извозчик.

— Господина жандармского офицера убило. Революционер бомбу бросил... И сам на ней подорвался. Хотел других, да, видно, не рассчитал... Господь покарал! — И городской перекрестился, воздавая тем самым должное Господу Богу, который знает, где, кого, когда и за что.

От увиденного у Елены сразу разболелась голова. И хотя она не была свидетелем происшествия, ей казалось, что трагедия разыгралась у нее на глазах. Она и подумать не могла, что на нее так сильно подействует смерть практически чужого человека, знакомство с которым состоялось при столь же печальных обстоятельствах несколько недель назад. А тут еще и труп жандармского офицера! Ей казалось, что в смерти Пустыгина и его жертвы есть доля и ее вины: она была недостаточно тверда, чтобы убедить молодого террориста оставить свое опасное и вредное для общества занятие. Теперь о поездке к Поле, когда она оказалась в таком состоянии, не могло быть и речи.

Елена вернулась домой, закрылась у себя комнате. Задернула на окне шторы и упала поверх одеяла на по-

стель, которую перед ее приходом уже успела прибрать горничная.

Так и лежала она на постели час, другой, третий. Мысли ее были в беспорядке, и ее носило то в одну сторону, то в другую. В какой-то момент она мысленно представила себе, как душа Пустыгина совершает сейчас путешествие вверх, туда, где все готово для Божьего суда, и увидела себя рядом, где она, в качестве заступницы, просит пощадить несчастного. Ей подумалось, что, несмотря на страшный грех — убийство двух человек, — он может рассчитывать на некоторое снисхождение... «А если бы он убил Ланге?» — вдруг подумала она. Просила бы она в этом случае о снисхождении?.. Шло время, но Елене не становилось легче, и она не могла понять, почему это так, что за сила заставляет ее так болезненно переживать эту смерть. Ах, если бы она только знала, сколько ей еще предстоит впереди потерь, неверных поступков, испытаний!..

Мучаясь, Елена погрузилась в состояние полусна — и не спала толком, и не была ясна мыслью, когда мозг бодрствует. И в этом полудремотном состоянии в какой-то момент она вдруг вспомнила, что бытие ее разделено надвое, как дерево с двумя стволами, растущими из одного корня, что она и там и здесь, существует в двух временах и ведет себя крайне противоречиво. Там, где она любила Ланге, она покрывала убийцу, и если не оправдывала его, то, по крайней мере, сочувствовала его несчастной доле. А там, где ее мысли занимал Брянцев, она ненавидела всех тех, кто брался за оружие с целью отнять жизнь у другого, и здесь для убийц в ее душе не было никаких оправданий. «Что же я такое?» — задалась она вопросом. Если в первом случае милосердие имело место, и она думала о нем, сопрягая его с судьбой убийцы, то во втором случае, где неизвестный ей злоумышленник вел планомерную охоту на Брянцева, милосердию не было места; таких, по ее мнению, следовало безжалостно уничтожать. Как по-

нимала Елена: в божественном пространстве на пятачке ее души шла борьба одного с другим, и кто-то свыше наблюдал за этой борьбой, наблюдал, как она сопрягает себя с нравственными реалиями, и ждал, чему она отдаст предпочтение. «Прощение греха» боролось в ней с «непрощением» оного, и это «непрощение» тянуло ее самое в еще более страшный грех — она отказывала погубленной душе в праве «на покаяние и помилование». Думая об этом, Елена задалась вопросом: что же такое убийство, в конечном счете? Крайняя форма несогласия одного человека с поступками и мыслями другого? Когда нет иных, кроме этого, способов утвердить свою волю и свое понимание миропорядка. Елена вспомнила, как она на разных этапах своей жизни бывала несогласна с некоторыми людьми по самым разным поводам, порою, сильно гневалась, не в силах убедить оппонента в своей правоте, но это несогласие не стремилось перейти в свою крайнюю форму. Но то, что она негодовала на своих противников, порою желая им зла, здесь оспаривать не приходится. Одна часть ее души утверждала, что милосердие спасет мир, другая говорила противоположное: нельзя милосердием ослабить зло, милосердие только способствует укреплению последнего; губительно прощать тех, кто по собственной воле отнимает жизнь у других, а потом кается в этом.

Вдруг вся ее будущая жизнь — два ее русла — предстала перед ней в виде живых картин, сменяющих одна другую. В этих картинах она видела себя со стороны, как в театре, причем в большей части показанной истории в сценах действовала зрелая дама с печальным лицом, мало похожая на Елену нынешнюю, но Елена была убеждена, что это она, но только в возрасте своей матери. И вскоре как-то примирилась с обликом этой дамы. Реалии дореволюционной России шли вперемешку с реалиями начала третьего тысячелетия. Многочисленные лица, от которых рябило в глазах, бесчисленные де-

тали быта, бесконечные события... Но образы века двадцать первого были коротки, точно вспышки, и уходили в неведомое, оставляя на первом плане гонку событий века двадцатого. Что-то в увиденном удивляло, что-то вызывало резкое несогласие, и хотелось переключить зрелище, выбросить из него то, что ужасало или вызывало неприятие. Но история ее жизни в картинах катилась дальше, и ничего нельзя было в ней изменить. Глядя на весь этот поток летящих и звучащих перед нею событий и образов, она вдруг с ужасом подумала, что ей показывают все это с единственной целью: чтобы она сделала выбор — и нравственный, и бытовой, — какой ствол ее бытия станет плодоносить, а какой засохнет.

Затем Елена увидела картину, которую застала сегодня после взрыва, когда подъехала на извозчике: мертвая лошадь, бездыханный жандармский офицер и лежащий на боку Пустыгин с обезображенной рукой. Теперь взгляд ее не ограничился данным зрелищем и пошел дальше и дальше, скользя по земле, и остановился у ближайшей подворотни, где она обнаружила грязного облезлого пса, глядевшего на нее безумными глазами, с хрустом грызшего нечто, попавшее ему в лапы. Приглядевшись, Елена поняла, что пес грызет человеческую кисть...

И тут она проснулась в холодном поту.

40

Уже несколько вечеров к ряду «охотник» караулил Брянцева по новому адресу, но безуспешно. Тот не появлялся. Сказать, что «охотник» находился в состоянии ярости, это ничего не сказать. И ярость эта с каждым днем делалась все острее. Встретить он сегодня Брянцева на улице, где-нибудь в людном месте, «охотник» тут же

вцепился бы ему в горло, не думая о последствиях. Раз «охотник» решил, что Брянцеву нет места на земле, значит, так тому и быть. И оттяжка исполнения приговора действовала на «охотника» разрушительно; как наркоман, бьющийся в ломку, желает уколиться, так и «охотник» жаждал лишить протезиста жизни. Невозможность совершить этот акт уничтожала «охотника», лишая его веры в собственную миссию, в то, что он Божий избранник и призван полоть человеческую ниву. Обыденная мораль, которой пользовались люди, все их нравственные постулаты, наработанные ими в течение многих столетий, которыми они регламентировали свою жизнь, — все это представлялось ему чаще смешным, иногда нелепым, потому что, поворачивая круг этой морали туда и обратно, как мельничный жернов, можно было оправдать и убийство ребенка, и насилие над женщиной, и истязание старика, если поступки этих несчастных не вписывались в общепринятую систему координат и нарушали ее стройность. Господь — в нем, верил «охотник», и только Господь, шепчущий ему в ухо, кого следует устранить из игры, определяет смысл происходящего и его временную целесообразность, и только доверившись Ему, а не моральным догматам, следует жить.

Какова же была радость «охотника», когда однажды, выйдя с покупками из супермаркета и направляясь к своей машине, он, глянув по сторонам, вдруг увидел Брянцева, идущего по улице под руку с молодой привлекательной девушкой.

Не дойдя пару шагов до машины, «охотник», чтобы не тратить время попусту, бросил пакеты с покупками на асфальт, нимало не заботясь об их сохранности. Сунул руку в карман куртки, где лежал пистолет, снял его с предохранителя и, держа руку в кармане, пошел наперерез счастливой парочке, стервенея от счастья, написанного на их лицах. «Охотник» понимал, что если он сию же минуту не застрелит Брянцева — здесь, на оживленной улице, на глазах у множества людей, — то

сам погибнет от разрыва сердца, не в силах больше переносить существование бывшего любовника Инги и его неуязвимость. (Казалось, Инга стоит за его плечом, желая возмездия.) В эти мгновения «охотник» не думал об опасности, не думал о том, что находится в крайне невыгодном положении и, вероятно, будет пойман или даже подстрелен случайным ментом, оказавшимся поблизости. Сейчас это не имело значения. В мозгу гвоздем сидела мысль: убить! убить! Его бледное «полусенинское» лицо было страшно.

Заметив «охотника», направляющегося к ним решительным шагом, Елена сразу поняла, что это ОН. И именно сейчас, на этой площади, на глазах многих людей, он попытается сделать то, чего давно желал. В считанные секунды в ее сознании промелькнули все углы, закоулки, повороты, двери в подъездах домов, все, что имелось на площади, которую она хорошо знала, промелькнули с мыслью, где можно спрятаться от убийцы и успеют ли они добежать. Она крепко сжала пальцы Брянцева. Тот почувствовал неладное и заглянул в ее лицо, пытаясь понять, что ее так взволновало. От волнения у Елены перехватило горло, и она не могла произнести ни слова, чтобы объяснить причину своего волнения. А Брянцев не понимал, что ему следует посмотреть вперед.

«Охотник» тем временем приближался. Палец его лежал на курке, и требовалось только одно: резко выдернуть пистолет из кармана куртки и выстрелить — и раз, и два, и три, и далее... — пока позволяют патроны в обойме.

Расстояние между «охотником» и парой, замедлившей шаги, сокращалось. Елена увидела краем глаза, как слева с ближнего двора на приличной скорости выезжает мусоровоз. И подумала: если она утянет Брянцева влево, резко потащив его за собой, а «охотник» бросится за ними, то он непременно окажется на пути мусоровоза, и ему придется выбирать: либо пропустить ма-

шину (и тогда они убегут), либо бежать дальше, рискуя оказаться у машины под колесами. Елена решила использовать этот шанс. По выражению лица идущего навстречу убийцы, по его глазам, которые застилала пелена, Елена поняла, что того ничто не остановит.

— Беги за мной! — крикнула она в отчаянии и дернула Брянцева за руку, обозначая направление.

И Брянцев, вдруг разом все понявший, последовал за нею, резко ускоряясь.

«Охотник», не думая об опасности, вырвал пистолет из кармана и метнулся за ними, сместившись, как и предполагала Елена, на асфальтовую дорогу, по которой катился набравший скорость мусоровоз. Он успел сделать два выстрела... И тут машина мусоровоза с перекосенным лицом водителя в кабине, не ожидавшего человека на своем пути, ударила стрелявшего в бок — тело «охотника» подбросило вверх, оно перевернулось в воздухе, точно акробат в цирке, завершающий выступление на арене, и упало перед носом машины, после чего мусоровоз наехал на него. Тело хрустнуло под колесами, словно раковый панцирь в крепких пальцах любителя пива, забрызгав кровью покрытие дороги и бордюрный камень, отделявший проезжую часть от газона; звякнув, покатился по асфальту пистолет, рукоять которого все еще хранила тепло руки «охотника», свидетельствуя о том, что оружие держали в ладони и применяли по назначению, то есть стреляли в живого человека, ведь оружие для того и существует, и будет еще востребовано, пока у людей есть желание убивать друг друга. Минуту спустя рукоять пистолета была уже холодной, каким обычно бывает металл.

Обе пули попали в Елену: одна — в голову, другая — в живот. Падая навзничь, она почувствовала, как в лицо ей ударило солнце, ослепив ее. И в этом сплосхе света, заставшим ей глаза, вдруг, как в тумане, проплыла перед ней длинная рыбацкая лодка с темным человеческим силуэтом на корме — точно такую она видела од-

нажды, встречая рассвет на реке, будучи с одноклассниками в туристическом походе. Утро в тот день было необыкновенно тихим, казалось, звуки на время перестали существовать, словно их упразднили за ненужностью; противоположный берег и воду на реке покрывала густая пелена тумана, из которой эта лодка явилась неожиданно и в которой так же неожиданно исчезла; Елене подумалось тогда, что она никогда не узнает, откуда плывет и куда держит путь это утлое суденышко с одинокой человеческой фигурой на борту; кто-то, снаряжавший путешественника в дорогу, знал, куда и зачем он плывет, но не она, она лишь случайный свидетель этого мгновения, этой оцепеневшей тишины, этого бесшумного скольжения лодки; в ту минуту она впервые задумалась о том, что никогда не сумеет разгадать загадку своей жизни, не узнает, кто и зачем отправил ее из небытия в этот мир, и в чем смысл ее путешествия, пока она не исчезнет навсегда в тумане, как это суденышко? Та же мысль мелькнула и сейчас, и обуглилась, схваченная темнотою. Елена потеряла сознание.

Брянцев, не утративший самообладания, наполняясь яростной силой от невозможности изменить происходящее, подхватил девушку на руки, твердо веря, что, пока он ее держит, она не умрет... Если бы не эта мысль, он был бы уже возле того, кто в течение последних месяцев вел на него охоту, держа в неведении относительно причин, толкнувших его на преступное дело, и бил бы, бил бы эту нечисть ногами, оказался та еще жива. А потом еще и плюнул бы сверху на разлаженное тело, когда б от него отлетела душа...

Старик лет семидесяти, интеллигентного вида, сидевший с газетой поблизости в сквере и ставший очевидцем стрельбы, ранения Елены и смерти «охотника», кроме «акробатического» полета тела и кровавого месива под колесами, увидел, как из изуродованной плоти выскользнуло, словно дымок, нечто похожее на искривленную человеческую тень и устремилось на бестелес-

ных ногах в проем между двух кирпичных стен, туда, где бессвязно путались бесконечные дворы и переулки. «Вы видели? Видели?!» — вскричал старик, хрустнув газетой, обращаясь к... Но рядом на скамейке никого не оказалось. И он огорченно вздохнул, жалея, что не с кем поделиться столь интересным наблюдением. «Вот ведь, — подумал старик философски, — темная сила покинула тело и будет теперь бродить по городу, пока не оседлет еще кого-нибудь...» Подумал так, не зная, что за человек погиб под колесами мусоровоза, не ведая, что мысль его недалеко от истины. Забыв о старческой немощи, старик пружинисто поднялся и, опираясь на палку, направился домой — ему не терпелось рассказать об увиденном жене...

4 1

Брянцев, отрешенный, словно лунатик, ходил взад и вперед по коридору хирургического отделения больницы имени Склифосовского, куда машина «скорой помощи» привезла Елену. Он уже накрутил не одну сотню метров, и еще предстояло ходить немало — заканчивался второй час операции.

Хирург после предварительного осмотра пострадавшей и знакомства с рентгеновскими снимками, отправляясь в операционную, сказал Брянцеву, что дело непростое — одна пуля попала в голову, пробив лобную кость над левой бровью, другая сидит в брюшной полости, касаясь стенки аорты, и придется основательно повозиться, прежде чем их удастся извлечь.

Хирург, худощавый светловолосый мужчина с короткой бородкой, лет тридцати пяти, с умными глазами все понимающей собаки и небольшим шрамом на левой щеке, сочувственно глядел на Брянцева и, желая ска-

зять что-либо ободряющее в потоке неутешительных слов, произнес, итожа сказанное:

— Будем надеяться... Организм молодой... Глядишь, и Всевышний не забудет свою рабу... — и добавил, перед тем как уйти: — Идите домой, это надолго.

Брянцев покачал головой.

— Я буду ждать.

Хирург не стал отговаривать и удалился.

И вот теперь пошел уже третий час, как он трудился в поте лица, находясь у операционного стола в окружении своей бригады.

После немалых трудов удалось извлечь пулю из головы — она, по счастью, застряла не очень глубоко, сразу за лобной костью, и теперь он приступил к извлечению пули из брюшной полости, предварительно взглянув на рентгеновский снимок.

Когда вошли в брюшную полость и хирург стал выяснять, есть ли повреждения в кишечнике, он обратил внимание на то, что у пострадавшей увеличена матка. «А девушка к тому же беременна», — отметил он.

Хирургу хотелось курить, хотелось влить в себя стакан коньяку и съесть чего-нибудь соленого, кусок селедки, например, но это до завершения дела оставалось мечтой.

Вдруг сестра из бригады анестезиологов заметила кровь на полу на уровне ног пострадавшей. Заглянув под простыню, она обнаружила, что у той идет кровь из влагалища. Это вызвало общее беспокойство.

— Она беременна, — сказал хирург.

— Матка увеличена, — согласился его помощник. — Видимо, начался выкидыш.

— Тут где-то должен быть ее муж... или родственник, — вспомнил про Брянцева хирург. — Если он не ушел, спросите у него, известно ли ему о беременности девушки.

Медицинская сестра, помогавшая врачу-анестезиологу, покинула с его согласия операционную и вскоре вернулась.

— Да, — подтвердила она, — девушка беременна.

— Если кровотечение продолжается, придется делать чистку, — сказал хирург.

— Продолжается... — ответили ему.

— Пошлите за гинекологом...

Гинеколог вскоре появился, и еще довольно долго ждал, пока хирург, оперировавший брюшную полость, уступит ему место. Но вот хирург завершил свое дело и освободил место у операционного стола, и гинеколог после некоторой подготовки начал чистку. Он извлек плод из матки, положил его в лоток, буднично отметив про себя: «Вот еще одной душе не дано было состояться... А может, оно к лучшему — вырос бы, стал бы пить водку и стрелять в таких, как его мать!» Пока гинеколог проверял, все ли он удалил и не осталось ли чего внутри после чистки, плод, находившийся в лотке, исчез. Словно растаял в воздухе. Позднее, обнаружив, что в лотке, кроме кровавой лужицы, ничего нет, гинеколог подумал, что плод уже унесли из операционной. Но спроси он об этом у операционной сестры, то получил бы отрицательный ответ и был бы немало озадачен, как и прочие: куда же девался плод? Но в общей деловой суете об этом как-то не вспомнили. Да и кому теперь интересно, куда подевался ненужный кусок человеческой плоти?

42

Устав от долгого хождения по коридору, Брянцев присел на стул и, расслабившись, тут же задремал — сказались усталость и нервное напряжение.

Когда он открыл глаза, то увидел перед собой сестру Елены — Екатерину, которую сам же вызвал в больницу, когда началась операция, пообещав сообщить подробности при встрече.

— Что случилось? — спросила та, дернув его за плечо. — Почему Ленка здесь?

— Нас обстреляли... Какой-то неизвестный тип... Сам он угодил под машину. — Брянец со сна никак не мог собраться с мыслями. «Хорошо бы чашку кофе», — подумал он.

Его объяснение не удовлетворило Екатерину, взволнованную случившимся и тем, что ее сестра находится в данный момент на операционном столе.

— Обстреляли? — удивилась она. — Почему?.. У Ленки нет врагов! Но я не вижу, чтобы ты был ранен...

Брянец поежился:

— Извини...

— Тебе что, других женщин мало, что ты решил взяться за мою сестру? — набросилась на него Екатерина.

— Я люблю ее, — сухо отозвался Брянец.

— Ах, оставь! — поморщилась Екатерина и хотела добавить что-то резкое в адрес бывшего любовника, но сдержалась, увидев в коридоре человека в светло-зеленом халате.

Это был хирург, оперировавший Елену.

Брянец бросился ему навстречу.

— Ну, как, доктор? — спросил он, и голос его дрогнул. — Как она?

Екатерина сообразила, что этот человек, видимо, идет из операционной, и тоже подошла.

— Это сестра пострадавшей... — представил ее Брянец.

Хирург устало кивнул.

— Сейчас девушке делают чистку... — сказал он. И пояснил: — Началось кровотечение, и пришлось удалить плод...

Екатерина поняла, о чем идет речь, и обхватила себя руками — ей вдруг разом стало холодно.

«Бедная девочка!» — подумала она, зябко передернув плечами. И следом другая мысль ожгла ее: «Что я скажу матери и отцу?»

— Ну... а как она? — повторил вопрос Брянцев.

— Состояние тяжелое... Одна пуля задела мозг... — Хирург устало провел ладонью по лицу, словно хотел разгладить онемевшую кожу. — Будем надеяться... А вы идите домой, — сказал он Брянцеву. — Сейчас ее перевезут в реанимацию, куда вас не пустят.

— Да, — сказала Екатерина, — ты иди...

Сама она решила остаться и хотя бы коротко взглянуть на сестру, когда ее станут вывозить из операционной.

Брянцев страшился стать свидетелем этой картины — недвижимое тело, голова в бинтах, заострившийся подбородок, губы серого цвета — и решил уйти.

Оказавшись на улице, после мертвой паузы, возникшей в теле, когда он стоял на одном месте, размышляя над словами хирурга, Брянцев, точно в тумане, двинулся в сторону Сухаревской площади, ничего не видя вокруг и лишенный какой бы то ни было цели. Только придя на площадь, он заставил себя встряхнуться. Взгляд его уловил окутанное желтоватой дымкой здание храма, высившееся на другой стороне площади в начале Сретенки, и он понял, что должен немедленно пойти туда. Только там, думалось ему, под сводами этого благочинного места он сможет снять тяжесть с души.

Храм был открыт. Брянцев вошел внутрь и остановился перед иконой с изображением Спасителя. «Господи, не дай ей умереть, — просил он, глядя на лик Спасителя. — Господи, не дай! Ну что тебе стоит? Сделай это, Господи! Пусть она будет жива. Я все исполню, что ты велишь, только не дай ей умереть. Господи, я изменю свою жизнь, я стану другим... Я буду любить ее одну. Только не отнимай у нее жизнь, Господи! Спаси ее, милый Господи! Я стану другим... обещаю... Не дай ей умереть... Прошу тебя, Господи!»

Когда Брянцев вышел на улицу, какой-то пьяница с красными глазами, плоским заострившимся носом и щербатым ртом, с черно-коричневой кожей на лице, словно ее долго дубили на солнце, протянул к нему руку

за подаянием, надеясь что-либо получить от благополучного господина, осенявшего себя крестным знаменем у входа в храм. Брянцев сунул руку в карман и, не глядя, что дает, протянул ему пятисотрублевую бумажку, отчего у того удивленно блеснули глаза, и он суетливо стал кланяться, произнося слова благодарности.

У нищего все внутри ликовало от столь неожиданного подарка. Не имея сил дожидаться ухода благодетеля и тем самым скрыть свои истинные намерения, а именно желание немедленно выпить, он сорвался с места и поспешил в неизвестном направлении, хромя и припрыгивая одновременно, и весь его вид говорил: вот он — счастливейший из людей!..

43

И вновь Елене снился Ланге. На этот раз они были вдвоем. Сидели на диване в какой-то незнакомой комнате, где круглился темный бок большого рояля и горели в подсвечниках свечи. Николай Павлович что-то увлеченно рассказывал, держа ее за обе руки, часто прерывая речь и целуя Елене пальцы. Ей было хорошо и радостно. И она смеялась, кокетливо откидывая назад голову, делая вид, что хочет освободить свои ладони из его рук. И он тоже смеялся, глядя на нее влюбленными глазами. Обоим хотелось длить и длить эти счастливые мгновения. Но... идиллия была нарушена неожиданным появлением двух мужчин, одетых в черное. Они бесцеремонно вошли в комнату, набросились на Ланге и, заломив ему руки за спину, поволокли доктора куда-то в темноту, образовавшуюся на месте четвертой стены. Елена закричала, требуя у злоумышленников отпустить доктора, потом попыталась встать, чтобы броситься на помощь любимому, но неведомая сила продолжала

удерживать ее на диване, не давая подняться на ноги. Потом она увидела, как из темноты, клубившейся словно дым на пожарище, на нее надвигается громадных размеров коляска, одно колесо которой в железном ободе норовит переехать ее пополам. Елена закрыла голову руками, сжавшись от ужаса... и проснулась.

Несколько мгновений она приходила в себя, оглядывая свою комнату, чувствуя, как у нее колотится сердце. Когда она почти успокоилась, то вдруг ощутила боль в паху и что-то липкое под собой на простыне. Елена откинула одеяло в сторону и, сев на постели, посмотрела, что же ее мучает. Простыня под нею оказалась в крови, и кровь эта текла из влагалища. Она напрягла свою волю, не дав испугу овладеть собой. В голове мелькнула мысль: возможно, это месячные. Но месячных из-за беременности у нее давно не было... Значит, это что-то другое. Быть может, это как-то связано с беременностью, подумала она, не зная к кому обратиться за помощью. До сегодняшнего дня никто из близких не знал, что она беременна: ни мать, ни сестра, ни подруга Поля... И Ланге она ничего не сказала, рискуя после его отъезда оказаться в стыдном положении, когда придет срок признаться, что она ждет ребенка.

А кровь все продолжала течь... И Елене стоило немалых усилий, чтобы сдержаться и не закричать от испуга в голос.

Она позвонила в колокольчик, призывая горничную, и натянула на себя одеяло, чтобы скрыть от горничной, когда та придет, кровавые разводы на простыне и перепачканные кровью ноги.

Пришла горничная.

— Слушаю, барышня...

— Позови маму, срочно, — попросила Елена и покривилась, ощутив боль в низу живота.

Даша, напуганная ее бледностью, выбежала из комнаты и вскоре появилась вместе с Маргаритой Сергеевной.

— Пусть Даша подождет за дверью, — попросила Елена.

Даша вышла.

Маргарита Сергеевна, держа прямо спину, приблизилась к кровати дочери с привычным выражением строгости на лице, но, увидев, как та бледна, обеспокоенно наклонилась к ней:

— Что случилось?

Вместо ответа Елена откинула одеяло, и мать увидела, что она лежит в кроватной луже.

— Господи! — побледнела Маргарита Сергеевна. — Надо срочно послать за доктором... Я надеюсь, ты не беременна и не хотела избавиться от ребенка?

— Беременна, — стыдливо призналась Елена. — Но ничего с собою не делала... — добавила она, виновато улыбнувшись. — Проснулась и вот обнаружила кровь...

— Успокойся, девочка моя, — заговорила Маргарита Сергеевна ровным голосом, хотя сама не на шутку разволновалась. — Сейчас я пошлю за доктором!..

Она стремительно вышла из комнаты, на ходу прикидывая, кто из прислуги порасторопнее, чтобы отправить за доктором. И решила, что самым надежным будет, если за доктором поедет не прислуга, а сам Александр Николаевич, ее муж. Он-то обернется быстрее всех.

Боль в низу живота усилилась, и Елена негромко застонала, откинувшись на подушку. «Боже, за что мне это? — подумала она. — Не надо, не надо, пусть будет ребенок... Оставьте мне его! Я хочу его, я никогда не отказывалась от ребенка... Ох, какая сильная боль!» Еле не хотелось этой боли, перетекавшей в липкую влагу под ягодицами... Но особенно не хотелось, чтобы кто-то, незнакомый ей, за кем сейчас послали, копался бы у нее внутри. Ей казалось, она сгорит от стыда. Лучше умереть, чем позволить чужим рукам касаться ее тела. Туманная память подсказывала ей, что есть и другое время, и другие реалии, и там у нее иная жизнь, и мож-

но сбегать отсюда, от этой кровати, окровавленной простыни, от этой боли... Скорей туда, туда, где ничего этого, вероятно, нет!

Облокотившись на руку, Елена привстала на колени. Закрыла левый глаз ладонью, как это делала не раз, и стала ждать... Прошла минута, другая, третья, а она по-прежнему находилась среди этих стен, сидя на окровавленной простыне, в том же смятённом состоянии духа. Она открыла глаза, окинула взглядом комнату и, убедившись, что ничего не изменилось, решила повторить попытку. С этой целью Елена поменяла позу, села удобнее на постели, перестав опираться на руку. Набрав полную грудь воздуха, прикрыла ладонью левый глаз, прижав ее как можно крепче к лицу. Шло время, но реалии вокруг оставались прежними. Нервничая, Елена в третий раз проделала те же действия, стараясь ничего не упустить: сконцентрировалась, прикрыла левое веко и, выждав немного, накрыла ладонью глаз. Потом стала считать, отмеряя про себя время. Она досчитала до тридцати и остановилась. Наполняясь тревогой, девушка оглядела комнату и поняла, что путь в другое время для нее закрыт... И тут в ее памяти со всей отчетливостью, ярко и зримо, обозначилась та, другая жизнь, куда она стремилась, все крупные и малые события той жизни, прорисованные во множестве деталей и мелочей, знакомые лица, дома, нравы, пейзажи, произведения искусства, вкус пищи, запахи растений и прочее, что имело там место, и она остро осознала, что здесь — в этом времени, где она находилась сейчас, — она случайный гость, жаждущий возвращения домой. Здесь все представлялось не родным, словно она, заплутав в лесу, вышла в незнакомый край, населенный чужими племенами, имеющими иную мораль и нравы, где ей все не по душе, но откуда нет выхода.

Закричав, Елена забилась в истерике и зарыдала, не в силах теперь все это изменить...

Неделю Елена находилась в коме, и Дурко, тот самый Дурко, исправно приезжал в больницу ежедневно и сидел у нее в палате молчуним до позднего часа, устроившись в уголке на складном деревянном стуле, который привозил и увозил с собой. Его не смущало, если кроме него в палате находились и другие — близкие Елены или медицинский персонал. Он никому не мешал и хотел, чтобы и ему не мешали быть возле любимой. Выгнать Дурко из палаты у родственников Елены не поднималась рука.

— Вы чего? — как-то спросили у него, обратив внимание на его отрешенный вид, который бывает у медитирующего человека.

— Я мысленно разговариваю с ней, — признался тот, — и надеюсь убедить ее не покидать нас...

После подобного заявления, озвученного раз или два, на Дурко глядели с некоторым подозрением: а все ли у него в порядке с головой? Но подобная реакция окружающих Дурко ничуть не смущала. Его мало заботило мнение людей, принимавших его за идиота. Главное, считал он, пробудить в Елене желание вернуться обратно в эту жизнь. Дурко не представлял себе будущего без нее, без их встреч в подъезде или во дворе, без их совместных поездок на машине, когда они отправлялись куда-либо в магазин или он просто подвозил ее до нужного места. Теперь он ничего не желал, кроме одного: видеть ее живой и здоровой.

У себя в комнате Дурко повесил на стену увеличенный снимок с изображением Елены, который он сделал когда-то возле дома Брянцева, следя за девушкой. При этом он старательно отрезал от любимой Брянцева, стоявшего при съемке рядом, — от того на снимке осталась только ладонь, которую Дурко тщательно закрасил фломастером.

— Вы что же, хорошо знали Лену? — спросила его как-то Екатерина, видя, что он является в палату каждый вечер, как на дежурство.

— Мне кажется, это так... — туманно изрек Дурко и умолк, надолго погрузившись в свои мысли.

Днем у постели дочери часами сидела мать, держа ее за руку и обливаясь слезами, моля про себя Господа сохранить девочке жизнь. После пяти появлялась Екатерина, и некоторое время они сидели вместе. Вечером, когда мать отправлялась домой, появлялся Дурко. Екатерина, мало что зная о нем, всякий раз с удивлением, граничащим с восхищением, вглядывалась в лицо этого странного, не столь привлекательного человека.

Когда Дурко узнал, что в Елену стреляли и она второй день после операции находится в коме, он припал на стул и стал подвывать, точно малый ребенок, как это бывало с ним в детстве, когда на его глазах жестоко-сердные мальчишки мучили кошек или отрезали голубям лапки. Мать, сообщившая ему эту новость, была потрясена — лет двадцать с лишним она не видела сына в таком состоянии. Она знала, что сын влюблен в Елену, но только теперь поверила в силу его чувств. А Дурко, утерев ладонью слезы, долго сидел молча, уставившись в одну точку. Страдание изменило его, и мать уловила в глазах сына новое, непривычное выражение. Бессонную ночь Дурко провел в думках, что он может сделать для спасения любимой. На другой день, уладив дела на работе, он отправился в больницу с твердым намерением вытянуть несчастную девушку из черной дыры, в которой та оказалась. И стал приходить в ее палату ежедневно, твердо веря, что настанет момент, и Елена откроет глаза...

Брянцев уехал во Францию — подошел срок действия путевки.

— Может, мне остаться? — спросил он у Екатерины накануне отъезда, пребывая в сомнениях, стоит ему в данной ситуации ехать или отложить поездку до лучших времен.

Екатерина взглянула в его усталое, осунувшееся лицо.

— Почему же? Езжай, — сказала она. — Чем ты можешь ей помочь? Ты же не врач... Уезжай, так будет лучше.

Екатерина уже тихо ненавидела Брянцева (ведь это из-за него пострадала Елена, и неизвестно, чем все кончится), хотя понимала, что винить бывшего любовника в случившемся глупо. Но ничего с собою поделывать не могла. Сейчас она даже удивлялась тому, что была влюблена в него когда-то и провела не одну бессонную ночь в мыслях об этом человеке. Теперь при его появлении Екатерину мучило, как от несвежей еды, и лучше, конечно, если бы он уехал.

Что Брянцев и сделал.

Туристическую группу, с которой Брянцев прибыл в Париж, разместили в отеле «Пейрис», расположенном поблизости от Больших бульваров. Стоя в холле отеля среди многочисленных чемоданов своих спутников, громоздившихся, наподобие торосов, он подумал, что название «Пейрис» ему что-то напоминает, и не сразу вспомнил, что именно. Слишком много впечатлений образовалось в последнее время. Но потом в памяти возникла бомжиха из Москвы, и он вспомнил о билете, который извлек когда-то из ее коробки. Ну, конечно, там говорилось про отель «Пейрис» и про какое-то откровение... В общем, глупость!

«Пейрис» — карманный отель в доме старой постройки. Крохотный, на одну персону, еле ползущий лифт, куда с трудом втискиваешься с одним чемоданом.

Небольшой, но вполне сносный номер с окнами на двор, где высится глухая стена, не давая глазу разгуляться в поисках впечатлений. Узкие, словно внутренности платяных шкафов, коридоры на этажах, с полами, устланными ковровином, гасящим звук шагов...

Брянцев жил в Париже по собственному графику — ходил туда, куда хотел, смотрел, что хотел. В эти дни ему особенно не хватало Елены, которая, не появившись злоумышленник, могла бы быть с ним рядом. Гуляя по парижским улицам, Брянцев постоянно думал о ней, и кулаки его сжимались в бессильной злобе в карманах светлого плаща. «Как же так? — спрашивал он себя. — Разве это справедливо, чтобы молодая, полная сил, девушка лежала сейчас в коме?» — вопрошал он, устремляя глаза в небо, где в почти весенней голубизне скользили мелкие светлые облачка, между которыми плавало блеклое солнце. Ответа не было. Думы о Елене, о том, что он не смог ее уберечь, мучили его, не давая в полной мере расслабиться и насладиться парижской жизнью.

Однажды, устав от хождения, Брянцев зашел в кафе на улице Сен-Мишель с намерением выпить чашку кофе. Получив желаемое, он тупо сидел за столиком, глядя невидящим взором на идущих мимо прохожих, на медленно ползущие в пробке машины. Тело его отдыхало, отдыхала и голова, освободившись на время от печальных мыслей.

Когда он расплачивался, взгляд его остановился на молодой миловидной женщине, сидевшей от него через столик со стаканом минеральной воды, погруженной в свои думы. Как она здесь появилась, Брянцев не заметил. Женщина думала, вероятно, о чем-то приятном, и это отражалось у нее на лице. Она была необыкновенно привлекательна. Лицо с тонкими чертами, гладко причесанные темные волосы, большие темно-синие глаза в обрамлении длинных ресниц, крупные пунцовые губы, на которых играла улыбка; на изящной матовой шее светились две жемчужные нитки.

Когда женщина, докурив сигарету, вышла на улицу, Брянцев последовал за нею. Незнакомка открыла свой «пежо», припаркованный на стоянке, и хотела уже сесть за руль, но что-то заставило ее изменить решение. Она закрыла машину и пошла дальше пешком, решив, видимо, прогуляться. Неясная сила ударила Брянцеву в голову, и он, вместо того чтобы идти своим маршрутом, пошел за женщиной. «Зачем я иду за ней? — спрашивал он себя. — С какой целью?.. — И отвечал лукаво: — Я прогуливаюсь... Какая разница, куда идти? За этой ли женщиной или в другом направлении...» При этом он не хотел себе признаться, что знакомка нравится ему, что его влечет к ней, что хорошо бы подойти к ней и заговорить. Его мало смущало, что он не знает французского. Ведь можно обратиться к женщине по-английски, и она, казалось ему, непременно поймет то, что он скажет. Мысли о Елене, о трагедии, случившейся по его вине, о своих чувствах к девушке он стыдливо гнал от себя. Она жива, и хорошо, и слава Богу! Но Елена там, в Москве, и когда он вернется из Парижа, то непременно будет с ней... Но это потом. А здесь сейчас была эта женщина, которая притягивала его, манила, как манит ученую обезьянку кусочек сахара или конфета, и ему трудно было противиться искушению. «Ах, нет, это нехорошо, нехорошо, в такое время...» — говорил он себе, желая остановить себя, но ноги не слушались его и шагали за знакомкой, а голову горячила мысль, что надо, наконец, выбрать момент и подойти к ней.

Женщина вышла на набережную Сены. На другой стороне высился Нотр-Дам, на площади перед которым толпились многочисленные туристы. Было тепло. Женщина сняла и положила на руку свое легкое пальто. Некоторое время смотрела на воду, потом на противоположный берег — что ее там привлекло, понять было трудно.

Брянцев, устроившись поодаль, любовался ее ладной фигурой, облаченной в серо-голубой костюм с ко-

роткой юбкой, ее длинными стройными ногами. Бесенок в его душе распался жаровню, подбрасывая в огонь все новые и новые ветки хвороста. И вот уже костер полыхал вовсю. Теперь он твердо знал, что непременно подойдет к незнакомке и заговорит с нею. Что он и сделал.

После нескольких фраз по-английски, которыми они обменялись, и он сказал незнакомке, что приехал из России, она неплохо, хотя и с заметным акцентом, заговорила по-русски. Выяснилось, что прадед ее и прабабка были родом из России. Звали ее Натали. Завязав разговор с Натали, покоренный исходившим от нее обаянием, Брянцев почувствовал, что влюбляется в эту женщину, и подумал, что должен непременно завоевать ее. Но кто-то строгий внутри его души, не принимая его горячность, сурово вопрошал: как же так? Еще недавно в храме на Сретенке, обращаясь к Господу и моля его оставить Елену в живых, ты обещал любить ее одну, обещал не размениваться на других женщин, и вот сейчас, очарованный Натали, ты стараешься забыть о тех горестных минутах и о том обещании, которое тогда дал. Брянцеву стыдно было сознавать, что это так. Да, обещал. Да, это был он... Но трудно было сопротивляться охватившему его чувству — слишком хороша была Натали. Само воплощение женской прелести. И Брянцев, отринув все сомнения, энергично разматывал нить разговора, перемежая свою речь легкими шутками, желая понравиться собеседнице.

Незаметно для обоих они пошли по набережной. Перешли остров Сите и пошли по узким, заставленным машинами улицам, которые сменяли одна другую. Возбужденный Брянцев говорил без умолку, готовый рассказать своей спутнице все самое интересное, что было ему известно до этой минуты. Он боялся только одного: вдруг его спутница придет в себя, остановится и скажет, что ей пора уходить. Любуясь Натали, он вдруг подумал, что ей, наверное, были бы к лицу наряды, которые носили в конце девятнадцатого века — длинные платья с ту-

го затянутым корсетом и турнюром, украшенные воланами и кружевом, шляпы с перьями или лентами, имеющие свойство зрительно удлиннить фигуру. Да что там одежды девятнадцатого века, ей все к лицу: и век двадцатый, и двадцать первый! — подумал он. Ему нравилась улыбка Натали, невинная и соблазнительная одновременно. Зубы ее, на которые он нет-нет, да и поглядывал с профессиональным интересом, имели такую белизну, словно их никогда не использовали для разжевывания пищи, а применяли лишь для улыбки в разговоре.

Они зашли в кафе, выпили вина и вновь отправились путешествовать по улицам... Как-то незаметно на город опустились сумерки. В домах засветились огни, на улицах прибавилось народу, и прохожие будто ускорили ход, став шумнее и возбужденнее. Париж, будничный и деловой, празднично преобразился, сияя многоцветьем реклам, витринами магазинов, огнями ресторанчиков и бистро, втягивая в свою живую карусель все и вся, становясь, наконец, таким, каким он известен миллионам людей в разных концах земли по книгам, картинам и фильмам. Беспokoйно двигались машины, развозя своих пассажиров на вечерние сборища, остро царапая лучами фар стены и углы домов... Переходя улицу на светофоре, Брянцев и Натали попали в поток яркого света глазевших на них автомобилей, временно прервавших свой бег, видимые со всех сторон, как актеры, перемещающиеся по сцене. «Только бы она не сказала, что ей пора уходить», — вновь подумал Брянцев, страшась остаться без своей спутницы.

Они оказались в узком переулке, наклонно спускавшемся вниз, где горели странные фонари на стенах (скорее всего, газовые), звучала игривая музыка и толпилось множество народу, будто на переходе в московском метро. Не сразу — лишь через некоторое время — Брянцев заметил, что люди вокруг выглядят не совсем обычно. Среди одетых по современной моде мелькали мужчины и женщины, одетые, словно на карнавале, в

наряды прошлых эпох, начиная от Средневековья и кончая веком нынешним. Все переплелось в этой толпе по чьей-то странной прихоти — костюмы времен Возрождения и эпохи Людовика XIV, одежда, которую носили при русском царе Петре и в годы французской революции, наряды, привлекавшие модников и модниц в конце девятнадцатого века и в период европейской войны 1914 года, — словно по сигналу воздушной тревоги, предупреждающему о бомбежке, сотни артистов, игравшие до того на сцене, не снимая костюмов, покинули свои театры и устремились шумной толпой в бомбоубежище. И только веселая, можно даже сказать, легкомысленная музыка мешала подобной ассоциации. Образованный человек, хорошо знающий историю и заметных ее участников, обнаружил бы здесь и господина с лицом Козимо Медичи, и мужчину, весьма похожего на Мольера, и даму с внешностью мадам Рекамье, и господина, являющегося копией Стендаля, и тех, кто поразительно похож на Россини, Гарибальди, Федора Достоевского, Сару Бернар, Эйнштейна и Малера... Брянцев, не будучи столь образованным человеком, как некоторые ученые мужи, все же кое-кого из них опознал. И если бы ему не было доподлинно известно, что этих людей давно уже нет в живых, то он непременно подумал бы, что это — они. Но здесь — в настоящую минуту — эти люди не могли появиться, разве что это были актеры, умело загримированные под них. Но, внимательно приглядевшись, Брянцев не обнаружил на лицах этих господ следов грима, лица были естественно-го вида, со всеми присущими им морщинами, складками, шрамами, волосяной растительностью... Брянцев вдруг почувствовал, что ему душно и не хватает воздуха. Чего нельзя было сказать о Натали, — та, судя по ее раскрасневшемуся лицу, чувствовала себя превосходно и улыбалась, обнажая свои чудесные белые зубы; ее вдохновляло присутствие вокруг столь известных особ. Брянцев стал задыхаться, точно астматик, но старался

скрыть от Натали, что ему нехорошо. Он боялся произвести невыгодное впечатление и дать повод вывести себя куда-нибудь на воздух, где она могла покинуть его... Брянцев заметил в глухой кирпичной стене, тянувшейся слева, приоткрытую дверь, из-за которой острыми лучами пробивался яркий свет, и почувствовал, что там, за дверью, где, вероятно, меньше народу, он быстро придет в себя. Он ухватил Натали за руку и увлек ее за собой. Когда они прошли в дверь, Брянцев обнаружил за нею просторный дворик в итальянском духе, освещенный множеством огней, в основном это были гирлянды из электрических лампочек, замысловато висящие на деревьях и стенах, но попадались и факелы, которые держали стоявшие по углам молчаливые лакеи в livreaх с позументами. Зеленая лужайка в середине дворика была заполнена молодыми людьми обоего пола, одетыми по-разному, как и люди на улице. Они стояли группами по три-четыре человека и негромко беседовали друг с другом. Справа, на расстоянии полутора метров от входа, на старой вытертой волчьей шкуре сидел клошар, облокотившись на грязный засаленный мешок, одетый в застиранный плащ и мятую шляпу, украшенную поломанным павлиньим пером. В одной руке он держал бутылку с вином, к горлышку которой изредка прикладывался, в другой — дымящуюся сигарету. Увидев Брянцева и Натали, клошар не очень резво, будучи уже, вероятно, пьяным, поднялся на ноги и устремился к ним. Когда он встал у них на пути, приблизив к ним свою физиономию, выяснилось, что это женщина. Черты ее лица, привлекательного в прошлом, несколько огрубели от образа жизни, который она вела, но не утратили своей живости и обаяния. Что-то знакомое угадывалось в этих чертах, хотя Брянцев был убежден, что видит эту женщину впервые. Несмотря на шаткость в ногах, она бойко заговорила по-французски, но затем, оборвав свою речь ругательством *merde*, неожиданно перешла на русский язык, на котором изъяснялась довольно

сносно. «Послушай, красавчик, — сказала она, — подумай, прежде чем пойдешь дальше... Слишком велики потери, и от тебя зависит, быть им или нет... А эту оставь, — кивком головы она указала на Натали (та только засмеялась на эти слова). — Не трать время... — И сказала совсем уж непонятное: — Не все золотые кольца для наших рук...» — «Она пьяна, — заключил Брянцев, — и несет, сама не ведая что! Оставь меня!» — вскричал он с капризной нотой в голосе. «Как же я тебя оставлю? — загадочно отозвалась женщина. — Я твоя путеводная нить... Ты еще не понял?» — «Все равно оставь!» — отмахнулся он и, втянув в себя воздух, точно рыба, вытащенная из воды, поспешил за своей спутницей. «Смотри, ты сделал свой выбор!..» — бросила ему вслед женщина. В конце дворика за колоннадой, куда его привела Натали, обнаружилась лестница с широкими стертými каменными ступенями, ведущая по кругу вниз. Брянцев и Натали, взявшись за руки, стали спускаться по этой лестнице, следуя за тремя молодыми людьми в сюртуках, ступившими на нее ранее. Бросив взгляд через перила вниз, Брянцев увидел живописную площадку с деревьями по краям, где так же, как и наверху, откуда они спускались, было людское шевеление и царила атмосфера праздника, которую подчеркивала игра невидимого аккордеона. Одну из четырех сторон площадки целиком занимал огромный камин, в котором полыхали толстые длинные поленья, охваченные золотисто-красными языками пламени. Поленья трещали, лопаясь от жара, выплевывая наружу снопы искр, и те мелкими звездами уносились в черное небо, превращаясь там в огни грохочущих петард. У подножия лестницы Брянцев увидел решетчатые воротца. Каждый, кто спускался вниз, входил в эти воротца, и, когда они захлопывались за входящим, нечто вроде белесой дымки, напоминающей зыбкий облик маленького ребенка, похожий на те, что изображают художники на открытках, посвященных радости материнства, отделялось от челове-

ческой фигуры и уносилось вверх, туда, где в черном пространстве полыхал фейерверк, перечеркивая в разных направлениях небо. «Что это? Похоже на отлетающие души? — размагниченно подумал Брянцев, весьма довольный пришедшим в голову сравнением. — А огонь и поленья в камине — видимо, начало преисподней? — усмехнулся он. Потом оглядел толпу, стоявшую перед камином. — Но все эти дамы и господа, без сомнения, живы! И, судя по всему, прекрасно себя чувствуют...» Дышать ему стало легче, а когда какой-то прислужник, стоявший в тени, сунул ему в руки серебряную, с изображением бычьей головы, чашу с вином и Брянцев отхлебнул из нее изрядно, то окончательно воспрянул духом и с легкостью пересек линию ворот. «Ах, Елена, Елена!..» — мелькнула где-то в сознании мысль, далекая, как змейка ползущего на горизонте поезда. Аккордеон играл не умолкая. Мелькали веселые лица. Кто-то жадно пил вино из кубка, и красные струйки, не попавшие в рот, стекали на подбородок, кто-то жевал мясо, нанизанное на шампур, срывая куски с металлических стержней красно-малиновыми от отблесков огня жирными губами. Кто-то приплясывал, положив руку на талию игривой толстушке, словно сошедшей с полотна Рубенса. Кто-то хитро выглядывал из-за развернутой газеты, казавшейся здесь такой неуместной. Но Брянцев ничего не замечал, кроме Натали. Ее лицо, прекрасное, одухотворенное, такое близкое в эти мгновения, светилось, как думалось Брянцеву, любовью. Любовь к нему. Оно казалось сейчас самым прекрасным из того, что есть на белом свете, и ничто не могло превзойти его. Только страсть, только обладание этой женщиной могло быть еще выше!.. А музыка аккордеона, игривая и легкомысленно-сладостная, веселящая душу, обнимала все и вся — и живое пространство вокруг, и древние стены, и ступени лестницы, и чаши с вином, блуждающие по рукам, и лакеев в ливреях, и стреляющие искрами поленья в камине, и небо, с узорами фей-

ерверка, вспыхивающими то тут, то там... Ах, как чудесна была эта музыка!..

Елена умерла в тот же вечер... Брянцев узнал об этом, вернувшись в гостиницу поздно ночью и прочтя телеграмму, которую вручил ему бодрствующий портье. Пока он читал текст, бледнея и болезненно морщась от прочитанного, портье с удивлением взирал на постояльца, на его покрытое копотью лицо, на следы гари на плечах светлого плаща. «Где это его так угораздило? — подумал портье, коротко зевнув. — Точно побывал на пожаре...»

Эпилог

Тело «охотника» опознать не смогли, при нем не оказалось ни документов, ни бумаг, по которым можно было бы установить личность погибшего. Никто покойного не искал. Ни родители, жившие на Урале и которым он писал крайне редко, ни московские знакомые, решившие, что он просто уехал, как это не раз бывало, ни начальство в банке, откуда он уволился, став для бывших сослуживцев чужим. Два месяца тело пролежало в морге не востребованным, затем его похоронили в общей могиле на одном из московских кладбищ. В записях в кладбищенской книге, где было указано место захоронения, среди прочего значилось: неопознанный труп мужчины, возраст — примерно тридцать лет; причина смерти — попал под машину. Лишь одна из прежних подружек «охотника», та, что оставила у него в машине «Бесов», звонила ему несколько раз с целью забрать забытую книгу и, быть может, провести с ним вечерок, но, увы, телефон молчал, а когда, много времени спустя, трубку все же сняли, с нею разговаривал другой человек; он сообщил ей, что бывший жилец здесь больше не проживает, и куда он отбыл, неизвестно. Хозяин квартиры хватился «охотника» только месяца через два, когда тот, исправно плативший за жилье, не появился в очередной раз с деньгами. Хозяин открыл квартиру своим ключом и, обнаружив засохшие остатки еды на сковородке и мебель, покрывшуюся толстым слоем пыли, понял, что «охотник» давно здесь не появлялся. Видимо, уехал, не предупредив, подумал хозяин, а жаль — жилец производил хорошее впечатление. Вещи «охотни-

ка» (их было немного) собрали вместе и сложили на антресоли, на случай, если все же владелец объявится и пожелает их забрать. Так они и лежат там, являясь неммым свидетельством того, что осталось от некогда живого человека...

Елена, закончив свое существование в дне сегодняшнем, продолжала жить в прошлом. Прочно оказавшись там, где начинал свой долгий путь век двадцатый, она вскоре забыла все то, что было с нею сто лет спустя. И если иногда что-то смутно бродило в ее сознании в виде отдельных неясных картин, ей казалось, что это отголоски чудесного сна, который являлся ей в течение некоторого времени с завидным постоянством.

Она так и не вышла замуж за доктора Ланге, как того желала, и тем самым подтвердилось предсказание гадалки. Николай Павлович пробыл в имении отца долгое время, пытаясь излечить больного родителя, и вернулся в Москву только после его смерти, через год. Елена, страдавшая от разлуки, тяжело болевшая после выкидыша, не дождалась его и вскоре после Рождества вышла замуж за пехотного поручика Ивана Васильевича Васьянова, с которым познакомилась на балу в дворянском собрании. С Ланге после его возвращения она не встречалась. Да и семья Елены сочла за благо не пользоваться впредь услугами доктора и взять другого. Что и было сделано. И хотя Москва большой город, пути знакомых людей все же нередко там пересекаются, но Елена с Ланге так никогда больше и не встретились. До него, случалось, доходили отдельные сведения о ней от общих знакомых, кое-что становилось известным и Елене о его нынешней жизни, но она старалась не вникать в это. Теперь у нее была семья, был муж, которого она с годами любила все сильнее и была верна ему. У них родилось двое детей: дочь Анастасия и сын Константин. Васьянов участвовал в Русско-японской войне, воевал под Порт-Артуром, отличился там, получил за доблесть

офицерского Георгия, был ранен... Потом с четырнадцатого по восемнадцатый воевал на германском фронте, дослужился до генерала. Когда большевики захватили власть в России, ушел в Белую армию под знамена Врангеля и после оказался в Париже. Сидел там, скорбя об участи, постигшей его родину, ждал жену и детей, надеясь, что им удастся получить разрешение на выезд из России. Однажды в двадцатом, когда ЧК раскрыло офицерский заговор, в котором участвовал племянник генерала, Елену вызвали на допрос на Лубянку. Допрашивал ее изможденный человек с серо-желтым лицом, усеянным шрамами, с небритыми щеками и без одной руки — рукав пиджака, где находился обрубок, был заправлен в карман. Он много курил, задавал вопросы твердым тихим голосом, пытаясь выяснить, причастна ли она к заговору или нет. И поглядывал на Елену со строгим мудрым превосходством. «А вы мало изменились, Елена Александровна, хотя прошло столько лет... — вдруг сказал он на втором часу допроса. — И фамилия у вас теперь другая... Но узнать можно... Лицо почти такое же». Елена взгляделась в следователя: морщинистое лицо со следами ранений, серые от седины волосы, усталые глаза, как у человека, не спавшего много часов... И не узнала его. «Не признали», — усмехнулся следователь. «Кто вы?» — спросила она. «Пустыгин... Помните такого? Мальчишка, террорист, который запрыгнул к вам в коляску...» — «Как?! — удивилась Елена. — Ведь вы же погибли при покушении на князя NN!.. В первые минуты после взрыва бомбы я была там и видела ваше тело...» — «Значит, не погиб, — с чувством удовлетворения произнес он. — Вовремя оказался на столе у хирурга, но руки лишился... Господам из сысканого я был нужен живым, чтобы узнать о моих товарищах... Но они просчитались...» — «Боже мой, в это трудно поверить...» — покачала головой Елена. Следователь закурил новую папиросу, голова его окуталась дымом. И когда дым рассеялся, сказал: «А ведь я вас

любил тогда... — голос его чуть потеплел. — А вы, кажется, любили доктора... — И добавил уже сухо: — А вот доктора мы расстреляли... Он принимал участие в заговоре». Так Елена узнала о смерти Ланге. И хотя они не виделись с Ланге почти двадцать лет, у нее перехватило горло и острая боль пронзила виски, словно в каждый вонзили по металлическому штырю. Она закашлялась, будто от табачного дыма, чтобы скрыть от следователя, как она раздавлена его сообщением. Следователь придал папиросу в пепельнице, махнул ладонью, разгоня дымное облако. И сказал после некоторого молчания, коротко возбудившись: «А прав-то оказался я, а не ваш доктор... Не напрасны были наши муки и пролитая кровь... Вон она — славная жизнь — уже близко!» Елена подавленно молчала — ей все не верилось, что этот немолодой человек с редкими волосами и холодным взглядом, сидящий напротив нее, кожа на лице которого досрочно состарилась и напоминала истертый пергамент, на котором отныне трудно разобрать начертанные там письма, и есть тот порывистый, нервный юноша, желающий осчастливить человечество.

Следователь Пустыгин отпустил Елену, видя ее непричастность к заговору. Более того, помог получить ей разрешение на выезд с детьми из России, и Елена тут же уехала. Следы ее теряются в Париже, и что с нею стало впоследствии, неизвестно.

Пустыгин в тридцать восьмом был арестован по обвинению в подрывной деятельности против советской власти и в том же году расстрелян.

2002—2004 гг.

Литературно-художественное издание

Валерий Лонской
Ящик факира

Выпускающий редактор
Ю.Р. Камалова
Художественный редактор
Л.Г. Иванова
Технолог
С.С. Басипова
Оператор компьютерной верстки
Л.Г. Иванова
Корректор
Л.М. Камалова

Подписано в печать 02.05.2007
Формат 84х108/32.
Тираж 2000 экз.
Заказ №

ООО «Вагриус Плюс»
107392, г. Москва, ул. Просторная, д. 6.

Информация об Издательстве в Интернете:
<http://www.vagriusplus.ru>

Отпечатано в ОАО ИПК
«Ульяновский Дом печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14